

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 15. Часть 6 (№95)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2026

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 12,25

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Абдулатипов Р.Г., доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. Директор Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных ценностей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современного государственного и муниципального управления факультета экономики и управления Российского государственного социального университета.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующего Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, предсе-

датель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, Руководитель центра исследования миграционных процессов, трудовых ресурсов и рынка труда, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 15. Issue 6 (№95)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2026

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project.
The mission of the journal is the consolidation of progressive forces,
constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

**The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of
the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.**

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Abdulatipov R.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. Director of the Center for Scientific and Methodological Support of State Cultural Policy and Traditional Values of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, researcher of the VUNC of the "Naval Academy".

Bormotova T.M., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Modern State and Municipal Management of the Faculty of Economics and Management of the Russian State Social University.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Migration Processes, Labor Resources and the Labor Market, Chief Researcher at the Institute of Social Demography of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Цыбенков Д.Ю. Катехизация как социальный институт православия в современной России.....	14
--	----

ФИЛОСОФИЯ

Крюков В.В. Философия искусственного интеллекта.....	24
Лукманова Л.Ф. Эволюция концепта виртуальной реальности: от онтологического статуса к гносеологическому измерению.....	29

СОЦИОЛОГИЯ

Обухова Л.А., Матющенко А.В. Государственно-частное партнерство: институциональное доверие как фактор снижения транзакционных издержек (на примере Приморского края).....	39
Ананченкова П.И. Аксиологические основы долголетия.....	51
Газалов А.Т. Коммуникативные стратегии органов публичной власти в цифровой среде: региональный опыт взаимодействия с молодежью.....	60
Коваленко Т.Н., Серeda В.М., Карпова Е.Е. Социальная картография бездомности в Санкт-Петербурге: маршруты выживания, точки помощи и барьеры городской навигации.....	65
Лобанов М.А., Мирошниченко Н.В. Социальные установки пользователей рекламы в социальных сетях.....	72
Пархоменко А.А. Социологический анализ социальной инфраструктуры в контексте регионального развития (теоретический аспект).....	80
Разгуляева Т.А. Клиентоцентричность и цифровизация в системе кадрового обеспечения государственной службы.....	89
Токарев А.М. Способы и особенности влияния новых общественных движений в Японии на внутреннюю политику страны.....	101

Земцова О.А. Целевое обучение как механизм профессиональной социализации и закрепления молодежи в системе ОАО «РЖД».....	115
---	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Терновая Л.О., Рябова Е.И.	
Чистый код бытия: числовая символика фонтана.....	124
Белякова И.Г. Культурная адаптация в многоязычной среде современного высшего учебного заведения.....	
	132
Сузукей В.Ю. Специфика звуковой системы тувинской инструментальной музыки.....	
	138
Рубанцова Т.А., Сотникова Е.В.	
Формирование теорий естественного права в древности.....	147
Афанасьев Н.В. Семиотика небесного медиатора: образ орла в мифологической картине мира эвенков.....	
	151
Рябчун Н.П. Онтологическое измерение этнической культуры: сотворение мира в творчестве Лейлы Изабакаровой.....	
	160
Миронов А.В., Садриева А.Н., Кузнецова Н.С., Теньковских Е.М. Партиципаторные практики в региональном художественном музее (на материале проектов Нижнетагильского музея изобразительных искусств, посвященных Павлу Голубятникову).....	
	166
Сунь Маньнин, Гонтарев В.Н.	
«Harvest fisherman's song» композитора Ли Зили как один из шедевров китайского скрипичного искусства: особенности создания, композиции и исполнения.....	173
Аннотации	180
Авторы	193

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

Tsybenov D.Yu. Catechesis as a social institution of orthodoxy in modern Russia.....	14
--	----

PHILOSOPHY

Kryukov V.V. Philosophy of artificial intelligence.....	24
Lukmanova L.F. The evolution of the concept of virtual reality: from ontological status to epistemological dimension....	29

SOCIOLOGY

Obukhova L.A., Matyushchenko A.V. Public-private partnership: institutional trust as a factor in reducing transaction costs (using the example of Primorsky Region)...	39
Ananchenkova P.I. The axiological foundations of longevity.....	51
Gazalov A.T. Communication strategies of public authorities in the digital environment: regional experience of engaging with youth...	60
Kovalenko T.N., Sereda V.M., Karpova E.E. Social cartography of homelessness in Saint-Petersburg: survival routes, points of assistance and barriers to urban navigation.....	65
Lobanov M.A., Miroshnichenko N.V. Social settings of users of advertising on social networks.....	72
Parkhomenko A.A. Sociological analysis of social infrastructure in the context of regional development (theoretical aspect).....	80
Razguliaeva T.A. Client-centricity and digitalization in the civil service human resource management.....	89
Tokarev A.M. Methods and characteristics of the influence of new social movements in Japan on domestic policy...	101

Zemtsova O.A. Targeted education as a mechanism for the professional socialization and retention of young people in Russian railways.....	115
--	-----

CULTURAL STUDIES

Ternovaya L.O., Ryabova E.I. The pure code of being: the numerical symbolism of a fountain.....	124
Belyakova I.G. Cultural adaptation in the multilingual environment of a modern higher education institution.....	132
Suzukey V.Yu. Specifics of the sound system of Tuvan instrumental music.....	138
Rubantsova T.A., Sotnikova E.V. The formation of natural law theories in antiquity.....	147
Afanasev N.V. Semiotics of the celestial mediator: the image of the eagle in the Evenki mythological worldview.....	151
Ryabchun N.P. The ontological dimension of ethnic culture: the creation of the world of Leyla Izabakarova.....	160
Mironov A.V., Sadrieva A.N., Kuznetsova N.S., Tenkovskikh E.M. Participatory practices in a regional art museum (based on projects by the Nizhny Tagil museum of fine arts dedicated to Pavel Golubyatnikov).....	166
Sun Mannin, Goptarev V.N. «Harvest fisherman's song» by composer Li Zili as one of the masterpieces of Chinese violin art: features of creation, composition, and performance.....	173
Abstracts	187
Authors	195

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта

**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Цыбенков Д.Ю.*Аспирант. Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального Университета.***Катехизация как социальный институт православия в современной России***

Аннотация. В статье рассматривается катехизация как социальный институт православия в современной России. Социологические данные фиксируют разрыв между номинальной и осознанной религиозностью. Катехизация рассматривается как институт, способный сыграть ключевую роль в его преодолении. Анализируются нормативные документы Русской Православной Церкви и выделяются институциональные элементы катехизации, а также автором выделяются её функции: регулятивная, социализирующая, транслирующая, адаптационная и интегративна. Показана историческая трансформация института от подготовки язычников к Крещению в ранней Церкви к современной гибридной модели, где приходские формы дополняются цифровыми каналами коммуникации. Делается вывод, что катехизация является социальным институтом, формирующим коммуникативную основу для преодоления разрыва между формальной принадлежностью к православию и подлинной воцерковленностью. В заключение предлагаются направления для дальнейших эмпирических исследований.

Ключевые слова: религия, православие, катехизация, социальный институт, трансформация.

Tsybenov D.Yu.*Graduate student of the School of Education, Psychology and Sociology, of Siberian Federal University.***Catechesis as a social institution of orthodoxy in modern Russia**

Abstract. The article examines catechesis as a social institution of Orthodoxy in contemporary Russia. Sociological data record a gap between nominal and conscious religiosity. Catechesis is examined as an institution capable of playing a key role in overcoming this gap. The analysis covers the regulatory framework of the Russian Orthodox Church, within which the structural components of catechesis are outlined. The author also identifies several functions it performs, namely regulatory, socializing, transmitting, adaptive, and integrative. The paper traces the historical evolution of this institution, moving from the early Church practice of preparing pagans for Baptism to the contemporary hybrid model, in which traditional parish forms now operate alongside digital communication channels. It is concluded that catechesis is a social institution that forms a communicative basis for overcoming the gap between formal affiliation with Orthodoxy and genuine church commitment. In conclusion, directions for further empirical research are proposed.

Key words: religion, Orthodoxy, catechesis, social institution, transformation.

Православие в России сохраняет статус самой распространенной конфессии. По данным ВЦИОМ за 2025 год, 67% россиян называют себя православ-

* © Цыбенков Д.Ю., 2026.

Катехизация как социальный институт православия в современной России

ными¹. Культурное и религиозное влияние позволяет отнести эту конфессию к ключевым социальным институтам страны. Социологические исследования при этом фиксируют разрыв между номинальной религиозной самоидентификацией и осознанной религиозностью. Так, среди молодежи 71% не посещают храм и относят себя к вере формально, «не проявляя высокой степени веры»². Эту картину дополняют данные других исследований. Среди тех, кто называет себя православными, 46% посещают храм ежегодно, 57% никогда не обращаются к священнослужителям, а 52% не читают религиозную литературу³. Статистка ВЦИОМ за 2026 год также показывает, что 50% верят в домового и более половины орошенных прибегали к эзотерическим практикам⁴. Эти и другие научные работы⁵ свидетельствуют о существова-

нии обширной внеинституциональной периферии верующих, не включенных в воцерковленную жизнь. Учитывая роль православия в поддержании культурной и религиозной идентичности общества, а также в формировании системы традиционных ценностей⁶, преодоление данного разрыва становится внутрицерковной и общенациональной задачей.

В подобных условиях институт катехизации приобретает особую значимость. Синодальный отдел религиозного образования и катехизации определяет катехизацию как «содействие уверовавшему в Бога человеку в сознательном и ответственном вхождении в жизнь Церкви, в обретении им основ православного мировоззрения и православного образа жизни»⁷. Иными словами, в настоящий период катехизация преодолевает данный разрыв между формальной принадлежностью и подлинной воцерковленностью. Следует упомянуть, что исторически катехизация являлась многолетней подготовкой язычника к крещению⁸. Однако

1 ВЦИОМ. Религия и общество: мониторинг // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (Дата обращения: 15.11.2025).

2 Гузельбаева Г.Я. Отношение молодых людей к религиозным организациям, духовным лидерам и цифровизации религиозной сферы на фоне постпандемии / Г.Я. Гузельбаева // Научный результат. Социология и управление. 2024. № 1. С. 177-190.

3 Жданова Д.С. К вопросу осмысления роли религии в жизни современного человека (по материалам социологического исследования в г. Барнауле) / Д.С. Жданова, Д.В. Уколова, К.Б. Хорун // Социодинамика. 2025. № 5. С. 60-78.

4 ВЦИОМ. Мистика где-то рядом // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mistika-gde-to-rjadam> (Дата обращения: 05.08.2026).

5 Ринчинова С.Б. Вера в религиозном сознании студенческой молодежи БИИК Бурятского института инфокоммуникаций (БИИК СибГУТИ) / С.Б. Ринчинова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. № 3. С. 16-23; Мордышева Л.Н. Социологический анализ православной религиозной идентичности: дискурс патриотизма и оппозиционности / Л.Н. Мордышева, И.А. Юрасов, Ю.Р. Лаканина, Д.М. Тимохина // Теория и практика общественного развития. 2025.

№ 8. С. 24-36; Зимова Н.С. Факторы, влияющие на религиозность современной российской молодежи (на примере студентов г. Москвы) / Н.С. Зимова, Т.С. Неробеева // Социология религии в обществе позднего модерна. 2023. № 12. С. 82-93; ФОМ. Русская православная церковь: вероисповедание и воцерковленность // URL: <https://fom.ru/TSennosti/15172> (Дата обращения: 05.08.2026).

6 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.

7 Об организации катехизической деятельности Русской Православной Церкви // Патриархия.ru: официальный сайт Московского Патриархата. 20.07.2010. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/92547> (Дата обращения: 03.12.2025).

8 Гаврилюк П.Л. История катехизации в древней церкви / под ред. свящ. Георгия Кочеткова. – М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2001. 230 с.

социально-культурные изменения (легализация христианства, крещение младенцев и т.д.) трансформировали данный институт, расширив охват целевой аудитории.

Актуальность изучения катехизации как социального института обусловлена тем, что в современных условиях она становится наиболее актуальным каналом трансляции православных ценностей особенно за пределами воцерковленной общины. Ее целевая аудитория сегодня это широкий круг крещенных людей, которые еще не достигли осознанного отношения к вере. Рассмотрение катехизации как социального института позволяет понять ее как устойчивую, нормативно закреплённую систему, через которую церковь транслирует православные нормы и ценности различным целевым группам.

Можно выделить несколько ключевых направлений анализа катехизации и религиозной коммуникации. Богословско-историческое направление (Д.М. Гзгзян⁹, диакон П. Гаврилюк¹⁰, А.С. Лытус¹¹ и др.) сосредоточено на выявлении канонических оснований и святоотеческих практик древнего оглашения. Социологический подход (Н.Н. Емельянов¹², С.В. Рязанова¹³,

С.Д. Лебедев¹⁴, М.А. Подлесная¹⁵ и др.) фиксирует трансформацию современной религиозности. Она проявляется в дифференциации уровней вовлеченности верующих, адаптации институциональных структур к текущим ресурсным условиям и преобладании культурно-традиционного восприятия веры. Наиболее активно исследования цифровой трансформации (Г.Я. Гузельбаева¹⁶, Е.И. Гришяева¹⁷ и др.) анализируют формирование новых гибридных форм религиозной коммуникации. Нормативная база института закреплена во множестве официальных документах РПЦ. При этом исследователи обычно анализируют катехизацию как богословское или историческое явление, но никто не рассматривал ее как социальный институт. Поэтому цель нашей работы – описать институциональные признаки катехизации и проследить ее трансформацию.

Любой институт обладает нормативностью, наличием цели, функциями, ролевой структурой, ресурсной базой, санкциями, исторической преемственностью и изменчивостью. Катехизация,

14 Лебедев С.Д. Религия глазами российских студентов / С.Д. Лебедев, Л.В. Шаповалова // Научный результат. Социология и управление. 2024. № 3. С. 52-71.

15 Подлесная М.А. Православная религиозность в условиях социальных изменений: социологическая рефлексия жизненных историй верующих советских и постсоветских поколений: [монография] / М.А. Подлесная; отв. ред. О.В. Аксёнова; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 498 с.

16 Гузельбаева Г.Я. Отношение молодых людей к религиозным организациям, духовным лидерам и цифровизации религиозной сферы на фоне постпандемии / Г.Я. Гузельбаева // Научный результат. Социология и управление. 2024. № 1. С. 177-190.

17 Гришяева Е.И. Интернет в православном приходе: особенности взаимодействия православных пользователей с интернет-технологиями / Е.И. Гришяева, А.Г. Бусыгин // Научный результат. Социология и управление. 2020. № 1. С. 3-15.

9 Гзгзян Д.М. Цели и условия катехизации в святоотеческой традиции их возможное применение в современной церковной практике / Д.М. Гзгзян // Вестник Свято-Филаретовского института. 2012. № 6. С. 29-50.

10 Гаврилюк П.Л. История катехизации в древней церкви / под ред. свящ. Георгия Кочеткова. – М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2001. 230 с.

11 Лытус А.С. История катехизации в ранней церкви / А.С. Лытус, С.А. Штубарин // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2020. № 14. С. 146-155.

12 Емельянов Н.Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? / Н.Н. Емельянов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 32-48.

13 Рязанова С.В. Русское православие в современном обществе / С.В. Рязанова // Антиномии. 2014. № 4. С. 35-49.

проверенная по этим критериям, обнаруживает их наличие и может быть рассмотрена как социальный институт.

Нормативную структуру института составляют официальные документы РПЦ: базовые нормативные документы¹⁸, документы, регулирующие подготовку катехизаторов¹⁹; методические рекомендации²⁰. На основе анализа данных нормативных документов катехизация представляет собой социальный институт, направленный на удовлетворение потребности общества в религиозной социализации и трансляции религиозного знания. Ценностными ориентирами института выступают сознательное принятие веры, следование Христу и обращение к святоотеческому наследию, что соотносится с официальным определением катехизации.

Нормативные предписания включают проведение согласительных бесед перед Крещением и Венчанием. Беседы направлены на разъяснение основ вероучения, смысла таинств и христианской нравственности. Важным требованием является отречение от суе-

верных учений и магических практик. Взрослые и дети старше 12 лет должны проходить предварительную подготовку перед крещением, а в случае крещения младенцев оглашение проводится с родителями и восприимниками. Минимальный объем оглашения предполагает проведение двух предварительных бесед, но желательный объем подготовки может реализовываться через цикл тематических бесед (3-12 и более) в сочетании с «самостоятельным духовным трудом» и послекрещальным наставлением. Кроме того, предписания включают наличие воскресных школ в приходах, введение письменного прошения о Венчании за 1 - 2 месяца, а также создание штатных должностей помощников благочинных по катехизации и катехизаторов.

В качестве санкций институт катехизации использует механизмы, препятствующие совершению Таинства (например, «блудное» сожителство или работа, не соответствующая христианской нравственности). Совершение Таинства в таких случаях должно быть отложено до исправления жизни оглашаемого. Крещение не может быть совершено над человеком, отрицающим основы христианского вероучения, а к участию в Таинстве не должны быть допущены те, кто желает креститься по суеверным причинам. В то же время предусмотрены совершения Крещения над больными людьми или в условиях опасности для жизни, когда оглашение должно быть совершено после Крещения при первой возможности.

Цель института - «содействие осознанному вступлению в церковную жизнь». Это предполагает наставление уверовавшего в Бога человека в нравственных нормах христианства, сообщение ему главных вероучительных истин, ознакомление его со Священным

18 О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной Церкви // Патриархия.ру: официальный сайт Московского Патриархата. 28.12.2011. // URL: <https://www.patriarchia.ru/article/96360> (Дата обращения 03.12.2025); Об организации катехизической деятельности Русской Православной Церкви // Патриархия.ру: официальный сайт Московского Патриархата. 20.07.2010. // URL: <https://www.patriarchia.ru/article/92547> (Дата обращения: 03.12.2025).

19 Церковный образовательный стандарт по подготовке катехизаторов // Патриархия.ру: официальный сайт Московского Патриархата. 12.08.2013. // URL: <https://patriarchia.ru/article/95300> (Дата обращения: 15.06.2026).

20 Православное образование. Организация религиозного образования и катехизации в епархии. Правовая регламентация религиозно-образовательной деятельности // URL: <https://pravobraz.ru/organizaciya-religioznogo-obrazovaniya-i-katekizacii-v-eparxii-pravovaya-reglamentaciya-religiozno-obrazovatelnoj-deyatelnosti/> (Дата обращения: 15.06.2026).

Писанием и т.д. Цель катехизации конкретизируется в задачах формирования христианского мировоззрения, приобщения к таинствам, обретения навыков молитвы, устройства личной жизни по заповедям, получения духовного руководства, вхождения в церковную общину и т.д. Церковное просвещение при этом понимается не только как интеллектуальное усвоение знаний, но и как «благодатное преобразование всего естества человека в общении с Богом и Его Церковью».

Ролевая структура института выстроена иерархически. Общецерковное руководство катехизацией возложено на Синодальный отдел религиозного образования и катехизации, который координирует деятельность епархиальных подразделений. На епархиальном уровне общее руководство осуществляет правящий архиерей, а непосредственная организация работы возложена на профильный епархиальный отдел. На приходском уровне руководство осуществляет настоятель, а практическую работу выполняет штатный катехизатор, который организует огласительные беседы, занятия воскресной школы для взрослых, приходское консультирование и другие формы деятельности. В соответствии с Церковным образовательным стандартом, катехизатор готовится к катехизической, педагогической и организационно-управленческой деятельности, а по окончании обучения ему присваивается квалификация катехизатора.

Историческая преемственность катехизации как социального института обеспечивается различными каноническими источниками, восходящими к первым векам христианства. Священное Писание содержит заповедь Спасителя «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа,

уча их соблюдать всё, что Я повелею вам» (Мф. 28:19-20), а также свидетельство о том, что принявшие Крещение в день Пятидесятницы постоянно пребывали в учении Апостолов (Деян. 2:42). Важными каноническими документами являются 46 правило Лаодикийского Собора (360 г.), постановляющее, что «крещаемым должно изучати веру», 7 правило Второго Вселенского Собора (381 г.), предписывающее оглашать присоединяющихся к Православию из еретиков и заставлять их пребывать в церкви и слушать Писания, 78 правило Шестого Вселенского Собора (681 г.), подтверждающее это постановление и придающее ему общецерковный характер и т.д.

Эти правила утверждали, что Таинство Крещения требует осознанности, ответственности и предварительного изучения основ веры. В современной практике эти нормы не отменены, но адаптированы к современным условиям (в случае крещения детей до 7 лет обязанность пройти оглашение и исповедать веру возлагается на их родителей и воспитанников).

Ресурсную базу института катехизации составляют материальные, кадровые и символические ресурсы. К материальным ресурсам относятся храмовые помещения, учебные классы, библиотеки и медиатеки, литература и т.д. Кадровые ресурсы представлены священнослужителями, катехизаторами, педагогами воскресных школ, подготовка которых осуществляется по специальным образовательным стандартам. Символические ресурсы института катехизации составляют Священное Писание, святоотеческое наследие и литургическая традиция, которые задают ценностно-смысловые ориентиры.

Особого внимания заслуживают

выявленные функции катехизации как социального института.

Регулятивная функция проявляется в закреплении норм христианского образа жизни и разграничении канонических предписаний и культурных суеверий, что находит выражение в необходимых огласительных беседах, выяснении мотивов обращения человека к Церкви и публичной просветительской деятельности духовенства.

Религиозная социализация представляет собой перевод индивида из статуса номинального верующего в статус воцерковленного через катехизическую работу, включающую предкрещальное оглашение, послекрещальное наставление и долгосрочное просвещение.

Транслирующая функция обеспечивает преемственность религиозного опыта и вероучительного знания.

Адаптационная функция заключается в приспособлении сакрального знания к современным условиям коммуникативной среды, в которой учитывается духовное состояние людей, их возраст, социальная принадлежность, использование современных информационных ресурсов и т.д.

Интегративная функция проявляется во включении индивида в религиозное сообщество через участие в литургической жизни Церкви, таинствах, церковных праздниках, социальном служении и т.д.

Данные функции через практики комплексно регулируют поведение, транслируют знание, социализируют индивида и адаптируют вероучение к современным условиям. Например, цифровые проекты (видеоблоги священников, православные группы в социальных сетях и т.д.) обеспечивают доступ к вероучительному знанию для широкой аудитории (транслирующая

функция). Они задают нормы поведения через тематический контент и ответы на комментарии (регулятивная), формируют онлайн-сообщества (интегративная) и используют современные форматы общения, недоступные в традиционных приходских формах (адаптационная). Аналогичным образом, приходская воскресная школа для взрослых передаёт знание, включает человека в жизнь общины, корректирует его поведение и адаптирует церковное учение к уровню понимания аудитории.

Вместе с тем реализация данных функций напрямую связана с трансформацией и адаптацией самого института. Исторический анализ показывает, как катехизация, пройдя через периоды институционального ослабления, вновь обретает актуальность в ответ на современные вызовы.

В ранней Церкви катехизация функционировала как строго регламентированная многоступенчатая, многолетняя система подготовки язычников к крещению. Однако с легализацией христианства в IV веке и массовым крещением населения сроки подготовки сократились, а к VI веку крещение младенцев сделало предкрещальное оглашение невозможным, сместив акцент на послекрещальное воспитание в христианских семьях и приходских школах. В синодальный период предписания Святейшего Синода расходились с реальной практикой, а ключевой вероучительный документ «Пространный катехизис» митрополита Филарета считали слишком сложным для восприятия²¹. В советский период институциональные формы катехизации были разрушены,

21 Мозгов К.А. Катехизическое просвещение в традиции Русской церкви XVIII–XIX веков: по материалам катехизической литературы / К.А. Мозгов // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. № 47. С. 31–48.

вероучительное знание передавалось в полулегальных устных практиках.

Современный этап трансформации катехизации определяется двумя ключевыми обстоятельствами: изменением целевой аудитории и активным освоением цифровых коммуникаций. Сегодня основную аудиторию катехизации составляют крещенные невоцерковленные люди. Катехизация становится процессом восполнения того, что должно было быть сделано до крещения²². Одновременно с этим институт функционирует в условиях ограниченности ресурсов. Объем религиозного предложения сдерживается временными и кадровыми возможностями священнослужителей, что делает невозможным охват всех желающих исключительно в очных форматах. Ответом на этот вызов становится формирование гибридной модели, в которой традиционные приходские формы дополняются цифровыми каналами коммуникации (видеоблогами священников, православными сайтами и группами в социальных сетях, подкастами, форумами и т. д.). Цифровая среда меняет структуру взаимодействия. Пользователь, основываясь на индивидуальных предпочтениях, формирует собственное информационное пространство, а контент интернет-проповеди во многом определяется тематикой обращений самой аудитории. Это смещает акцент с монологической проповеди на диалог, где адресат становится активным соавтором коммуникации. Ярким примером может служить медийная деятельность священников Владислава Берегового

и Павла Островского. В контенте Владислава Берегового в TikTok и YouTube регулярно опровергаются суеверия, а коммуникативная стратегия строится на сближении с молодой аудиторией через юмор и диалог. В свою очередь Павел Островский использует участие в светских шоу для адаптации религиозных концептов к массовой аудитории, применяя юмор и отсылки к современной культуре. Помимо блогосферы существуют онлайн собрания и школы (проект «Вера без границ» для людей с инвалидностью, обучение в онлайн-школе «София» и т.д.); социальные сети и сайты журналов Фома, Азбука веры и т.д.

Таким образом, церковь входит в цифровое пространство, осваивая новые каналы и форматы общения с аудиторией. Так, РПЦ официально признала необходимость освоения цифрового пространства для просветительских целей, выпустив рекомендации, фиксирующие переход от назидательной модели к неформальному, современному общению с аудиторией в соц.сетях и личных блогах.²³ В подобных благоприятных условиях институт катехизации, переживавший периоды институционального ослабления, получает возможность обрести новое дыхание, осваивая цифровые технологии.

Проведенный анализ позволяет

23 Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации. Videоблоги священников Русской Православной Церкви: рекомендации и советы // URL: <https://sinfo-mp.ru/videoblogi-svyashhennikov-russkoj-pravoslavnoy-tserkvi-rekomendatsii-i-sovetyi.html> (Дата обращения: 28.02.2025); Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации. Рекомендации по работе в социальных сетях для епархиальных и приходских информационных служб // URL: <https://sinfo-mp.ru/rekomendatsii-po-rabote-v-sotsialnyih-setyah-dlya-eparhialnyih-i-prihodskih-informatsionnyih-sluzhb.html> (Дата обращения: 28.02.2025).

22 Теологические основания, история и современная практика церковной миссии и катехизации. Интервью с протоиереем Александром Сорокиным, священником Георгием Кочетковым, священником Алексеем Максимовым, Димитросом Керамидасом // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. № 39. С. 105-122.

утверждать, что катехизация является актуальным социальным институтом, обладающим необходимыми для этого институциональными свойствами. Катехизация формирует коммуникативную базу для преодоления несоответствий между осознанной и номинальной религиозностью. Историческая трансформация института демонстрирует способность отвечать на запросы общества, делая вероучительные знания более доступными и понятными.

Дальнейшее исследование катехизации должно быть направлено на эмпирическое изучение реальных практик катехизации, а также анализ восприятия данного института невоцерковленной аудиторией. Следует провести систематизацию аудиторий, выявление ее запросов и предпочтений, оценка готовности к участию в катехизической работе и анализ эффективности воздействия катехизации на уровень воцерковленности.

Список литературы

1. ВЦИОМ. Мистика где-то рядом // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mistika-gde-to-rjadam> (Дата обращения: 05.08.2026).
2. ВЦИОМ. Религия и общество: мониторинг // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (Дата обращения: 15.11.2025).
3. Гаврилюк П.Л. История катехизации в древней церкви / под ред. свящ. Георгия Кочеткова. – М.: Свято-Филаретовская московская высшая православная христианская школа, 2001. – 230 с.
4. Гришева Е.И. Интернет в православном приходе: особенности взаимодействия православных пользователей с интернет-технологиями / Е.И. Гришева, А.Г. Бусыгин // Научный результат. Социология и управление. 2020. – № 1. – С. 3-15.
5. Гузельбаева Г.Я. Отношение молодых людей к религиозным организациям, духовным лидерам и цифровизации религиозной сферы на фоне постпандемии / Г.Я. Гузельбаева // Научный результат. Социология и управление. 2024. – № 1. – С. 177-190.
6. Емельянов Н.Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? / Н.Н. Емельянов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. – № 2. – С. 32-48.
7. Жданова Д.С. К вопросу осмысления роли религии в жизни современного человека (по материалам социологического исследования в г. Барнауле) / Д.С.

Жданова, Д.В. Уколова, К.Б. Хорун // Социодинамика. 2025. – № 5. – С. 60-78.

8. Зимова Н.С. Факторы, влияющие на религиозность современной российской молодежи (на примере студентов г. Москвы) / Н.С. Зимова, Т.С. Неробеева // Социология религии в обществе позднего модерна. 2023. – № 12. – С. 82-93.

9. Мозгов К.А. Катехизическое просвещение в традиции Русской церкви XVIII-XIX веков: по материалам катехизической литературы / К.А. Мозгов // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. – № 47. – С. 31-48.

10. Мордышева Л.Н. Социологический анализ православной религиозной идентичности: дискурс патриотизма и оппозиционности / Л.Н. Мордышева, И.А. Юрасов, Ю.Р. Лаканина, Д.М. Тимохина // Теория и практика общественного развития. 2025. – № 8. – С. 24-36.

11. О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной Церкви // Патриархия.ru: официальный сайт Московского Патриархата. 28.12.2011. // URL: <https://www.patriarchia.ru/article/96360> (Дата обращения 03.12.2025).

12. Об организации катехизической деятельности Русской Православной Церкви // Патриархия.ru: официальный сайт Московского Патриархата. 20.07.2010. // URL: <https://www.patriarchia.ru/article/92547> (Дата обращения: 03.12.2025).

13. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.

14. Православное образование. Организация религиозного образования и катехизации в епархии. Правовая регламентация религиозно-образовательной деятельности // URL: <https://pravobraz.ru/organizaciya-religioznogo-obrazovaniya-i-katekizacii-v-eparxii-pravovaya-reglamentaciya-religiozno-obrazovatelnoj-deyatelnosti/> (Дата обращения: 15.06.2026).

15. Ринчинова С.Б. Вера в религиозном сознании студенческой молодежи БИИК Бурятского института инфокоммуникаций (БИИК СибГУТИ) / С.Б. Ринчинова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. – № 3. – С. 16-23.

16. Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации. Videoblogi священников Русской Православной Церкви: рекомендации и советы // URL: <https://sinfo-mp.ru/videoblogi-svyashhennikov-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-rekomendatsii-i-sovetyi.html> (Дата обращения: 28.02.2025).

17. Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации. Рекомендации по работе в социальных сетях для епархиальных и приходских информационных служб // URL: <https://sinfo-mp.ru/rekomendatsii-po-rabote-v-sotsialnyih-setyah-dlya-eparhialnyih-i-prihodskih-informatsionnyih-služhb.html> (Дата обращения: 28.02.2025).

18. Теологические основания, история и современная практика церковной миссии и катехизации. Интервью с протоиереем Александром Сорокиным, священником Георгием Кочетковым, священником Алексеем Максимовым, Димитросом Керамидасом // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. – № 39. – С. 105-122.

19. ФОМ. Русская православная церковь: вероисповедание и воцерковленность // URL: <https://fom.ru/TSennosti/15172> (Дата обращения 05.08.2026).

20. Церковный образовательный стандарт по подготовке катехизаторов // Патриархия.ru: официальный сайт Московского Патриархата. 12.08.2013. // URL: <https://patriarchia.ru/article/95300> (Дата обращения: 15.06.2026).

21. Кистенев В.В., Дрожжина Л.И. Специфика формирования народной культуры в Белгородском регионе: исторический аспект // Власть истории и История власти. 2025. – Том 11. – Часть 4. – № 62. – С. 212-220.

References

1. VTSIOM. Mysticism is Out There // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mistika-gde-to-rjadam> (August 5, 2026).

2. VTSIOM. Religion and Society: Monitoring // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (November 15, 2025).

3. Gavriluk P.L. History of Catechesis in the Ancient Church / edited by Priest Georgy Kochetkov. – Moscow: St. Philaret Moscow Higher Orthodox Christian School, 2001. – 230 p.

4. Grisheva E.I. The Internet in an Orthodox Parish: Features of Interaction between Orthodox Users and Internet Technologies / E.I. Grisheva, A.G. Busygin // Research Result. Sociology and Management. 2020. – № 1. – P. 3-15.

5. Guzelbaeva G.Ya. Young People's Attitudes Toward Religious Organizations, Spiritual Leaders, and the Digitalization of the Religious Sphere in the Post-Pandemic Context / G.Ya. Guzelbaeva // Research Result. Sociology and Management. 2024. – № 1. – P. 177-190.

6. Yemelyanov N.N. The Paradox of Religiosity: Where Do Believers Come From? / N.N. Yemelyanov // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2018. – № 2. – P. 32-48.

7. Zhdanova, D.S. On the Issue of Understanding the Role of Religion in the Life of Modern Man (Based on the Materials of a Sociological Survey in Barnaul) / D.S. Zhdanova, D.V. Ukolova, K.B. Khorun // Sociodynamics. 2025. – № 5. – P. 60-78.

8. Zimova, N.S. Factors Influencing the Religiosity of Modern Russian Youth (Based on the Example of Moscow Students) / N.S. Zimova, T.S. Nerobeeva // Sociology of Religion in Late Modern Society. 2023. – № 12. – P. 82-93.

9. Mozgov, K.A. Catechetical Education in the Tradition of the Russian Church of the 18th–19th Centuries: Based on the Materials of Catechetical Literature / K.A. Mozgov // Bulletin of St. Philaret's Institute. 2023. – № 47. – P. 31-48.

10. Mordysheva L.N. Sociological Analysis of Orthodox Religious Identity: Discourse of Patriotism and Opposition / L.N. Mordysheva, I.A. Yurasov, Yu.R. Lakanina, D.M. Timokhina // Theory and Practice of Social Development. 2025. – № 8. – P. 24-36.

11. On Religious-Educational and Catechetical Ministry in the Russian Orthodox Church // Patriarchia.ru: Official Website of the Moscow Patriarchate. 12/28/2011. // URL: <https://www.patriarchia.ru/article/96360> (12/03/2025).

12. On the Organization of Catechetical Activities of the Russian Orthodox Church // Patriarchia.ru: Official Website of the Moscow Patriarchate. July 20, 2010. // URL: <https://www.patriarchia.ru/article/92547> (December 3, 2025).

13. On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation № 809 of November 9, 2022.

14. Orthodox Education. Organization of Religious Education and Catechesis in the Diocese. Legal Regulation of Religious Educational Activities // URL: <https://pravobraz.ru/organizaciya-religioznogo-obrazovaniya-i-katekizacii-v-eparxii-pravovaya-reglamentaciya-religiozno-obrazovatelnoj-deyatelnosti/> (June 15, 2026).

15. Rinchinova S.B. Faith in the Religious Consciousness of Student Youth of the Buryat Institute of Infocommunications (BIK SibSUTI) / S.B. Rinchinova // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2024. – № 3. – P. 16-23.

16. Synodal Department for Church Relations with Society and the Mass Media. Video Blogs of Priests of the Russian Orthodox Church: Recommendations and Advice // URL: <https://sinfo-mp.ru/videoologi-svyashhennikov-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-rekomendatsii-i-sovetyi.html> (February 28, 2025).

17. Synodal Department for Church Relations with Society and the Mass Media. Recommendations for Working in Social Media for Diocesan and Parish Information Services // URL: <https://sinfo-mp.ru/rekomendatsii-po-rabote-v-sotsialnyih-setyah-dlya-eparhialnyih-i-prihodskih-informatsionnyih-sluzhb.html> (February 28, 2025).

18. Theological Foundations, History, and Contemporary Practice of Church Mission and Catechesis. Interview with Archpriest Alexander Sorokin, Priest Georgy Kochetkov, Priest Alexei Maximov, and Dimitros Keramidas // Bulletin of St. Philaret's Institute. 2021. – № 39. – P. 105-122.

19. FOM. The Russian Orthodox Church: Religion and Churching // URL: <https://fom.ru/TSennosti/15172> (05.08.2026).

20. Church Educational Standard for the Training of Catechists // Patriarchia.ru: official website of the Moscow Patriarchate. // URL: <https://patriarchia.ru/article/95300> (15.06.2026).

21. Kistenev V.V., Drozhzhina L.I. Specificity of the formation of folk culture in the Belgorod region: historical aspect // The power of history – History of power. 2025. – Volume 11. – Issue 4. – № 62. – P. 212-220.

Ф И Л О С О Ф И Я

PHILOSOPHY

Крюков В.В.

Доктор философских наук, профессор кафедры правовых и социальных наук. Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск.

Философия искусственного интеллекта*

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых философских проблем, возникающих в связи с развитием систем искусственного интеллекта. Рассматриваются вопросы определения интеллекта, возможности машинного сознания, соотношения синтаксической обработки информации и семантического понимания, морального статуса автономных систем, распределения ответственности за алгоритмические решения, а также социальные последствия внедрения ИИ. Делается вывод, что философия искусственного интеллекта не сводится к обсуждению технической эффективности алгоритмов: она затрагивает основания человеческой субъектности, свободы воли, познания, морали и права.

Искусственный интеллект представляет собой ценность не сам по себе, а как продукт нормального человеческого интеллекта, который не возникает естественным образом, а формируется в искусственной социальной среде в системе знаковой коммуникации, в отношении как информационном дубликате практической деятельности. Ценностное отношение определяется сущностью человека и способом его существования, творчески-преобразующим окружающую природную и социальную действительность. Личность выявляет себя в качестве субъекта постольку, поскольку она «выступает от имени» социальной системы – микрообщества или же макрообщества, то есть ценностное отношение должно быть охарактеризовано как исключительно общественное отношение». Искусственный интеллект поэтому есть лишь внешнее подобие субъекта, его симулякр.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сознание, агентность, интенциональность, сильный ИИ, машинное обучение, алгоритмическая ответственность, цифровая этика, философия техники.

Kryukov V. V.

Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Legal and Social Sciences, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk.

Philosophy of artificial intelligence

Abstract. The article is devoted to the analysis of key philosophical problems arising in connection with the development of artificial intelligence systems. The issues of defining intelligence, the possibilities of machine consciousness, the relationship between syntactic information processing and semantic understanding, the moral status of autonomous systems, the distribution of responsibility for algorithmic decisions, as well as the social consequences of the introduction of AI are considered. It is concluded that the philosophy of artificial intelligence is not limited to discussing the technical effectiveness of algorithms: it affects the foundations of human subjectivity, free will, cognition, morality and law.

Artificial intelligence holds value not in and of itself, but as a product of normal human intelligence—an intelligence that does not emerge naturally but is instead shaped within an artificial social environment through a system of symbolic communication and interaction, serving as an

* © Крюков В.В., 2026.

Философия искусственного интеллекта

informational counterpart to practical activity. A value-based attitude is defined by the essence of the human being and their mode of existence—one that creatively transforms the surrounding natural and social reality. An individual manifests as a subject insofar as they “act on behalf of” a social system—whether a micro-community or a macro-society; thus, a value-based attitude must be characterized as an inherently social relationship. Artificial intelligence is, therefore, merely an external semblance of a subject, its simulacrum.

Key words: artificial intelligence, consciousness, agency, intentionality, strong AI, machine learning, algorithmic accountability, digital ethics, philosophy of technology.

Artificial intelligence comprises a set of computational methods and technical systems capable of performing tasks traditionally associated with human intellectual activity: pattern recognition, natural language processing, forecasting, planning, decision-making, and the generation of text, images, or code. While modern neural network models demonstrate high performance in a range of cognitively complex tasks, their practical success does not resolve fundamental philosophical questions regarding the nature of intelligence, thought, and consciousness. A central challenge lies in the fact that the term “intelligence” carries both functional and ontological significance. In a functional sense, intelligence can be described in terms of a system’s ability to achieve goals in a changing environment, process information, learn from data, and select actions. In an ontological sense, a different question arises: does intelligent behavior provide sufficient grounds to attribute thought, understanding, sentience, or subjective experience to a system? The distinction between the successful simulation of cognitive functions and the possession of an internal mental life lies at the heart of philosophical debates surrounding AI.

One of the initial philosophical challenges is the lack of a generally accepted criterion for unequivocally determining whether a machine possesses intelligence. In Alan Turing’s seminal 1950 paper “Computing Machinery and Intelligence,”

the question “Can machines think?” was replaced by an operational criterion. According to the Turing test, if a human judge in a text-based dialogue cannot reliably distinguish a machine’s responses from those of another human, the machine can be considered to be exhibiting intelligent behavior. In the test’s original formulation, the judge interacts with a human and a computer via a terminal and must determine which interlocutor is the human; if the probability of correct identification does not exceed chance levels, the computer is deemed to have passed the test. The significance of the Turing test lies in the shift away from seeking “internal states” inaccessible to direct observation and toward the analysis of behavior. However, it is precisely this approach that gives rise to objections. Behavioral similarity does not necessarily imply an identity of mental processes. A system may convincingly replicate linguistic activity by relying on statistical patterns in data without possessing a conception of the world in the human sense [5, p. 680–683].

Modern generative language models heighten the relevance of this issue. They are capable of generating coherent text, engaging in dialogue, summarizing information, and performing logical operations, yet their behavior should not be automatically equated with conscious reasoning. From a philosophical perspective, it is necessary to distinguish between competence—that is, the observable ability to

solve a problem—and understanding, defined as the subject's meaningful engagement with the content of an utterance.

The most famous critique of the functionalist approach is John Searle's "Chinese Room" thought experiment, formulated in 1980. Searle asks us to imagine a person who does not speak Chinese but receives Chinese characters and matches them with other symbols according to a detailed set of rules. To an outside observer, the person's responses might appear to constitute a meaningful conversation in Chinese. However, the person understands neither the meaning of the input symbols nor the significance of their own responses. The argument's central thesis hinges on the distinction between syntax and semantics. Syntax involves the formal processing of signs according to rules, whereas semantics relates to the meaning of those signs. According to Searle, a computer program can manipulate symbols syntactically, but formal processing alone does not give rise to understanding, meaning, or consciousness. Therefore, successfully passing a language test does not prove that a machine possesses genuine understanding [1, p. 1–11].

This argument is directed against the concept of "strong artificial intelligence." The strong AI framework posits that a properly organized computational system does not merely simulate the mind but literally possesses mental states. In contrast, "weak AI" views the computer primarily as a tool for modeling and solving intellectual tasks, without necessarily attributing consciousness or subjective experience to it. The problem of consciousness in relation to AI is closely linked to the concept of intentionality. In the philosophy of mind, intentionality refers to the directedness of mental states toward objects, events, or states of affairs. A belief is always a belief "about" something, a desire is a de-

sire "for" something, and a perception is the perception "of" a particular object. If a neural network generates the phrase "it is raining outside" the question remains: does this phrase refer, for the system, to an actual state of the world, or is it simply a statistically probable sequence of tokens?

Proponents of computational theories of consciousness argue that intentionality can emerge at the level of sufficiently complex functional organization. Their opponents maintain that consciousness requires embodiment, a biological nature, sensorimotor experience, or a specific form of causal organization that cannot be reduced to an algorithm. At present, science lacks a generally accepted method for reliably establishing the presence of phenomenal consciousness—the subjective experience of pain, color, fear, or pleasure—in an artificial system [2, p. 12–23].

The philosophical significance of AI is defined not only by the question of consciousness but also by the issue of agency. In a broad sense, a subject is an entity capable of cognition, action, holding interests, and bearing responsibility. In legal practice, agency is typically associated with natural persons, organizations, and public entities. Currently, an artificial system—even one possessing a high degree of autonomy—is not recognized as a full-fledged moral or legal subject. Nevertheless, the development of autonomous systems complicates the traditional model of action. When a credit-scoring algorithm denies a loan, a computer vision system misidentifies a citizen, or a self-driving car is involved in an accident, the decision-making process is distributed among multiple participants. Its formation may involve the developer, the owning company, the data provider, the infrastructure operator, the user, the manager, the regulator, and the machine learning system itself.

This gives rise to the problem of dis-

tributed agency. An autonomous system can initiate actions without a direct human command in each specific instance, yet its goals, architecture, training data, and constraints are determined by social institutions and human beings. Therefore, AI autonomy must be distinguished from independent moral agency. An algorithm is capable of selecting an action within the framework of a given optimization function; however, the capacity for choice is not synonymous with free will in the philosophical sense. Recognizing AI as an independent moral agent would require demonstrating that the system possesses not only the capacity to act but also the ability to comprehend the moral grounds for actions, evaluate consequences, experience a sense of obligation, and be held accountable for norm violations. While modern algorithms can model ethical reasoning or classify decisions as permissible or impermissible, such modeling does not constitute proof of moral consciousness.

The use of AI complicates the issue of accountability for decisions made. Unlike traditional tools, algorithmic systems can be opaque, adaptive, and reliant on vast datasets. An “accountability gap” arises: while a negative outcome is evident, identifying the specific party at fault can be difficult. Although developers cannot always predict the behavior of a trained model, this does not absolve the organizations and individuals implementing AI in socially significant sectors of liability [6, p. 603–604].

International approaches are grounded in the principle of human accountability. The UNESCO Recommendation on the Ethics of AI, adopted by Member States in 2021, links the development and deployment of AI to the protection of human rights and dignity, as well as to transparency, fairness, and human oversight. Responsibility for decisions must rest with

the participants in the system’s lifecycle rather than with the algorithm as an autonomous entity. Algorithmic fairness is closely linked to the risk of discrimination. Models trained on data containing social biases or historical inequalities can perpetuate these issues in areas such as hiring, credit scoring, healthcare, and the allocation of social services. Moreover, fairness cannot be measured by a single technical metric, as different criteria for equality may conflict with one another.

Many modern AI systems, particularly deep neural networks, are difficult to interpret; the path from input data to the final result remains unclear. This is known as the “black box” problem. High model accuracy is no substitute for a clear rationale behind a decision, especially in fields such as medicine, the justice system, public administration, and finance. Explainability operates on several levels: technical, statistical, legal, and ethical. Developers are concerned with model parameters and error rates; patients focus on the factors underlying medical recommendations; and courts prioritize the legality and non-discriminatory nature of the process. Consequently, explainable AI entails not only revealing the model’s operational mechanism but also providing the ability to verify, challenge, and correct its decisions. AI impacts human autonomy—that is, the capacity to form independent judgments, select goals, and take responsibility for decisions. Recommendation systems, personalized advertising, and information-ranking algorithms shape the environment in which choices are made: they determine what users see, which offers they receive, and which topics escape their attention. This creates a risk of cognitive dependency [4, p. 56–67].

Thus, the philosophical issues surrounding AI demonstrate that technological progress cannot be evaluated solely

in terms of accuracy and efficiency. The question of whether machines can think is linked to the nature of consciousness, understanding, and subjective experience; yet, intelligent behavior does not prove that a system possesses an internal mental life. AI also alters the distribution of responsibility, creates risks of discrimination, and affects freedom of choice. Therefore, human oversight, decision-making transparency, and the protection of human rights are essential. Artificial intelligence should be viewed as a sociotechnical system whose development depends not only on algorithms but also on the quality of legal and ethical institutions.

Nevertheless, artificial intelligence holds undoubted value not in and of itself, but as a product of normal human intelligence—which does not arise naturally but is formed within an artificial social environment, within a system of symbolic communication, and through interaction serving as an informational counterpart to practical activity.

“The value-based attitude within the structure of activity is determined primarily by the essence of the human being and their mode of existence—one that creatively transforms the surrounding natural and social reality. And if we consider that an individual manifests as a subject insofar as they ‘act on behalf of’ a social system—whether a micro-community or a macro-society—then the value-based attitude must be characterized as an exclusively social relationship.” [3, p. 79] Artificial intelligence is, therefore, merely an external semblance of a subject—a simulacrum.

Список литературы

1. Слюсарь Н.А. Искусственный интеллект в контексте социальных и философских вопросов / Н.А. Слюсарь, У.О. Милыева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 49 (548). – С. 680-683.
2. Беликова Е.К. Основные вопросы философии искусственного интеллекта // Философия и культура. 2024. – № 1. – С. 1-11.

3. Ивашук О.Ф. Искусственный интеллект как вечная проблема философии. Вестник РГТУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. – № 1. – С. 12-23.
4. Чечко В.В. Философские проблемы искусственного интеллекта / В.В. Чечко // Компьютерные системы и сети: сборник статей 59-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, 17–21 апреля 2023 г. / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. – Минск, 2023. – С. 603-604.
5. Рыбин А.И., Чашукин Е.О. Искусственный интеллект и социальное неравенство: философско-правовой аспект. Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. – № 4. – С. 56-67.
6. Крюков В.В. Сумма аксиологии: монография / В.В. Крюков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 207 с.: ил., 10 цв. ил. (Серия «Монографии НГТУ»). – С. 79.
7. Муталимов А.Э. Научно обоснованный образовательный потенциал России – показатель уровня культуры и суверенитета населения // Культура Мира. 2026. – Том 14. – Вып. 2. (№ 53). – С. 226-233.

References

1. Slyusar N.A. Artificial Intelligence in the Context of Social and Philosophical Issues / N.A. Slyusar, U.O. Milyaeva. – Text: direct // Young Scientist. – 2024. – № 49 (548). – P. 680-683.
2. Belikova E.K. Main Issues in the Philosophy of Artificial Intelligence // Philosophy and Culture. 2024. – № 1. – P. 1-11.
3. Ivashchuk O.F. Artificial Intelligence as an Eternal Problem of Philosophy. Bulletin of the Russian State University for the Humanities Series “Philosophy. Sociology. Art Criticism”. 2025. – № 1. – P. 12-23.
4. Chechko V.V. Philosophical Problems of Artificial Intelligence / V.V. Chechko // Computer systems and networks: a collection of articles from the 59th scientific conference of postgraduate, master's, and undergraduate students, Minsk, April 17–21, 2023 / Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics. Minsk, 2023. – P. 603-604.
5. Rybin A.I., Chashchukhin E.O. Artificial intelligence and social inequality: a philosophical and legal aspect. Theoretical and applied jurisprudence. 2024. – № 4. – P. 56-67.
6. Kryukov V.V. Summa axiology: a monograph / V.V. Kryukov. Novosibirsk: Publishing house of NSTU, 2018, 207 p.: ill., 10 color ill. (Series «Monographs of NSTU»). P. 79.
7. Mutalimov A.E. Russia's scientifically based educational potential is an indicator of the level of culture and sovereignty of the population // Culture of World. 2026. – Vol. 14. – Issue 2. (№ 53). – P. 226-233.

Лукманова Л.Ф.

Аспирант кафедры философии. Казанский (Федерального) Приволжский университет, г. Казань.

Эволюция концепта виртуальной реальности: от онтологического статуса к гносеологическому измерению*

Аннотация. В статье осуществляется комплексный философский анализ генезиса и трансформации концепта «виртуальная реальность» в контексте его взаимодействия с технологиями искусственного интеллекта. Автором прослеживается концептуальная преемственность идеи виртуальности от схоластической традиции (Н. Кузанский) до постмодернистских теорий симуляции (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз). Основной акцент сделан на выявлении гносеологического сдвига: переходе от осмысления виртуальной среды как онтологически неполноценной копии к пониманию её как активного пространства конструирования нового знания. В работе обосновывается статус искусственного интеллекта не просто как технического инструмента, а как когнитивного агента, выступающего медиатором в субъект-объектных отношениях. Статья закладывает методологическую базу для дальнейших исследований гибридных когнитивных систем, вводя категории «алгоритмического посредничества» и «динамического конструктивизма» в эпистемологический дискурс.

Для реализации цели исследования был использован комплексный методологический инструментарий. Согласно проведенному в статье историко-философскому и теоретическому анализу, можно констатировать, что концептуальное поле виртуальной реальности и искусственного интеллекта претерпело значительную эволюцию, подготовив почву для новой эпистемологической парадигмы. Теоретический фундамент, заложенный в статье, позволяет утверждать: виртуальная реальность под управлением ИИ превращается в фундаментальную гносеологическую структуру. Она не заменяет физический мир, но создает пространство «расширенной рациональности», где истинность знания начинает определяться не только соответствием объекту, но и операциональной эффективностью внутри адаптивной цифровой модели. Это открывает путь к дальнейшему исследованию трансформации субъекта и объекта познания, а также анализу тех этических вызовов, которые неизбежно возникают при столкновении человеческого сознания с автономным алгоритмическим разумом.

Ключевые слова: виртуальная реальность, искусственный интеллект, гносеология, онтология, Николай Кузанский, бытие-возможность, симулякр, когнитивный агент, цифровая эпистемология, методология познания.

Lukmanova L.F.

Postgraduate student of the Department of Philosophy. Kazan (Federal) Volga University, Kazan.

The evolution of the concept of virtual reality: from ontological status to epistemological dimension

Abstract. The article provides a comprehensive philosophical analysis of the genesis and transformation of the «virtual reality» concept within the context of its interaction with artificial intelligence technologies. The author traces the conceptual continuity of the idea of virtuality from

* © Лукманова Л.Ф., 2026.

Эволюция концепта виртуальной реальности: от онтологического статуса к гносеологическому измерению

the Scholastic tradition (Nicholas of Cusa) to postmodern theories of simulation (J. Baudrillard, G. Deleuze). The primary focus is on identifying a gnoseological shift: the transition from interpreting the virtual environment as an ontologically incomplete copy to understanding it as an active space for the construction of new knowledge. The paper substantiates the status of artificial intelligence not merely as a technical tool, but as a cognitive agent acting as a mediator in subject-object relations. The article establishes a methodological foundation for further research into hybrid cognitive systems by introducing the categories of «algorithmic mediation» and «dynamic constructivism» into the epistemological discourse.

To achieve the research goal, a comprehensive methodological toolkit was used.

Based on the historical, philosophical, and theoretical analysis conducted in this article, it can be concluded that the conceptual field of virtual reality and artificial intelligence has undergone significant evolution, paving the way for a new epistemological paradigm. The theoretical foundation laid in this article allows us to assert that AI-driven virtual reality is evolving into a fundamental epistemological structure. It does not replace the physical world, but creates a space of "extended rationality," where the truth of knowledge begins to be determined not only by its correspondence to the object, but also by its operational effectiveness within an adaptive digital model. This opens the way to further research into the transformation of the subject and object of knowledge, as well as to the analysis of the ethical challenges that inevitably arise when human consciousness collides with autonomous algorithmic intelligence.

Key words: virtual reality, artificial intelligence, epistemology, ontology, Nicholas of Kusan, being-possibility, simulacrum, cognitive agent, digital epistemology, methodology of cognition.

Введение

Развитие информационных технологий и систем искусственного интеллекта привело к тому, что виртуальная реальность (ВР) вышла за пределы индустрии развлечений, став значимым фактором современной науки и культуры. Однако философская рефлексия данного феномена часто отстает от технологического прогресса.

В условиях стремительной цифровизации всех сфер человеческой жизнедеятельности феномен виртуальной реальности (ВР) перестает быть исключительно технологическим объектом и переходит в разряд фундаментальных проблем философской антропологии и теории познания. Современные системы ВР, интегрированные с алгоритмами искусственного интеллекта, создают не просто иллюзию физического мира, а новую когнитивную среду. В этой среде традиционные дихотомии «субъект – объект», «истинное – ложное», «реальное – воображаемое» подвергаются

деконструкции. Эволюция концепта ВР от онтологического поиска (определение статуса бытия виртуальных объектов) к гносеологическому измерению (анализ способов получения знания в цифровой среде) отражает глобальный сдвиг в понимании человеческого интеллекта и его границ.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления ВР не просто как технического артефакта, а как фундаментальной философской категории, претерпевающей эволюцию от вопроса «что это такое?» (онтология) к вопросу «как мы в этом познаем?» (гносеология). Дополнительная острота и актуальность темы обусловлена рядом факторов, возникших на текущем этапе развития информационного общества:

Во-первых, технологическая конвергенция ИИ и ВР. Если ранее виртуальная реальность рассматривалась как статичная графическая оболочка, то сегодня, благодаря интеграции генера-

тивных моделей искусственного интеллекта, она превращается в автономную, динамически саморазвивающуюся среду. Это ставит перед философией принципиальный вопрос: может ли знание, полученное в диалоге с «нечеловеческим» (алгоритмическим) интеллектом внутри искусственного мира, претендовать на объективность?

Во-вторых, антропологическая трансформация и когнитивная расширенность. Внедрение технологий нейроинтерфейсов и систем дополненной реальности (AR) стирает границы между естественным и искусственным восприятием. Актуальность исследования диктуется необходимостью осмыслить феномен «расширенной эпистемологии», где технические устройства становятся не просто внешними протезами, а частью познавательного аппарата человека, что требует пересмотра классического определения субъекта познания.

В-третьих, социально-политическая значимость верификации истины. В эпоху «постправды» и массового распространения дипфейков, генерируемых ИИ в виртуальных пространствах, проблема гносеологического потенциала ВР обретает этическое и защитное измерение. Философский анализ механизмов формирования виртуального опыта необходим для выработки критериев отличия подлинного знания от алгоритмической манипуляции и симуляции, что критически важно для образования, науки и государственной безопасности.

Наконец, онто-гносеологическая неопределенность. Существующий разрыв между скоростью внедрения иммерсивных технологий и уровнем их концептуального осмысления создает «теоретический вакуум». Исследование эволюции концепта ВР позволяет заполнить этот пробел, предложив мето-

дологическую базу для понимания того, как виртуальный опыт трансформирует саму структуру человеческого мышления и его представления о реальности как таковой».

Исследование опирается на несколько пластов философской мысли:

1. Классические онтологические идеи: понимание виртуальности как «потенциальности» в работах Аристотеля, Николая Кузанского и Г. Лейбница.

2. Постмодернистская рефлексия: концепции симуляции и гиперреальности в трудах Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза и П. Вирилио, заложивших фундамент для понимания виртуальности как замещения физической реальности.

3. Феноменологический и экзистенциальный подходы: анализ цифрового опыта через призму идей М. Хайдеггера (вопрос о технике), М. Мерло-Понти (феноменология телесности) и Х. Дрейфуса (критика искусственного интеллекта и виртуальности).

4. Современная эпистемология и философия информации: исследования Л. Флориди (концепция инфосферы), Д. Чалмерса (реализм в отношении виртуальных миров), а также отечественных ученых: Н.А. Носова (основателя школы виртуалистики в России), С.С. Хоружего и В.В. Тарасенко.

Задачи исследования:

1. Проследить историческую трансформацию категории «виртуальное» в философском дискурсе от античности до современности.

2. Выявить причины перехода от онтоцентрического понимания виртуальной реальности к гносеоцентрическому подходу.

3. Охарактеризовать изменения в структуре субъектно-объектных отношений, возникающие в процессе когнитивной деятельности в иммерсивных средах.

4. Проанализировать влияние алгоритмического опосредования (ИИ) на критерии истинности и верификации знаний, полученных в виртуальной реальности.

5. Определить перспективы формирования новой «цифровой эпистемологии» в контексте взаимодействия человека и высокотехнологичных виртуальных систем

1. Онтологические истоки концепта виртуальности

Первоначально понятие «виртуальность» (от лат. *virtualis* – возможный, потенциальный) носило сугубо онтологический характер. В схоластической философии (Фома Аквинский, Дунс Скот) виртуальное рассматривалось как нечто, обладающее внутренней силой или потенцией, но не имеющее актуального воплощения в материальном мире. Виртуальность понималась как промежуточное состояние между небытием и бытием.

В XX веке онтологический дискурс сместился в сторону симуляции. Ж. Бодрийяр ввел понятие «симулякра» – копии, не имеющей оригинала, что ознаменовало кризис классической онтологии. С этой точки зрения, виртуальная реальность начала восприниматься как «гиперреальность», замещающая собой физический мир. Здесь основной акцент ставился на статусе существования виртуальных объектов и их отношении к «подлинному» бытию.

Переход к гносеологическому анализу виртуальной реальности невозможен без предварительного прояснения её онтологических оснований, заложенных еще в классической философской традиции. Современное обыденное сознание склонно отождествлять «виртуальное» исключительно с цифровыми технологиями, однако этимологиче-

ский и философский генезис этого понятия значительно глубже. В основании концепта лежит латинское слово *virtualis* (от *virtus* – сила, способность, добродетель), которое в средневековой схоластике использовалось для описания особого модуса бытия.

Первоначальный онтологический импульс понятию дали труды Фомы Аквинского и Дунса Скота. В контексте их учений виртуальность выступала как промежуточное состояние между чистой потенцией (*potentia*) и актуальным воплощением (*actus*). Виртуальное бытие – это бытие «силовое», содержащее в себе эффект причины без её материального присутствия. Как отмечает С.С. Хоружий, анализируя традицию исихазма и античную энергетику, виртуальность мыслится как «недорождённое бытие», которое обладает всеми характеристиками реальности, кроме одной – субстанциональной устойчивости. Таким образом, классическая онтология подготовила почву для понимания виртуальности как бытия, которое воздействует на субъекта так же интенсивно, как и физический мир, но имеет иную природу.

Особое место в формировании онтологического фундамента виртуальности занимает философия Николая Кузанского. В своем труде «О бытии-возможности» мыслитель вводит уникальный концепт *possest*, синтезирующий в себе категории «возможности» (*posse*) и «бытия» (*est*). Для гносеологии виртуальной реальности идеи Кузанского принципиальны по двум причинам.

Во-первых, он постулирует, что возможность не является отсутствием бытия, а выступает его высшим, концентрированным состоянием. Кузанский утверждает: «то, что может быть, в самой возможности уже есть».

В контексте современной цифровой реальности это позволяет рассматривать программный код не просто как набор инструкций, а как своего рода «абсолютную возможность», которая актуализируется в виртуальный мир в момент взаимодействия с пользователем.

Во-вторых, Кузанский разрабатывает метод «ученого незнания» (*docta ignorantia*), согласно которому человеческое познание бесконечно приближается к истине, но никогда не достигает её полноты, подобно тому, как многоугольник при увеличении числа сторон стремится к кругу, но никогда не становится им. В этом видится глубокое гносеологическое предвосхищение природы компьютерных симуляций: любая виртуальная модель, сколь бы совершенной она ни была (даже под управлением ИИ), остается асимптотическим приближением к реальности, создавая специфический зазор между цифровым образом и его прототипом. Таким образом, виртуальность по Кузанскому – это онтологическая область, где границы между потенциальным и актуальным становятся проницаемыми, что создает предпосылки для современного понимания ВР как пространства «живой» возможности».

Новый этап онтологического осмысления связан с философией Г. Лейбница, чья «Монадология» в современной литературе часто интерпретируется как прообраз виртуальных миров. Провозглашенная Лейбницем концепция «возможных миров» смещает акцент с единственности материальной реальности на множественность логически непротиворечивых структур. В этом контексте реальное оказывается лишь одним из реализованных виртуальных вариантов. Данная идея находит прямое продолжение в работах Жюль Делё-

за, который в труде «Различие и повторение» решительно противопоставляет виртуальное не реальному, а актуальному. Для Делёза виртуальное полностью реально в той мере, в какой оно обладает структурой и способно порождать новые формы.

Однако в конце XX века, с развитием массовых коммуникаций, онтологический статус виртуальности подвергается радикальной критике в работах Ж. Бодрийяра. Его концепция симуляции постулирует «убийство реальности»: виртуальное здесь предстает не как потенциальное бытие, а как симулякр – копия, скрывающая отсутствие оригинала. Гносеологическая опасность этого этапа, как подчеркивает Бодрийяр, заключается в том, что виртуальное (цифровое) становится «реальнее реального» (гиперреальность), лишая субъекта возможности верификации первичного опыта.

Завершая краткий обзор онтологических истоков, следует констатировать, что именно эта дихотомия – между «виртуальностью как творческой потенцией» (Делёз) и «виртуальностью как обманчивой симуляцией» (Бодрийяр) – создает необходимое напряжение для современного гносеологического поворота. Если онтология дала ответ на вопрос о способе существования виртуальных объектов, то современная ситуация требует перехода к анализу того, как эти объекты трансформируют саму ткань человеческого познания.

2. Искусственный интеллект как субъект и инструмент познавательной деятельности

Если виртуальная реальность традиционно рассматривалась как пространство или среда, то искусственный интеллект (ИИ) привносит в эту среду динамику и субъектность. В контексте

гносеологического анализа ИИ перестает быть просто сложным вычислительным инструментом и обретает статус активного посредника в процессе получения и интерпретации знаний.

Классическая дискуссия о природе ИИ, инициированная Дж. Сёрлом (аргумент «китайской комнаты») и Х. Дрейфусом, долгое время ограничивалась вопросом о наличии у алгоритмов сознания и интенциональности. Однако современный эпистемологический поворот предлагает сместить фокус с вопроса «мыслит ли машина?» на вопрос «как машина участвует в производстве знания?». В этом ракурсе ИИ выступает как специфический когнитивный агент, обладающий способностью к обнаружению скрытых закономерностей в массивах данных, недоступных человеческому восприятию.

Гносеологические функции ИИ в структуре исследования можно разделить на три уровня:

1. Синтезирующая функция: использование нейронных сетей для генерации гипотез и моделей. ИИ не просто обрабатывает информацию, он конструирует новые информационные объекты (например, предсказание структуры белков или моделирование климатических процессов), которые человек затем осмысляет.

2. Интерпретативная функция: алгоритмы машинного обучения выступают как «герменевтические фильтры». В условиях информационной перегрузки ИИ берет на себя роль селектора, определяя, какая часть реальности будет представлена субъекту, что неизбежно ставит проблему алгоритмической предвзятости (*bias*) и чистоты познания.

3. Креативно-симулятивная функция: в контексте виртуальной реальности ИИ становится архитектором

бытия. Если, согласно Николаю Кузанскому, виртуальность – это «бытие-возможность», то алгоритмы ИИ являются механизмом актуализации этих возможностей, создавая адаптивные среды, реагирующие на когнитивные состояния человека.

Особое внимание следует уделить концепции распределенной когниции (Э. Хатчинс, Л. Флориди), в рамках которой познание рассматривается не как внутренний процесс в голове индивида, а как результат взаимодействия человека и технической системы. В этой системе ИИ берет на себя роль «со-субъекта», расширяющего границы человеческой чувственности и рациональности. Таким образом, гносеологический потенциал ИИ заключается в его способности трансформировать пассивное наблюдение объекта в активное со-конструирование реальности.

Однако здесь возникает ключевая эпистемологическая проблема – проблема «черного ящика». Если процесс получения знания алгоритмом непрозрачен для человека, можем ли мы считать это знание истинным? Этот вопрос переводит исследование из области технической функциональности в область философии науки, заставляя пересмотреть критерии рациональности в эпоху цифровых посредников.

3. Синтез ИИ и ВР: формирование новой гносеологической парадигмы

Слияние искусственного интеллекта и виртуальной реальности знаменует собой переход от статичных цифровых репрезентаций к адаптивным когнитивным системам. В этом синтезе гносеологический потенциал обеих технологий не просто суммируется, а переходит в новое качество, формируя парадигму, которую можно определить как «динамический конструктивизм».

Если классическая виртуальная реальность была ограничена жестким сценарием, заданным программистом, то интеграция генеративного ИИ превращает её в «пластичное бытие». Гносеологический синтез ИИ и ВР проявляется в трех ключевых аспектах:

1. Интерактивная объективация абстракций. Благодаря ИИ, сложные математические модели или теоретические концепты в ВР обретают «телесность». Исследователь получает возможность физически взаимодействовать с объектами, не имеющими аналогов в материальном мире (например, многомерные пространства или квантовые состояния). Это превращает ВР под управлением ИИ в уникальную лабораторию «наглядной рациональности», где границы между умопостигаемым и чувственно воспринимаемым стираются.

2. Адаптивность познавательной среды. Алгоритмы ИИ в реальном времени анализируют когнитивную нагрузку и психофизиологические реакции субъекта в ВР. Таким образом, виртуальная среда подстраивается под познающего, создавая оптимальные условия для усвоения знаний (состояние «потока»). Здесь ВР выступает не как внешний объект, а как расширение познавательного аппарата человека, реализуя идеи трансгуманизма о симбиозе биологического и технологического интеллектов.

Генерация синтетического опыта. Ключевым нововведением этого синтеза является возможность получения опыта в ситуациях, физически невозможных или опасных в реальности. ИИ наполняет виртуальные миры автономными агентами (интеллектуальными NPC), которые имитируют сложное социальное или профессиональное поведение. Знание, полученное в таком

взаимодействии, является «синтетическим»: оно не получено из материального мира, но обладает полной эпистемологической ценностью для субъекта.

Таким образом, синтез ИИ и ВР формирует новую гносеологическую парадигму, где истина перестает быть результатом соответствия образа объекту (корреспондентская теория) и становится результатом успешного конструирования и функционирования модели (прагматистско-конструктивистский подход). Познание в этой парадигме – это не отражение реальности, а навигация в пространстве бесконечных возможностей, актуализируемых алгоритмом.

Подводя итог, можно утверждать, что эволюция концепта виртуальности завершается созданием гибридной среды, где ИИ берет на себя роль «двигателя» бытия, а ВР – его феноменологического интерфейса. Это подводит нас к необходимости более детального рассмотрения того, как в этой новой среде трансформируются сами участники процесса – субъект и объект познания.

Заключение.

Подводя итог проведенному исследованию эволюции концепта виртуальной реальности, можно сделать следующие выводы:

1. Концепт виртуальности прошел путь от средневековой онтологической потенции и «бытия-возможности» Николая Кузанского до современного гносеологического измерения, где ВР выступает как активная среда конструирования знаний.

2. Интеграция ИИ трансформирует ВР из пассивной симуляции в адаптивную когнитивную систему, меняя статус субъекта (на «расширенного») и распределенного) и объекта (на алгоритмический симулякр).

3. Гносеологический потенциал данных систем заключается в возможности получения синтетического опыта и наглядной объективации абстракций, однако он ограничен проблемами «эпистемологической непрозрачности» алгоритмов и этическими рисками манипуляции сознанием.

4. В перспективе, в условиях НБИКС-конвергенции, взаимодействие ИИ и ВР способно привести к формированию новой эпистемологической парадигмы, требующей пересмотра классических понятий истины, субъекта и границ человеческого познания.

Эволюция концепта виртуальной реальности демонстрирует закономерный переход от метафизических споров о статусе бытия к прагматическому исследованию познавательных возможностей. Современная гносеология рассматривает ВР как расширение когнитивной сферы человека. Переход от онтологического «бытия-в-возможности» к гносеологическому «познанию-через-конструирование» позволяет рассматривать виртуальную реальность как фундаментальную платформу для формирования новой эпистемической культуры цифрового общества.

С появлением иммерсивных технологий в конце XX – начале XXI века акцент в исследованиях сместился с вопроса о сущности ВР на анализ познавательных процессов внутри неё. Гносеологический поворот характеризуется тремя ключевыми аспектами:

1. Трансформация субъекта познания. В виртуальной среде субъект (человек) обретает новые формы телесности (аватар) и когнитивной расширенности. Познание здесь становится интерактивным: субъект не просто наблюдает объект, но конструирует его в процессе взаимодействия.

2. Виртуальный опыт как источник знания. Классическая гносеология разделяла чувственный опыт и рациональное мышление. ВР синтезирует их, создавая «интеллектуальную чувственность». Знание, полученное в виртуальном тренажере или симуляторе, де-факто признается эквивалентным знанию, полученному в физическом мире, что меняет критерии верификации истины.

3. Опосредованность алгоритмами. В гносеологическое пространство включается третий элемент – программный код (алгоритм). Познание реальности теперь осуществляется через призму цифровых моделей, что ставит вопрос о «прозрачности» и объективности такого знания.

Сегодня ВР выступает не как «подделка» реальности, а как специфический метод научного познания. Метод компьютерного моделирования и визуализации данных в ВР позволяет исследователю оперировать абстрактными концептами (молекулярные связи, астрофизические модели) как чувственно воспринимаемыми объектами.

Гносеологический потенциал ВР заключается в возможности реализации сценариев, невозможных в физическом мире. Таким образом, виртуальность становится полигоном для проверки эпистемологических гипотез, где границы познания определяются не законами природы, а вычислительной мощностью.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
2. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума / Х. Дрейфус ; пер. с англ. Н. Родман. – Москва: Прогресс, 1978. – 333 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – Санкт-Петербург: Ювента: Наука, 1999. – 605 с.
4. Носов Н.А. Виртуальная психология. – М.:

Аграф, 2000. – 432 с.

5. Тарасенко В.В. Аксиология виртуального / В.В. Тарасенко // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. – Москва: [б. и.], 2004. – С. 112-126.

6. Флориди Л. 4-я революция. Как инфосфера видоизменяет человеческую реальность / Л. Флориди // Вопросы философии. 2015. – № 7. – С. 118-133.

7. Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии / С.С. Хоружий. – Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 408 с.

8. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 221-238.

9. Чалмерс Д. Дж. Реальность+. Виртуальные миры и проблемы философии / Д. Дж. Чалмерс ; пер. с англ. А. Васильева. – Москва: АСТ, 2022. – 672 с.

10. Castronova E. Synthetic Worlds: The Business and Culture of Online Games. – University of Chicago Press, 2005. – 332 p.

11. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. – Oxford University Press, 2014. – 272 p.

12. Иващенко Т.С., Тарасов И.Е. Документальное кино в учебном краеведении (на примере сериала «Исторические хроники Югры») // Власть истории – История власти. 2025. – Том 11. – Часть 4. – № 62. – С. 181-192.

References

1. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Moscow: Postum, 2015. 240 p.

2. Dreyfus H. What Computers Cannot Do: Critique of Artificial Intelligence / H. Dreyfus; translated from English by N. Rodman. Moscow: Progress, 1978. 333 p.

3. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception / M. Merleau-Ponty; translated from French by I.S. Vdovina, S.L. Fokin. St. Petersburg: Yuventa: Nauka, 1999. 605 p.

4. Nosov N.A. Virtual Psychology. Moscow: Agraph, 2000. 432 p.

5. Tarasenko V.V. Axiology of the Virtual / V.V. Tarasenko // Virtualistics: Existential and Epistemological Aspects. Moscow: [b. i.], 2004. – P. 112-126.

6. Floridi L. The 4th Revolution. How the Infosphere Modifies Human Reality / L. Floridi // Voprosy filosofii. 2015. – № 7. – P. 118-133.

7. Khoruzhy S.S. Essays on Synergetic Anthropology / S.S. Khoruzhy. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2005. – 408 p.

8. Heidegger M. The Question of Technology // Time and Being: Articles and Speeches. Moscow: Respublika, 1993. – P. 221-238.

9. Chalmers D.J. Reality+. Virtual Worlds and Problems of Philosophy / D. J. Chalmers; translated from English by A. Vasilyeva. – Moscow: AST, 2022. – 672 p.

10. Castronova E. Synthetic Worlds: The Business and Culture of Online Games. – University of Chicago Press, 2005. – 332 p.

11. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. – Oxford University Press, 2014. – 272 p.

12. Ivaschenko T.S., Tarasov I.E. Documentary films in educational regional studies (based on the example of the TV series “Historical Chronicles of Yugra”) // The power of history – History of power. 2025. – Volume 11. – Issue 4. – № 62. – P. 181-192.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Обухова Л.А.

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Матющенко А.В.

Магистр управления, аспирант кафедры управления персоналом. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Государственно-частное партнерство: институциональное доверие как фактор снижения транзакционных издержек (на примере Приморского края)*

Аннотация. В статье приведены результаты социологического осмысления проблемы государственно-частного партнерства (ГЧП) сквозь призму теории институционального доверия. В условиях геоэкономического разворота России на Восток и реализации масштабных инфраструктурных проектов на Дальнем Востоке, критическим барьером выступает не дефицит капитала, а дисфункция социального взаимодействия между властью и бизнесом. На основе результатов комплексного социологического исследования, проведенного в Приморском крае в 2024-2025 гг. (N=300: опрос 200 представителей бизнеса и 100 государственных и муниципальных служащих; 20 глубинных интервью), выявлен глубокий «институциональный разрыв». Установлено, что доминирование межличностного доверия над институциональным обуславливает рост оппортунистического поведения и транзакционных издержек. Разработана социолого-управленческая модель формирования «эко-системы доверия», основанная на снижении информационной асимметрии и переходе от парадигмы субординации к парадигме паритетного партнерства.

Ключевые слова: социология управления, государственно-частное партнерство, институциональное доверие, транзакционные издержки, социальный капитал, Приморский край, власть и бизнес.

Obukhova L.A.

Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Human Resources Management. Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Matyushchenko A.V.

Master of Management, PhD student, Department of Human Resources Management. Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Public-private partnership: institutional trust as a factor in reducing transaction costs (using the example of Primorsky Region)

Abstract. The article presents the results of a sociological analysis of the public-private part-

* © Обухова Л.А., Матющенко А.В., 2026.

Государственно-частное партнерство: институциональное доверие как фактор снижения транзакционных издержек (на примере Приморского края)

nership (PPP) problem through the prism of institutional trust theory. In the context of Russia's geoeconomic pivot to the East and the implementation of large-scale infrastructure projects in the Far East, the critical barrier is not a shortage of capital, but a dysfunction of social interaction between government and business. Based on the results of a comprehensive sociological study conducted in Primorsky Krai in 2024-2025 (N = 300: a survey of 200 business representatives and 100 state and municipal employees; 20 in-depth interviews), a deep "institutional gap" was identified. It was established that the dominance of interpersonal trust over institutional trust leads to an increase in opportunistic behavior and transaction costs. A sociological and managerial model for the formation of an "ecosystem of trust" is developed, based on reducing information asymmetry and the transition from the subordination paradigm to the equal partnership paradigm.

Key words: sociology of management, public-private partnership, institutional trust, transaction costs, social capital, Primorsky Krai, government and business.

Введение. В современных реалиях глобальной геополитической и геоэкономической трансформации, характеризующейся беспрецедентным санкционным давлением, ключевой стратегией развития Российской Федерации выступает форсированное инфраструктурное и технологическое развитие макрорегионов. Особая роль здесь отведена Дальнему Востоку, и, в частности, Приморскому краю, который сегодня выступает главным логистическим и инвестиционным хабом в рамках стратегии «Поворота на Восток». Реализация столь масштабных задач невозможна исключительно за счет бюджетных ассигнований, что актуализирует механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП).

В последние годы в Приморском крае наблюдается выраженная позитивная динамика: усилиями обновленной управленческой команды региона формируется благоприятный инвестиционный климат, кратно возрастает число реализуемых инфраструктурных проектов, внедряются передовые механизмы привлечения инвесторов. Тем не менее, как показывает общероссийская управленческая практика, экстраполяция нормативно-правовых моделей ГЧП на региональную почву часто сталкивается с серьезными сопротивлени-

ями социальной среды. В социологии управления ГЧП рассматривается не просто как финансово-правовой механизм, а как сложный социальный институт, требующий конвергенции двух принципиально разных организационных культур: бюрократической (ориентированной на минимизацию рисков и процессуальный контроль) и предпринимательской (инновации, риск, максимизация прибыли)¹.

Ключевым связующим звеном, обеспечивающим эффективность данного взаимодействия, выступает институциональное доверие. Проблема исследования заключается в остром противоречии между объективной потребностью государства в привлечении частного капитала в инфраструктурные проекты Приморского края и низким уровнем доверия бизнеса к институтам публичной власти, что ведет к запретительно высоким транзакционным издержкам и блокирует развитие ГЧП.

Теоретико-методологические основания исследования

Методологической базой исследования выступает синтез неоинституционального подхода, социологии

1 Борщевский Г.А. Государственно-частное партнерство: учебник и практикум для вузов / Г.А. Борщевский. – Москва: Изда-во Юрайт, 2023. 412 с.

управления организационным поведением и социологии доверия. Вслед за Д. Нортом мы понимаем институты как «правила игры» в обществе, которые структурируют побудительные мотивы человеческого взаимодействия². В контексте ГЧП именно институциональная среда определяет уровень транзакционных издержек (издержек поиска информации, ведения переговоров, спецификации прав собственности и защиты от оппортунизма).

Социологическая концептуализация доверия опирается на труды П. Штомпки³ и Ф. Фукуямы⁴, которые рассматривали доверие как базовый элемент социального капитала. В российской социологической традиции (Р.В. Рывкина, Т.И. Заславская) выделен феномен деформации институционального доверия в постсоветский период, когда слабость формальных правил компенсируется гипертрофированным значением межличностных связей⁵. С позиций социологии управления, ГЧП представляет собой сложную форму межсекторного социального партнерства, требующую формирования особых управленческих компетенций и преодоления ценностно-нормативного конфликта между бюрократической культурой госслужащих и инновационной культурой предпринимателей⁶.

2 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

3 Штомпка П. Доверие: социологическая теория / П. Штомпка; пер. с пол. Н. В. Морозовой. – Москва: Логос, 2022. 390 с.

4 Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – Москва: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.

5 Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция / Т.И. Заславская. – Москва: Дело, 2002. 568 с.

6 Васильева Е.И. Кадровое обеспечение государственно-частного партнерства: социолого-управленческий анализ / Е.И. Васильева, Т.Е.

Глубокое социологическое осмысление механизмов ГЧП невозможно без обращения к классической теории транзакционных издержек (ТТИ), основы которой были заложены Р. Коузом⁷ и детально операционализированы О. Уильямсоном⁸. В парадигме неинституционализма реализация любого инфраструктурного проекта рассматривается не просто как производственный процесс, а как сложная сеть контрактов, функционирование которой неизбежно сопряжено с трениями – транзакционными издержками (на поиск информации, ведение переговоров, на мониторинг и защиту прав).

О. Уильямсон выделил две фундаментальные поведенческие предпосылки, определяющие специфику таких контрактов: *ограниченную рациональность* субъектов (невозможность предвидеть все изменения среды на горизонте 10–15 лет) и *склонность к оппортунизму* (следованию своим интересам, в том числе обманным путем). В проектах ГЧП инвестиции носят характер «специфических активов» – построенный мост, котельная или школа не могут быть легко перепрофилированы или перемещены. Согласно теории, высокая специфичность активов в сочетании с долгосрочным характером контракта создает идеальную почву для постконтрактного оппортунизма.⁹ Четкая спецификация прав собствен-

Зерчанинова // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 1 (38). С. 48–57.

7 Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз; пер. с англ. Б. Пинскера. – Москва: Новое издательство, 2007. 224 с.

8 Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «невидимая нить» / О.И. Уильямсон; пер. с англ. – Санкт-Петербург: Лениздат: CEV Press, 1996. 702 с.

9 Радыгин А.Д. Государственно-частное партнерство: институциональные основы и механизмы управления в России / А.Д. Радыгин, Ю.В. Симачев, Р.М. Энтов // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5–34.

ности является главным инструментом интернализации экстерналий и снижения неопределенности взаимодействия управленческих структур. Именно здесь на первый план выходит теория прав собственности (А. Алчиан, Г. Демсец, в России – Р.И. Капелюшников¹⁰). Институционалисты доказывают, что четкая спецификация прав собственности (определение того, кому принадлежат права на принятие решений, на извлечение дохода и на передачу актива) является главным инструментом интернализации экстерналий и снижения неопределенности. В механизме ГЧП спецификация прав собственности носит расщепленный характер: государство сохраняет титул собственника, передавая частному партнеру права владения и пользования. В ситуации, когда институциональная среда нестабильна, а судебная система не гарантирует защиту от административного давления, формальная (юридическая) спецификация прав обесценивается.

В этих условиях единственным механизмом, способным нивелировать угрозу оппортунизма и снизить трансакционные издержки контроля до приемлемого уровня, выступает институциональное доверие. Оно выполняет функцию своеобразной «социальной смазки», компенсируя изначальную неполноту любого долгосрочного контракта. В системе ГЧП институциональное доверие означает уверенность каждого из акторов (государства и частного инвестора) в том, что партнер будет соблюдать не только букву контракта, но и дух партнерства, воздерживаясь от оппортунистического поведения даже в условиях непрогнозируемого измене-

ния макроэкономической среды¹¹. Авторами сформулирована базовая гипотеза: на этапе становления рынка ГЧП слабость формальных федеральных институтов и нормативные пробелы успешно компенсируются проактивной позицией и персональными гарантиями руководства региона (феномен «ручного управления» выступает главным драйвером запуска мегапроектов). Однако, для дальнейшего масштабного вовлечения среднего бизнеса в муниципальные проекты требуется эволюционный переход от модели персонализированного доверия к системному институциональному элайнменту.

Методология и эмпирическая база исследования

Для верификации теоретических положений и выявления состояния институционального доверия в сфере ГЧП нами было проведено комплексное социологическое исследование на территории Приморского края (период проведения: сентябрь 2024 г. – март 2025 г.). Использовалась стратегия смешанных методов анализа (Mixed Methods).

Количественный этап: Формализованный анкетный опрос акторов ГЧП. Совокупная выборка составила N = 300 респондентов, разделенных на две страты:

- *Страта 1 (Бизнес, N=200):* руководители и собственники компаний среднего и крупного бизнеса, зарегистрированных в Приморском крае, резиденты ТОР (Территорий опережающего развития) и Свободного порта Владивосток (СПВ).

- *Страта 2 (Власть, N=100):* госу-

¹⁰ Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем) / Р.И. Капелюшников. – Москва: ИМЭМО, 1990. 90 с.

¹¹ Макаров И.Н. Институциональное доверие как фундаментальное условие эффективности государственно-частного партнерства / И.Н. Макаров, О.А. Колесникова // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 55-78.

дарственные гражданские служащие профильных министерств Правительства Приморского края, главы муниципальных образований и их заместители по экономике. Ошибка выборки составила 4,2%. Обработка данных проводилась в SPSS.

Качественный этап: Глубинные полуструктурированные интервью (N = 20) с ключевыми инсайдерами (крупные инвесторы, реализующие концессионные соглашения, представители Агентства по привлечению инвестиций Приморского края). Обработка качественных данных (транскриптов интервью) осуществлялась методом тематического кодирования с выделением смысловых кластеров, отражающих латентные мотивы, когнитивные барьеры и организационные ценности респондентов. Подобная триангуляция количественных и качественных методов обеспечила высокую валидность и надежность полученных социологических данных.

Результаты исследования: диагностика «институционального разрыва»

Анализ эмпирических данных выявил парадоксальную картину, которую мы классифицируем как «институциональный разрыв» – радикальное несоответствие когнитивных и ценностных установок бизнеса и власти в оценке рисков ГЧП.

1. Оценка уровня доверия и факторов оппортунизма Отвечая на вопрос о готовности вступать в долгосрочные (от 5 до 15 лет) проекты ГЧП, лишь 14% представителей бизнеса ответили утвердительно. При этом среди факторов, блокирующих эту готовность, классические экономические риски (инфляция, удорожание стройматериалов) заняли лишь второе место (52%). На первое место вышли институциональные риски, связанные с поведением государства:

- «Риск одностороннего пересмотра

условий контракта со стороны государства или расторжения соглашения» – отметили 78% предпринимателей.

- «Риск уголовно-правового преследования за ошибки в реализации проекта с бюджетным участием» – 65%.

- «Сложность и непрозрачность бюрократических процедур выделения земельных участков под проект» – 61%.

В то же время, опрос представителей государственного сектора демонстрирует зеркальную форму недоверия к бизнесу. 68% чиновников считают, что главная цель бизнеса в ГЧП – «получение гарантированного бюджетного финансирования при минимизации собственной ответственности». 55% служащих уверены, что частный партнер склонен завышать сметную стоимость проектов на этапе проектирования. Для наглядной демонстрации выявленного когнитивного диссонанса между акторами нами была составлена консолидированная матрица взаимного недоверия (Таблица 1).

Показательно, что экономические макрофакторы уступили место факторам административно-правовой неопределенности. Иерархия барьеров участия в проектах ГЧП по оценкам бизнес-сообщества (в % от числа опрошенных, N=200), блокирующих вход бизнеса в долгосрочные партнерства, следующая - институциональный риск (пересмотр контракта) - 78%, уголовно-правовой риск - 65%, бюрократический риск (земля/сети) - 61%, макроэкономический риск (инфляция/ключевая ставка) - 52%. Крайне низкий уровень институционального доверия отражается в базовой готовности инвесторов к долгосрочному взаимодействию, вступать в проекты ГЧП с горизонтом планирования от 5 до 15 лет (%): да, готовы при текущих условиях - 14%, скорее не готовы, риски слишком высоки - 58%,

Таблица 1. Матрица взаимного недоверия акторов ГЧП в Приморском крае (в % от числа опрошенных в каждой стране; допускался выбор нескольких вариантов).

Латентные страхи представителей бизнеса (N=200)	%	Латентные страхи представителей государства (N=100)	%
Односторонний пересмотр условий контракта государством	78%	Бизнес стремится получить бюджетные гарантии без реальных рисков	68%
Уголовно-правовое преследование (прокуратура, СК РФ)	65%	Частный партнер завышает сметную стоимость объекта (СМР)	55%
Бюрократический саботаж на уровне выделения земельных участков	61%	Риск банкротства инвестора и оставления «недостроя» муниципалитету	49%
Смена политической команды в регионе (обнуление договоренностей)	48%	Использование бизнесом ГЧП как схемы скрытой приватизации	34%

Источник: составлено автором на основе данных социологического опроса.

затрудняюсь ответить, рассматриваем только краткосрочный госзаказ - 28%.

2. Феномен замещения институционального доверия межличностным
Анализ транскриптов глубинных интервью подтвердил выдвинутую нами гипотезу о подмене институтов. Успех реализации проектов ГЧП в регионе в подавляющем большинстве случаев зависит от административного ресурса и прямых гарантий Губернатора Приморского края или профильных заместителей Председателя Правительства.

Цитата эксперта (Собственник крупной строительной компании, реализующей концессионный проект во Владивостоке): «Мы пошли в этот проект только потому, что губернатор дал личное слово, что инфраструктуру (свет, дороги) к объекту подведут за счет края. Закон о ГЧП – это просто бумага. Если завтра сменится команда в Правительстве края, мы останемся один на один с недостроем и кредитами. Институты не работают, работают конкретные люди» [материалы интервью, 2025].

Этот феномен ведет к высокой персонализации отношений и, как следствие, ограничивает емкость рынка ГЧП. «Ручное управление» позволяет

реализовать 5-10 мегапроектов, но не дает запустить сотни малых проектов на муниципальном уровне, куда первые лица региона не могут дотянуться. Социологический анализ глубинных интервью позволил не только зафиксировать факт «ручного управления», но и вскрыть мотивационные установки государственных служащих, которые вынуждены функционировать в парадигме так называемой «презумпции виновности чиновника».

Цитата эксперта № 4 (Заместитель главы муниципального образования по вопросам экономики и финансов, стаж муниципальной службы 12 лет): «Вы спрашиваете, почему мы неохотно идем в концессии? Потому что любой проект ГЧП – это билет на допрос. Мы зажаты между молотом и наковальней. Сверху, из Правительства края, нам спускают КРІ по привлечению внебюджетных инвестиций. А сбоку сидит прокуратура и контрольно-счетная палата. Если инвестор заработает на проекте рубль прибыли, к нам придут с проверкой на предмет упущенной выгоды муниципалитета или превышения должностных полномочий. В этой системе координат чиновнику безопаснее вообще ничего не делать, чем брать на

себя риски ГЧП» [материалы экспертного интервью, октябрь 2025 г.].

В свою очередь, представители финансового сектора отмечают катастрофический уровень транзакционных издержек, который делает невозможным масштабирование проектов на муниципальном уровне.

Цитата эксперта № 9 (Руководитель направления проектного финансирования регионального филиала системообразующего банка): «На сегодня упаковка ГЧП-проекта – это штучный, элитарный товар. Чтобы подготовить концессионное соглашение на строительство ФОКа (физкультурно-оздоровительного комплекса) в районе, инвестор должен нанять московских юристов и финансовых консультантов. Это обходится в 15-20 миллионов рублей еще до того, как в землю будет вбита первая свая. При этом муниципалитет рассматривает эту финансовую модель год, меняя по ходу условия. Малый и средний бизнес Приморья такие издержки согласования просто не вытягивает. Институциональная среда выжигает инициативу на корню» [материалы экспертного интервью, декабрь 2025 г.].

Еще один важный аспект, выявленный в ходе качественного этапа – разность организационных языков (дискурсов) власти и бизнеса.

Цитата эксперта № 14 (Руководитель Агентства развития/привлечения инвестиций): «Мы говорим на разных языках. Предприниматель приходит с презентацией будущего: потоки, рентабельность, социальный эффект. А чиновник профильного министерства открывает Бюджетный кодекс и 44-ФЗ и смотрит в прошлое: как бы не нарушить лимиты бюджетных обязательств. У нас нет площадки для перевода с «языка развития» на «язык контроля»,

поэтому 80% блестящих идей гибнет на этапе первого межведомственного согласования» [материалы экспертного интервью, февраль 2025 г.].

Представленные нарративы убедительно доказывают, что дисфункция ГЧП имеет не экономическую, а глубоко социокультурную природу: отсутствие доверия порождает гипертрофированный контроль, который, в свою очередь, генерирует запретительные издержки на администрирование партнерства.

3. Диагностика зрелости проектного управления в системе ГЧП

С позиций социологии управления критически важным аспектом преодоления институционального разрыва является переход органов власти на рельсы проектного управления. Традиционная функционально-линейная структура муниципалитетов вступает в жесткое противоречие с проектной природой инвестиционных процессов бизнеса¹². Для замера этого диссонанса респондентам было предложено оценить реальную (а не декларируемую) практику применения инструментов проектного управления в профильных ведомствах. Результаты представлены в Таблице 2.

Данные Таблицы 2 фиксируют глубокую управленческую иллюзию: более половины госслужащих (54%) считают, что проектные офисы работают эффективно, тогда как бизнес (18%) воспринимает их как очередную бюрократическую надстройку («фасадное» проектное управление), не меняющую суть линейного согласования документов.

¹² Красильников Д.Г. Переход к проектному управлению в органах государственной власти и местном самоуправлении: проблемы и перспективы / Д.Г. Красильников, Е.А. Троицкая // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 85-106.

Таблица 2. Оценка респондентами применения проектного управления ГЧП в региональных и муниципальных органах власти (в % от числа опрошенных по стратам).

Индикаторы внедрения проектного управления	Оценка представителей Власти (N=100)	Оценка представителей Бизнеса (N=200)	Разрыв в оценках (Δ %)
Наличие реально функционирующих межведомственных проектных офисов по объектам ГЧП	54%	18%	36%
Использование единой ИТ-среды и трекеров задач для совместной работы с инвестором	32%	9%	23%
Наличие у госслужащих профильных компетенций в сфере Project Management (сертификаты, обучение)	48%	15%	33%
Скорость принятия управленческих решений соответствует проектной динамике бизнеса	21%	4%	17%

Примечание: Составлено автором по результатам эмпирического исследования.

Таблица 3. Корреляционный анализ мнений представителей органов власти о роли проектного управления и их социально-демографических характеристик (N=100).

Социально-демографический признак госслужащего	Отношение к проектному управлению как к эффективному инструменту	Восприятие проектного управления как избыточной бюрократической нагрузки
Возраст до 35 лет	0,68*	-0,52
Возраст старше 45 лет	-0,61	0,73*
Стаж муниципальной/государственной службы более 10 лет	-0,58	0,69*
Наличие профильного образования в сфере менеджмента/экономики	0,55*	-0,41

Примечание: Значимость корреляции на уровне $p \leq 0.05$.

Для выявления социокультурных и кадровых факторов, определяющих отношение к проектному управлению внутри самих органов власти, нами был проведен корреляционный анализ (с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена) между социально-демографическими характеристиками чиновников (N=100) и их оценкой роли проектного управления

(Таблица 3).

Анализ Таблицы 3 выявляет ярко выраженный поколенческий и профессиональный конфликт внутри госаппарата. Мы наблюдаем сильную прямую корреляцию ($r = 0,73$) между возрастом/стажем чиновника и отторжением методологии проектного управления. Служащие с большим стажем, социализированные в парадигме жесткого

Таблица 4. Корреляционный анализ основных проблем взаимодействия участников проектного управления ГЧП (N=300).

Латентные проблемы (переменная X)	Корреляция со срывом сроков (затягиванием) подготовки проекта ГЧП (переменная Y)
Различие в понятийном аппарате и организационной культуре («язык бизнеса» vs «язык 44-ФЗ»)	0,76*
Страх персональной ответственности госслужащего (перестраховка)	0,82*
Текущее кадров в проектом офисе со стороны государства	0,64*
Отсутствие у руководителя проектного офиса от государства полномочий распоряжаться ресурсами других ведомств	0,79*

Примечание: Значимость корреляции на уровне $p \leq 0.05$ по критерию Пирсона.

процессного контроля, воспринимают проектную работу не как инструмент развития, а как дополнительную, не оплачиваемую должным образом нагрузку, несущую личные риски¹³. И наоборот, молодые кадры ($r = 0,68$) готовы к кросс-функциональному взаимодействию, но не обладают достаточным аппаратным весом для изменения системы.

Далее проанализированы проблемы межсекторного взаимодействия внутри совместных проектных команд ГЧП. В Таблице 4 представлена матрица корреляций между наблюдаемыми дисфункциями и итоговым срывом сроков предынвестиционной фазы (когда согласование затягивается более чем на 2 года).

Опираясь на Таблицу 4, можно утверждать: главная управленческая проблема кроется не в методологии, а в распределении властных полномочий и ответственности. Максимально сильная корреляция со срывом проектов наблюдается у фактора «страх персональной ответственности» ($r = 0,82$)

¹³ Сморгун Л.В. Институциональная инерция и сетевое взаимодействие в публичном управлении: социологический анализ / Л.В. Сморгун // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 34-45.

и «отсутствие реальных полномочий у руководителя проекта» ($r = 0,79$). В матричной структуре ГЧП проектный менеджер от государства часто является координатором без права прямого приказа смежным ведомствам (например, земельному комитету или сетевикам). Это превращает проектное управление в фикцию, генерируя те самые высокие транзакционные издержки.

4. Оценка транзакционных издержек. По данным опроса, 82% бизнесменов заявили, что стадия подготовки ГЧП-проекта (согласование финансовой модели, прохождение межведомственных комиссий, юридическая упаковка) занимает в Приморском крае от 1,5 до 3 лет. Затраты на консалтинговые и юридические услуги на предынвестиционной стадии составляют до 5-7% от стоимости всего проекта. Высокие транзакционные издержки отсекают от рынка ГЧП региональный средний бизнес, оставляя на нем только крупных федеральных игроков, обладающих мощным лоббистским и финансовым ресурсом.

Обсуждение результатов: структурные дисфункции взаимодействия

Социологическая интерпретация полученных данных позволяет выде-

лить три фундаментальные дисфункции, блокирующие формирование институционального доверия в Приморском крае:

1. Кадровый дефицит и асимметрия управленческих компетенций. С позиций управления персоналом, мы фиксируем острую нехватку специфических квалификаций в системе государственной и муниципальной службы. Государственные служащие (особенно на муниципальном уровне), будучи зажатými в рамки жестких должностных регламентов, часто не обладают компетенциями в области проектного управления, оценки рисков и финансового моделирования¹⁴. Бизнес, в свою очередь, не владеет специфическим «языком» бюджетного процесса. Это порождает глубокий организационный конфликт и когнитивный диссонанс: чиновник, в силу профессиональной деформации, видит в любой прибыли бизнеса «ущерб бюджету», а бизнес воспринимает требования госаппарата как «бюрократический саботаж»¹⁵.

2. Парадигма субординации вместо партнерства. Исторически сложившаяся в России модель взаимодействия власти и бизнеса носит патерналистский, подчиненный характер. Государство воспринимает частного партнера не как равного контрагента, делящего риски, а как подрядчика по ФЗ-44, которого необходимо жестко контролировать и штрафовать¹⁶.

¹⁴ Васильева Е.И. Кадровое обеспечение государственно-частного партнерства: социолого-управленческий анализ / Е.И. Васильева, Т.Е. Зерчанинова // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 1 (38). С. 48-57.

¹⁵ Ткаченко М.В. Инфраструктурный прорыв и ГЧП в регионах: проблемы и перспективы / М.В. Ткаченко // Журнал экономической теории. 2022. Т. 19. № 1. С. 112-125.

¹⁶ Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь / А.А. Аузан. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 160 с.

3. Кризис арбитража. Доверие к судебной системе в спорах с государством остается критически низким. В случае возникновения тупиковых ситуаций по концессионным соглашениям, отсутствует независимый институт медиации.

Моделирование институционального пространства ГЧП

Для преодоления выявленных дисфункций нами предлагается переход к модели «Институционального элайнмента» – то есть управленческого выравнивания интересов, создание такой среды (через совместные проектные офисы, медиацию, дестигматизацию рисков), где чиновник и бизнесмен становятся реальными партнерами. Их мотивы «выравниваются»: успех инвестора становится успехом чиновника (например, через KPI). выравниванию интересов власти и бизнеса через создание так называемых «экосистем доверия». Под институциональным элайнментом в рамках данного исследования мы понимаем целенаправленный процесс синхронизации ценностных установок, интересов и организационных культур государственного аппарата и частного бизнеса. Это переход от конфликтной модели недоверия к партнерской модели, где риски распределены паритетно. Управление процессом ГЧП должно перейти от реактивного (юридического) к проактивному (социокультурному) подходу.

Социолого-управленческая модель формирования доверия включает в себя:

Уровень нормативной прозрачности: Переход от уникальных контрактов к стандартизированным корпоративным решениям ГЧП, разработанным с участием деловых объединений (Опора России, Деловой Россия). Это снижает транзакционные издержки на

этапе переговоров на 40-50%.

Уровень компетенций (Стирание границ): Создание совместных проектных команд, куда на паритетных началах входят представители профильных министерств Приморского края и аналитики инвестора. Совместная работа на этапе идеи (а не на этапе подписания готового контракта) формирует микро-социальные связи и снижает взаимную подозрительность.

Институт независимой медиации: Создание при Инвестиционном совете Приморского края специализированного арбитража по ГЧП, состоящего из авторитетных экспертов и представителей банковского сектора, решения которых носили бы статус обязательных для сторон до передачи дела в суды общей юрисдикции¹⁷.

Дестигматизация рисков: Внедрение в управленческую практику органов власти Приморского края концепции «права на обоснованный риск». Необходима декриминализация управленческих ошибок в ГЧП, если они не несут явного коррупционного умысла, что снимет страх госслужащих перед принятием решений¹⁸.

Заключение

Выполненное исследование позволяет сделать концептуальный вывод: основным барьером развития государственно-частного партнерства в Приморском крае является не отсутствие финансовых ресурсов и несовершенство законодательной базы, а дефицит

институционального доверия между государственным и частным секторами. Подмена устойчивых формальных институтов гарантиями «ручного управления» снижает горизонт планирования инвесторов и ограничивает потенциал ГЧП рамками нескольких имиджевых мегапроектов. Высокий уровень взаимного ожидания оппортунистического поведения генерирует запретительные высокие транзакционные издержки.

Модернизация ГЧП на Дальнем Востоке требует радикальной смены управленческой парадигмы: от культуры контроля и субординации к культуре сотрудничества и распределения рисков. Внедрение модели «экосистемы доверия», включающей совместные проектные офисы, стандартизацию процедур и институты досудебной медиации, позволит снизить уровень информационной асимметрии, трансформировать межличностное доверие в институциональное и раскрыть огромный экономический потенциал региона в условиях поворота на Восток.

Список литературы

1. Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь / А.А. Аузан. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 160 с.
2. Борщевский Г.А. Государственно-частное партнерство: учебник и практикум для вузов Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 412 с.
3. Васильева Е.И. Кадровое обеспечение государственно-частного партнерства: социолого-управленческий анализ / Е.И. Васильева, Т.Е. Зерчанинова // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. – № 1 (38). – С. 48-57.
4. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – Москва: Дело, 2002. – 568 с.
5. Иванов С.В. Экосистема ГЧП на Дальнем Востоке: барьеры и точки роста (на примере Приморского края) / С.В. Иванов, Е.Н. Петрова // Власть и управление на Востоке России. 2023. – № 3 (104). – С. 45-56.
6. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз; пер. с англ. Б. Пинскера. – Москва: Новое издательство, 2007. – 224 с.
7. Красильников Д.Г. Переход к проектному управлению в органах государственной власти и местном самоуправлении: проблемы и перспективы / Д.Г. Красильников, Е.А. Троицкая // Вопросы государ-

17 Кузнецов П.А. Снижение транзакционных издержек в проектах государственно-частного партнерства: роль институтов медиации / П.А. Кузнецов // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 89-98.

18 Иванов С.В. Экосистема ГЧП на Дальнем Востоке: барьеры и точки роста (на примере Приморского края) / С.В. Иванов, Е.Н. Петрова // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 45-56.

ственного и муниципального управления. 2021. – № 3. – С. 85-106.

8. Кузнецов П.А. Снижение транзакционных издержек в проектах государственно-частного партнерства: роль институтов медиации / П.А. Кузнецов // Социологические исследования. 2023. – № 4. – С. 89-98.

9. Макаров И.Н. Институциональное доверие как фундаментальное условие эффективности государственно-частного партнерства / И.Н. Макаров, О.А. Колесникова // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. – № 2. – С. 55-78.

10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

11. Радугин А.Д. Государственно-частное партнерство: институциональные основы и механизмы управления в России / А.Д. Радугин, Ю.В. Симачев, Р.М. Энтов // Вопросы экономики. 2020. – № 11. – С. 5-34.

12. Сморгун Л.В. Институциональная инерция и сетевое взаимодействие в публичном управлении: социологический анализ / Л.В. Сморгун // Социологические исследования. 2022. – № 8. – С. 34-45.

13. Ткаченко М.В. Инфраструктурный прорыв и ГЧП в регионах: проблемы и перспективы / М.В. Ткаченко // Журнал экономической теории. 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 112-125.

14. Штомпка П. Доверие: социологическая теория / П. Штомпка; пер. с пол. Н.В. Морозовой. – Москва: Логос, 2022. – 390 с.

15. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «невидимая рука» / О.И. Уильямсон; пер. с англ. – Санкт-Петербург: Лениздат: CEV Press, 1996. – 702 с.

16. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – Москва: АСТ: Ермак, 2004. – 730 с.

17. Таякин А.Г., Востриков К.В. Профилактика антитеррористической деятельности в Томской области: региональные особенности и перспективы развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. – № 9 (207). – С. 74-81.

// Issues of Public and Municipal Administration. 2021. – № 3. – P. 85-106.

8. Kuznetsov P.A. Reducing Transaction Costs in Public-Private Partnership Projects: The Role of Mediation Institutions / P.A. Kuznetsov // Sociological Research. 2023. – № 4. – P. 89-98.

9. Makarov I.N. Institutional Trust as a Fundamental Condition for the Effectiveness of Public-Private Partnerships / I.N. Makarov, O.A. Kolesnikova // Issues of Public and Municipal Administration. 2021. – № 2. – P. 55-78.

10. North D. Institutions, Institutional Changes, and the Functioning of the Economy / D. North; translated from English by A.N. Nesterenko. – Moscow: Economic Book Foundation "Nachala", 1997. – 180 p.

11. Radygin A.D. Public-Private Partnership: Institutional Foundations and Governance Mechanisms in Russia / A.D. Radygin, Yu.V. Simachev, R.M. Entov // Voprosy Ekonomiki. 2020. – № 11. – P. 5-34.

12. Smorgunov L.V. Institutional Inertia and Network Interaction in Public Administration: A Sociological Analysis / L.V. Smorgunov // Sociological Research. 2022. – № 8. – P. 34-45.

13. Tkachenko M.V. Infrastructure Breakthrough and PPP in the Regions: Problems and Prospects / M.V. Tkachenko // Journal of Economic Theory. 2022. – Vol. 19. – № 1. – P. 112-125.

14. Shtompka P. Trust: A Sociological Theory / P. Shtompka; trans. with full text by N.V. Morozova. – Moscow: Logos, 2022. – 390 p.

15. Williamson O.I. Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, and the Invisible Hand / O.I. Williamson; translated from English. – St. Petersburg: Lenizdat: CEV Press, 1996. – 702 p.

16. Fukuyama F. Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity / F. Fukuyama; translated from English. – Moscow: AST: Ermak, 2004. – 730 p.

17. Tayukin A.G., Vostrikov K.V. Features of anti-terrorist activities in the Tomsk region: Regional context and possibilities of development strategies // Etnosotsium and international culture. 2025. – № 9 (207). – P. 74-81.

References

1. Auzan A.A. The Economy of Everything. How Institutions Shape Our Lives / A.A. Auzan. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. – 160 p.

2. Borshchevsky G.A. Public-Private Partnership: Textbook and Workshop for Universities Moscow: Yurait Publishing House, 2023. – 412 p.

3. Vasilyeva E.I. Staffing for Public-Private Partnerships: A Sociological and Managerial Analysis / E.I. Vasilyeva, T.E. Zerchaninova // Municipality: Economics and Management. 2022. – № 1 (38). – P. 48-57.

4. Zaslavskaya T.I. Societal Transformation of Russian Society: An Activity-Structural Concept / T.I. Zaslavskaya. Moscow: Delo, 2002. – 568 p.

5. Ivanov S.V. The PPP Ecosystem in the Far East: Barriers and Growth Points (Based on the Primorsky Krai Case Study) / S.V. Ivanov, E.N. Petrova // Power and Management in the East of Russia. 2023. – № 3 (104). – P. 45-56.

6. Coase R. Firm, Market, and Law / R. Coase; Translated from English by B. Pinsker. – Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2007. – 224 p.

7. Krasilnikov D.G. Transition to Project Management in Government Bodies and Local Self-Government: Problems and Prospects / D.G. Krasilnikov, E.A. Troitskaya

Ананченкова П.И.

Кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент, завкафедрой экономики и социологии здравоохранения. Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко.

Аксиологические основы долголетия*

Аннотация. В статье рассматриваются аксиологические основы долголетия как совокупность ценностных принципов, определяющих отношение общества, государства и самого человека к увеличению продолжительности жизни. Обосновано, что долголетие не может рассматриваться исключительно как биомедицинский или демографический показатель, выраженный числом прожитых лет. Его содержание включает качество жизни, функциональную способность, автономию, социальное участие, межпоколенческую солидарность, достоинство личности, доступ к заботе и возможность самореализации в старшем возрасте. Показано, что современные международные подходы к проблеме старения смещают акцент от модели пассивного дожития к модели активного и здорового долголетия, основанной на правах человека, социальной включенности и уважении к старшему поколению. Особое внимание уделено документам ВОЗ и ООН, в которых долголетие связывается с функциональной способностью, участием в жизни общества, защитой от эйджизма и созданием возрасто-дружественной среды. Сделан вывод о том, что аксиологическое понимание долголетия требует согласования медицинской, социальной, образовательной, трудовой и культурной политики, направленной не только на продление жизни, но и на сохранение ее смысла, достоинства и социальной полноценности.

Ключевые слова: долголетие, аксиология, здоровое старение, активное долголетие, человеческое достоинство, функциональная способность, социальное участие, эйджизм, межпоколенческая солидарность, качество жизни.

Ananchenkova P.I.

Candidate of Economics, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Sociology of Healthcare at the National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko.

The axiological foundations of longevity

Abstract. The article examines the axiological foundations of longevity as a set of value principles that determine the attitude of society, the state and the person himself to increasing life expectancy. It is proved that longevity cannot be considered solely as a biomedical or demographic indicator expressed by the number of years lived. Its content includes quality of life, functional ability, autonomy, social participation, intergenerational solidarity, personal dignity, access to care and the possibility of self-realization in old age. It is shown that modern international approaches to the problem of aging are shifting the focus from the model of passive survival to the model of active and healthy longevity based on human rights, social inclusion and respect for the older generation. Special attention is paid to WHO and UN documents, in which longevity is associated with functional ability, participation in society, protection from ageism and the creation of an age-friendly environment. It is concluded that the axiological understanding of longevity requires

* © Ананченкова П.И., 2026.
Аксиологические основы долголетия

the coordination of medical, social, educational, labor and cultural policies aimed not only at prolonging life, but also at preserving its meaning, dignity and social usefulness.

Key words: longevity, axiology, healthy aging, active longevity, human dignity, functional ability, social participation, ageism, intergenerational solidarity, quality of life.

Долголетие относится к числу наиболее значимых феноменов современного общества. Рост продолжительности жизни, увеличение доли граждан старшего возраста и изменение возрастной структуры населения ставят перед государствами, институтами здравоохранения, социальной защиты, образования и рынка труда новые задачи. Однако долголетие не может быть понято только как статистическое увеличение продолжительности жизни. В научном и практическом отношении принципиальное значение имеет вопрос о том, какой ценностный смысл придается старению, старости и жизни человека в позднем возрасте.

Аксиологический подход позволяет рассматривать долголетие не только как демографический результат, но и как ценностно-нормативную категорию. В этом смысле долголетие связано с представлениями о достойной жизни, автономии личности, социальной полезности, межпоколенческой преемственности, доступности заботы, праве на участие в общественной жизни и недопустимости дискриминации по возрасту. Именно поэтому современные международные документы по вопросам старения подчеркивают необходимость изменения не только социальных программ, но и самого способа мышления о старении.

ВОЗ во «Всемирном докладе о старении и здоровье» («World report on ageing and health») отмечает, что общественное здравоохранение в условиях старения населения требует фун-

даментальных изменений не только в действиях, но и в представлениях о старении; в докладе предложена рамка здорового старения, основанная на понятии функциональной способности, то есть способности человека делать то, что он считает ценным¹ [1]. Данное положение имеет выраженное аксиологическое значение: продолжительность жизни оценивается не сама по себе, а через возможность человека сохранять автономию, социальные связи, участие и качество повседневной жизни.

Актуальность темы усиливается тем, что ООН и ВОЗ рассматривают 2021–2030 гг. как Десятилетие здорового старения, направленное на улучшение жизни пожилых людей, их семей и сообществ. ВОЗ подчеркивает, что эта программа требует изменений в отношении к возрасту и старению, развития возрасто-дружественной среды, долгосрочного ухода, борьбы с эйджизмом и укрепления данных, исследований и инноваций. Следовательно, проблема долголетия имеет не только медицинское, но и социально-философское, этическое и управленческое измерение.

Цель статьи – раскрыть аксиологические основы долголетия и показать, какие ценности лежат в основе современных подходов к здоровому, активному и социально значимому старению.

В биомедицинском смысле долголетие обычно связывается с продолжительностью жизни и сохранением здоровья. Однако такой подход явля-

¹ World report on ageing and health.
// URL: <https://www.who.int/publications/item/9789241565042/> (Дата обращения: 12.04.2026)

ется недостаточным, поскольку он не отвечает на вопрос о качестве проживаемых лет, социальной включенности человека, его свободе выбора, возможности реализовывать жизненные цели и сохранять чувство собственного достоинства. Аксиологический подход расширяет понимание долголетия: оно становится не только продолжительностью существования, но и формой ценностно насыщенной жизни.

В этом контексте долголетие может быть определено как продолжительная жизнь, сохраняющая для человека личностный смысл, социальную включенность, приемлемый уровень самостоятельности, доступ к заботе и возможность участия в общественной, семейной и культурной жизни. Следовательно, долголетие в аксиологическом измерении не совпадает с простым «дожитием». Оно предполагает не только сохранение биологических функций, но и поддержание человеческого статуса, субъектности и социальной значимости.

Такой подход согласуется с концепцией «успешного старения» Дж. Роу и Р. Кана, в которой успешное старение описывается как многомерное явление, включающее избегание болезней и инвалидности, сохранение высокого физического и когнитивного функционирования, а также устойчивую вовлеченность в социальную и продуктивную деятельность² [2]. Несмотря на то что данная модель неоднократно обсуждалась и критиковалась за риск завышенных ожиданий к пожилому человеку, ее значение состоит в том, что она сместила внимание от пассивного представления о старости к анализу активности, участия и функциональных возможностей.

2 John W. Rowe, Robert L. Kahn, Successful Aging. *The Gerontologist*. 1997;37;4:433–440.

Аксиологическое понимание долголетия предполагает признание старшего возраста не только периодом потерь, но и этапом сохранения человеческого потенциала. Старость не должна рассматриваться исключительно через дефицит здоровья, снижение трудоспособности или зависимость от помощи. Она включает опыт, память, культурную преемственность, семейные связи, гражданское участие и возможность передачи знаний следующим поколениям. Поэтому общественная ценность долголетия определяется не только числом лет, но и тем, насколько общество создает условия для достойного и включенного старения.

Одной из центральных аксиологических основ долголетия является человеческое достоинство. Оно означает признание безусловной ценности человека независимо от возраста, состояния здоровья, экономической продуктивности, уровня самостоятельности и потребности в помощи. Если долголетие оценивается только через экономическую полезность или способность к труду, то старший возраст может ошибочно восприниматься как социальная нагрузка. Аксиологический подход отвергает такую редукцию и утверждает ценность личности независимо от ее вклада в производство.

Принципы ООН в отношении пожилых людей, принятые Генеральной Ассамблеей в 1991 г., группируются вокруг пяти базовых направлений: независимость, участие, уход, самореализация и достоинство³ [3]. В документе указано, что пожилые люди должны иметь возможность жить в достоинстве и безопасности, быть свободными

3 United Nations Principles for Older Persons. // URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-principles-older-persons> (Дата обращения: 12.04.2026)

от эксплуатации и физического или психического насилия, а также цениться независимо от их экономического вклада. Эти положения задают нормативно-ценностную рамку долголетия: старость признается не остаточным периодом жизни, а этапом, в котором должны сохраняться права, свободы и уважение к личности.

Достоинство в контексте долголетия имеет несколько измерений. Во-первых, это право на уважительное отношение в семье, обществе, системе здравоохранения и социальной защиты. Во-вторых, это право на участие в решениях, касающихся ухода, лечения, места проживания и образа жизни. В-третьих, это защита от унижающей зависимости, насилия, пренебрежения и социальной изоляции. В-четвертых, это признание старшего человека субъектом, а не только объектом заботы.

Достоинство также связано с языком и культурой описания старости. Если старость постоянно описывается как бремя, дефицит и угроза, то общество формирует негативную символическую среду, в которой пожилой человек теряет социальное признание. Напротив, ценностно ориентированный подход к долголетию требует таких форм общественной коммуникации, которые подчеркивают уважение, опыт, право на участие и многообразие траекторий старения.

Важнейшей ценностью долголетия является автономия. Она означает способность человека сохранять контроль над собственной жизнью, принимать решения и участвовать в выборе форм медицинской, социальной и семейной поддержки. Автономия не тождественна полной независимости от помощи. Даже при наличии хронических заболеваний или функциональных ограничений человек может сохранять субъек-

тность, если его мнение учитывается, а помощь организована не принудительно, а с уважением к личным предпочтениям.

ВОЗ в докладе о старении и здоровье связывает здоровое старение с развитием и поддержанием функциональной способности, которая обеспечивает благополучие в пожилом возрасте [1]. Функциональная способность, согласно подходу ВОЗ, определяется не только индивидуальными физическими и психическими возможностями, но и средой, которая помогает или препятствует человеку делать то, что он считает значимым. Следовательно, автономия в старшем возрасте зависит не только от здоровья человека, но и от доступности транспорта, жилья, медицинской помощи, социальной поддержки, цифровых сервисов и безопасной городской среды.

В аксиологическом плане автономия означает отказ от патерналистского отношения к пожилым людям. Помощь не должна превращаться в лишение права выбора. Напротив, подлинно гуманная система поддержки должна усиливать возможности человека, а не заменять его субъектность внешним управлением. Это особенно важно в медико-социальной сфере, где решения о лечении, уходе, реабилитации и проживании непосредственно затрагивают качество жизни пожилого человека.

Автономия также связана с образовательным и цифровым измерением долголетия. Возможность обучаться, осваивать новые технологии, пользоваться социальными сервисами, поддерживать коммуникацию и получать информацию становится важным условием включенности в современное общество. Поэтому программы активного долголетия должны включать не только медицинские мероприятия, но и обуче-

ние, цифровую поддержку, культурное участие и условия для самостоятельно-го выбора жизненных практик.

Социальное участие является одной из ключевых ценностей долголетия. Человек старшего возраста сохраняет потребность в коммуникации, признании, полезности, принадлежности к группе и участии в значимых формах деятельности. Исключение пожилых людей из общественной жизни ведет к социальной изоляции, снижению качества жизни и утрате смысла, тогда как включенность способствует сохранению психологического благополучия и межпоколенческой связи.

ВОЗ в рамочной программе активного старения определяет активное старение как процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности с целью повышения качества жизни людей по мере старения⁴ [4]. Данная формула содержит важную аксиологическую идею: долголетие является не только индивидуальным результатом, но и социальным процессом, в котором общество должно создавать условия для участия, защиты и сохранения качества жизни.

Принципы ООН также подчеркивают участие пожилых людей в жизни общества, включая возможность участвовать в разработке и реализации политики, затрагивающей их благополучие, а также передавать знания и навыки младшим поколениям [3]. Это особенно важно, поскольку пожилые люди нередко рассматриваются как получатели помощи, но недостаточно часто – как носители опыта, экспертизы, культурной памяти и социальной солидарности.

4 World Health Organization (2002). Active ageing: a policy framework. World Health Organization. World Health Organization. // URL: <https://iris.who.int/handle/10665/67215> (Дата обращения: 12.04.2026)

Социальное участие может принимать разные формы: продолжение трудовой деятельности, волонтерство, наставничество, участие в общественных организациях, образовательных программах, культурной жизни, семейном воспитании, локальных сообществах. В аксиологическом смысле все эти формы важны не только как занятость, но и как подтверждение социальной субъектности человека.

В российском контексте ценность участия старшего поколения также закрепляется в стратегических документах. В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года отмечалось, что граждане старшего поколения являются носителями знаний и опыта, участвуют в социальном развитии, сохраняют культурное богатство страны и обеспечивают связь поколений. Новая Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года ориентирована на повышение продолжительности и качества жизни граждан старшего поколения. Таким образом, долголетие в современной социальной политике связывается не только с медицинским обслуживанием, но и с качеством жизни, социальной ролью и межпоколенческой преемственностью.

Аксиологические основы долголетия включают не только автономию, но и заботу. Эти ценности не противоречат друг другу: автономия без заботы может привести к одиночеству и социальной незащищенности, а забота без автономии – к патернализму и ограничению свободы. Поэтому достойное долголетие возможно только при балансе самостоятельности и поддержки.

Забота о пожилom человеке имеет семейное, общественное и институ-

циональное измерение. Она включает доступ к медицинской помощи, реабилитации, долговременному уходу, социальным услугам, психологической поддержке, безопасной среде и защите от насилия. ВОЗ в рамках Десятилетия здорового старения выделяет долгосрочный уход как одно из направлений действий, подчеркивая, что доступ к качественному долговременному уходу необходим для сохранения функциональной способности, прав человека и достоинства пожилых людей⁵ [5].

Межпоколенческая солидарность является особой формой заботы. Она предполагает не только поддержку старших младшими, но и взаимный обмен ресурсами, опытом, знаниями и эмоциональной поддержкой между поколениями. В условиях старения населения солидарность поколений становится важным ресурсом социальной устойчивости. Она позволяет преодолеть представление о старших людях как об изолированной группе и рассматривать возрастные поколения как взаимозависимые части общества.

Ценность заботы также требует институциональной ответственности. Семья не может быть единственным субъектом поддержки пожилого человека, особенно в условиях урбанизации, миграции, занятости женщин и изменения семейной структуры. Поэтому государственная и муниципальная политика должна создавать такие формы поддержки, которые не перекладывают всю нагрузку на родственников, а обеспечивают доступность услуг, помощь ухаживающим лицам и качество долговременного ухода.

Одним из главных препятствий для

формирования культуры долголетия является эйджизм – стереотипы, предубеждения и дискриминация по возрасту. Эйджизм снижает социальную ценность старшего возраста, ограничивает доступ пожилых людей к труду, образованию, медицинской помощи, общественному участию и культурному признанию. Поэтому борьба с эйджизмом является не дополнительной, а базовой задачей аксиологически ориентированной политики долголетия.

ВОЗ, ООН и партнерские организации в Global report on ageism указывают, что эйджизм проявляется в разных институтах и секторах общества, включая здравоохранение, социальную сферу, рынок труда, медиа и правовую систему; доклад предлагает рамку действий по снижению эйджизма и рекомендации для государств, гражданского общества и других субъектов⁶ [6]. В сообщении ВОЗ о докладе подчеркивается, что каждый второй человек в мире, по оценкам, имеет эйджистские установки, а эйджизм связан с ухудшением физического и психического здоровья, социальной изоляцией, снижением качества жизни и более ранней смертностью.

Аксиологическое значение борьбы с эйджизмом состоит в том, что она защищает представление о равной ценности человеческой жизни на всех этапах. Если общество допускает, что возраст сам по себе снижает ценность человека, то долголетие превращается в социально проблематизированное состояние. Напротив, культура долголетия требует признания возраста как одного из измерений человеческого многообразия.

Противодействие эйджизму должно включать изменение языка публичной

5 WHO's work on the UN Decade of Healthy Ageing (2021–2030). // URL: <https://www.who.int/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (Дата обращения: 12.04.2026)

6 Global report on ageism. // URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240016866> (Дата обращения: 12.04.2026)

коммуникации, повышение доступности образования в старшем возрасте, защиту трудовых прав пожилых работников, недопущение дискриминации в здравоохранении, развитие межпоколенческих программ и представление старшего возраста в медиа без унижающих стереотипов. В этом смысле борьба с эйджизмом является не только правовой, но и культурной задачей.

Современное понимание долголетия все в большей степени ориентируется не на продолжительность жизни как таковую, а на качество проживаемых лет. Долгая жизнь без доступа к медицинской помощи, социальной поддержке, безопасной среде, общению и возможностям самореализации не может рассматриваться как полноценная цель социальной политики. Поэтому ключевым становится вопрос о том, какие условия позволяют человеку не просто жить дольше, но жить лучше.

ВОЗ в базовом докладе по Десятилетию здорового старения подчеркивает необходимость измерения здорового старения, поскольку то, что измеряется, направляет действия; доклад рассматривает пути ускорения прогресса к 2030 г. и оптимизации функциональной способности пожилых людей. Это означает, что политика долголетия должна быть основана на данных, но сами данные должны отражать не только смертность и продолжительность жизни, а также функциональность, среду, доступность услуг, включенность и благополучие.

Функциональная способность является важным мостом между медицинским и аксиологическим подходом. Она позволяет оценивать здоровье не только как отсутствие болезни, но как возможность делать то, что человек считает ценным. Поэтому сохранение мобильности, когнитивных возможно-

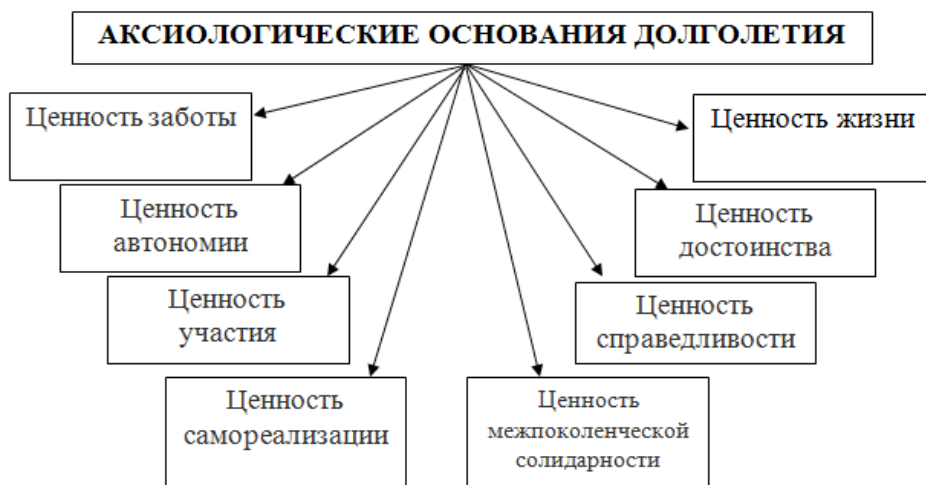
стей, коммуникации, самостоятельности, социальной активности и доступа к среде становится не менее важным, чем лечение отдельных заболеваний.

Качество жизни в старшем возрасте зависит от множества факторов: дохода, жилья, безопасности, доступности медицинской и социальной помощи, транспортной инфраструктуры, цифровой доступности, семейных связей, уровня одиночества, культурной активности и отношения общества к старению. В связи с этим долголетие должно быть предметом межсекторной политики, объединяющей здравоохранение, социальную защиту, образование, культуру, городское развитие, трудовую сферу и цифровую инклюзию.

На основе рассмотренных подходов можно выделить несколько базовых ценностных оснований долголетия (рисунки 1).

Рассматривая указанные ценностные основания долголетия, отметим, что среди них базовыми являются:

- ценность жизни, предполагающая признание продления жизни значимой социальной и гуманитарной целью. Однако эта ценность не должна быть сведена к биологическому выживанию.
- ценность достоинства, означающая уважение к пожилому человеку независимо от его здоровья, возраста, трудовой активности и экономического вклада.
- ценность автономии, предполагающая право на выбор, участие в принятии решений и сохранение контроля над собственной жизнью.
- ценность участия, выражающая необходимость социальной включенности, общения, труда, волонтерства, наставничества и культурной активности.
- ценность заботы, предполагающая доступ к медицинской, социальной,

Рисунок 1. Аксиологические основания долголетия.

семейной и институциональной поддержке.

- ценность справедливости, требующая противодействия эйджизму, дискриминации, бедности, изоляции и неравенству доступа к ресурсам долголетия.

- ценность межпоколенческой солидарности, связывающая долголетие с передачей опыта, поддержкой семьи, культурной преемственностью и общественной устойчивостью.

- ценность самореализации, согласно которой старший возраст должен сохранять возможности развития, обучения, творчества и личностного роста.

Такая модель позволяет рассматривать долголетие не как узкую медицинскую цель, а как интегральный результат развития общества, в котором старший возраст признается полноценным этапом жизни.

Аксиологические основы долголетия раскрывают его как ценностно насыщенное социальное явление, выходящее за пределы биомедицинского и демографического измерения. Долголетие не может быть сведено только к

увеличению продолжительности жизни, поскольку само по себе число прожитых лет не отражает качества жизни, уровня автономии, социальной включенности, доступа к заботе и сохранения человеческого достоинства.

Проведенный анализ показывает, что современное понимание долголетия основано на ценностях достоинства, автономии, участия, справедливости, межпоколенческой солидарности и самореализации. Эти ценности формируют основу здорового и активного старения, при котором пожилой человек рассматривается не как пассивный объект помощи, а как субъект собственной жизни, носитель опыта, участник общественных отношений и обладатель неотъемлемых прав.

Особое значение имеет переход от модели «дожития» к модели активного и здорового долголетия. Такой переход требует создания условий, при которых человек старшего возраста может сохранять функциональную способность, социальные связи, доступ к медицинской и социальной помощи, возможность обучения, участия в общественной жизни.

ни и защиты от дискриминации. В этом контексте долголетие становится не только индивидуальным достижением, но и показателем гуманности, зрелости и устойчивости общества [7].

Важным условием формирования культуры долголетия является борьба с эйджизмом. Возрастные стереотипы и дискриминация подрывают ценностные основания долголетия, поскольку ограничивают возможности пожилых людей, снижают их социальное признание и препятствуют полноценному участию в жизни общества. Поэтому политика долголетия должна включать не только медицинские и социальные меры, но и изменение общественного отношения к старению.

Таким образом, аксиологический подход позволяет рассматривать долголетие как интегральную цель социальной политики, общественного здравоохранения и культурного развития. Его практическая реализация требует межсекторного взаимодействия государства, медицинских и социальных организаций, образовательных институтов, работодателей, семей и гражданского общества. Продление жизни становится подлинной ценностью только тогда, когда сопровождается сохранением достоинства, смысла, автономии и возможностей полноценного участия человека в обществе.

Список литературы / References

1. World report on ageing and health. // URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241565042/> (Дата обращения: 12.04.2026)
2. John W. Rowe, Robert L. Kahn, Successful Ageing. *The Gerontologist*. 1997. № 37;4. P. 433-440.
3. United Nations Principles for Older Persons. // URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-principles-older-persons> (Дата обращения: 12.04.2026)
4. World Health Organization. Active ageing: a policy framework. World Health Organization. World Health Organization. 2002. // URL: <https://iris.who.int/handle/10665/67215> (Дата обращения: 12.04.2026)
5. WHO's work on the UN Decade of Healthy Age-

ing (2021–2030). // URL: <https://www.who.int/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (Дата обращения: 12.04.2026)

6. Global report on ageism. // URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240016866> (Дата обращения: 12.04.2026)

7. Ananchenkova P.I., Tonkonog V.V. Theoretical and methodological aspects of human capital research // *Labour and Social Relations Journal*. 2023. Vol. 34. № 1. P. 116-123.

Газалов А.Т.

Аспирант 1 курса научной специальности 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, кафедра общественных связей и медиаполитики, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Коммуникативные стратегии органов публичной власти в цифровой среде: региональный опыт взаимодействия с молодежью*

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативные стратегии органов публичной власти в цифровой среде на примере взаимодействия с молодежью в Республике Северная Осетия – Алания. Цель исследования состоит в выявлении институциональных и содержательных особенностей региональной цифровой коммуникации в сфере молодежной политики. Эмпирическую базу составили действующие нормативные правовые акты, материалы официального портала республики, официального сайта Комитета Республики Северная Осетия – Алания по делам молодежи, а также социальные сети, проанализированные как кейс региональной публичной коммуникации. Установлено, что в исследуемом случае сформирована базовая цифровая инфраструктура взаимодействия, однако доминирует информационная модель коммуникации. Сделан вывод о необходимости перехода от преимущественно новостного и отчетного формата к устойчивой модели обратной связи и вовлечения молодежи в обсуждение и реализацию региональной повестки.

Ключевые слова: публичная власть, цифровая среда, молодежь, молодежная политика, Северная Осетия, цифровая коммуникация.

Gazalov A.T.

First-year postgraduate student, specializing in 5.4.4. Social Structure, Social Institutions and Processes, Department of Public Relations and Media Policy, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Communication strategies of public authorities in the digital environment: regional experience of engaging with youth

Abstract. The article examines the communication strategies of public authorities in the digital environment, using interaction with young people in the Republic of North Ossetia–Alania as a case study. The purpose of the study is to identify the institutional and substantive characteristics of regional digital communication in the field of youth policy. The empirical basis of the study comprises current regulatory legal acts, materials from the official portal of the Republic of North Ossetia–Alania, the official website of the Committee of the Republic of North Ossetia–Alania for Youth Affairs, as well as social media, analyzed as a case of regional public communication. The study finds that a basic digital infrastructure for interaction has been established in the case under examination; however, an information-oriented communication model remains dominant. The article concludes that there is a need to move from a predominantly news- and reporting-based format toward a sustainable model of feedback and youth engagement in the discussion and im-

* © Газалов А.Т., 2026.

Коммуникативные стратегии органов публичной власти в цифровой среде: региональный опыт взаимодействия с молодежью

plementation of the regional agenda.

Key words: public authorities, digital environment, youth, youth policy, North Ossetia, digital communication.

Введение

Цифровая среда стала значимым пространством повседневного взаимодействия государства и граждан. Для молодежи эта среда является не дополнительным, а базовым каналом получения информации, оценки действий власти и включения в общественные практики. Поэтому коммуникативная стратегия органов публичной власти сегодня должна решать не только задачу информирования, но и задачу формирования доверия, обеспечения обратной связи и расширения возможностей участия [1; 2; 3; 11].

Актуальность обращения к региональному уровню определяется тем, что именно здесь цифровая коммуникация приобретает прикладной характер: она связана с доступностью конкретных сервисов, объявлением молодежных проектов, работой с обращениями и вовлечением молодых людей в локальную повестку. В Республике Северная Осетия – Алания институциональная основа молодежной политики закреплена федеральным и региональным законодательством [4; 9; 10], а ее реализацию осуществляет профильный региональный орган – Комитет Республики Северная Осетия – Алания по делам молодежи [6]. В этих условиях важно понять, какая модель цифровой коммуникации фактически формируется в регионе.

Цель статьи – выявить особенности коммуникативных стратегий органов публичной власти в цифровой среде на примере взаимодействия с молодежью в Республике Северная Осетия – Алания.

Материалы и методы

Исследование выполнено в логике качественного кейс-стади. Методологическую основу составили институциональный и коммуникативный подходы, позволяющие рассматривать цифровые ресурсы органов власти одновременно как элемент нормативно закреплённой системы публичного управления и как среду социального взаимодействия. Использованы анализ нормативных правовых актов, анализ официальных интернет-ресурсов и качественный контент-анализ материалов, размещённых на официальном портале Республики Северная Осетия – Алания и официальном сайте Комитета Республики Северная Осетия – Алания по делам молодежи.

В качестве единиц анализа рассматривались структура цифровых ресурсов, преобладающие типы публикуемого контента, наличие каналов обратной связи, сервисных и интерактивных инструментов. Материалы отбирались из открытого доступа по состоянию на март 2026 г. Ограничение исследования связано с тем, что оно не ставит задачу измерения количественных показателей вовлечённости аудитории; его задача состоит в выявлении институциональной логики и содержательных характеристик региональной коммуникации.

Результаты

Во-первых, анализ нормативной базы показывает, что цифровая коммуникация в сфере молодежной политики развивается не стихийно, а в рамках

закрепленных правовых требований. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» задает цели и основные направления работы с молодежью [10], региональный закон конкретизирует их на уровне Республики Северная Осетия – Алания [4], а законодательство об обеспечении доступа к информации о деятельности органов власти и последующие изменения, закрепившие обязательность официальных страниц в сети Интернет, формируют институциональные основания цифровой открытости [8; 9]. Следовательно, цифровая коммуникация выступает не факультативной, а необходимой частью современной молодежной политики.

Во-вторых, в республике сформирован базовый цифровой контур взаимодействия с молодежью. На официальном сайте Комитета представлены разделы новостей, мероприятий, объявлений, документов, сведения о структуре органа, а также переходы к социальным медиа; действует электронная приемная через платформу «Госуслуги. Решаем вместе» [5]. На официальном портале республики Комитет позиционируется как орган, осуществляющий функции по реализации государственной молодежной политики и межотраслевой координации в данной сфере [6]. Это позволяет говорить о наличии организационно оформленной цифровой инфраструктуры.

В-третьих, содержательный анализ показывает, что ведущей остается информационная модель коммуникации. Преобладают сообщения о мероприятиях, проектах, конкурсах, официальных решениях и текущей деятельности. Такая конфигурация обеспечивает публичную видимость работы органа власти и выполняет функцию информирования, однако значительно слабее

представлены практики обсуждения, публичного ответа на запросы молодежи и сопровождения обращения до видимого результата. В этой части региональный кейс совпадает с выводами других исследований: официальные цифровые площадки власти молодежь чаще воспринимает как источник новостей, а не как полноценный канал решения проблем и участия в принятии решений [1; 3; 7].

В-четвертых, для молодежной аудитории решающее значение имеют скорость реакции, понятный язык, визуальная ясность, локальная значимость повестки и возможность увидеть практический эффект от коммуникации. Исследователи отмечают, что дефицит доверия к официальным аккаунтам и слабое представление о механизмах цифрового диалога существенно снижают вовлеченность молодых пользователей [1; 2; 7]. Применительно к Северной Осетии это означает, что даже при наличии сайта, официального портала и сервисного канала обратной связи эффективность коммуникации будет ограниченной, если цифровые ресурсы сохраняют преимущественно отчетно-новостную логику.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать два принципиальных вывода. Первый состоит в том, что для региональной молодежной политики уже недостаточно формального присутствия в цифровой среде. Наличие официального сайта, госпаблика или электронной приемной создает лишь инфраструктурную основу, но не гарантирует диалогического характера коммуникации. Второй вывод заключается в том, что именно на региональном уровне имеются реальные возможности для содержательной перенастройки коммуника-

ционной модели: локальная повестка ближе молодежи, а дистанция между органом власти, образовательными организациями, общественными объединениями и молодыми участниками политики существенно меньше.

С практической точки зрения эффективная коммуникативная стратегия в сфере молодежной политики должна объединять не менее трех контуров: информационный, сервисный и контур участия. Первый отвечает за понятное и регулярное информирование о возможностях, второй – за удобные механизмы обращения и получения результата, третий – за вовлечение молодежи в обсуждение и реализацию региональной повестки. Для Северной Осетии это предполагает координацию официального сайта, социальных медиа и сервисов обратной связи, адаптацию языка сообщений под разные молодежные аудитории, а также использование показателей, фиксирующих не только охват публикаций, но и число обращений, ответов, решенных вопросов и переходов от онлайн-коммуникации к реальному участию.

Заключение

Таким образом, в Республике Северная Осетия – Алания сложилась базовая цифровая инфраструктура взаимодействия органов публичной власти с молодежью. Вместе с тем анализ показывает, что ее ядром остается информационная, а не диалогическая модель коммуникации. Для повышения эффективности молодежной политики приоритетным становится не столько расширение числа цифровых каналов, сколько изменение логики их использования: от публикации новостей и отчетов – к устойчивой обратной связи, адресности сообщений и включению молодежи в обсуждение значимых для

региона вопросов.

Список литературы

1. Абрамова С.Б., Путимцева К.Р., Кондрашов А.О. Социальные сети органов власти: вовлеченность молодежи и оценка эффективности // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 54-78. // URL: <https://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/article/view/599> (Дата обращения: 18.03.2026). – DOI: 10.17072/2218-9173-2024-1-54-78.
2. Гуреева А.Н., Киреева П.А. Особенности медиакommunikации молодежи с государством в социальных сетях // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. – Т. 16. – № 5. – С. 841-857. // URL: <https://elibr.sfu-kras.ru/handle/2311/150126> (Дата обращения: 18.03.2026).
3. Заборова Е.Н. Взаимодействие власти и населения: электронные реалии // *Научный результат. Социология и управление*. 2024. – Т. 10. – № 2. – С. 117-126. // URL: <https://rsociology.ru/journal/article/3470/> (Дата обращения: 18.03.2026). – DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9.
4. Закон Республики Северная Осетия – Алания от 08.06.2021 № 43-ПЗ «О молодежной политике в Республике Северная Осетия – Алания» // Республика Северная Осетия – Алания: официальный портал. // URL: <https://alania.gov.ru/documents/15749> (Дата обращения: 18.03.2026).
5. Комитет Республики Северная Осетия – Алания по делам молодежи: официальный сайт. // URL: <https://kdm.alania.gov.ru/> (Дата обращения: 18.03.2026).
6. Комитет ПСО-Алания по делам молодежи // Республика Северная Осетия – Алания: официальный портал. // URL: <https://alania.gov.ru/vlast/kommol> (Дата обращения: 18.03.2026).
7. Савчук Г.А., Банных Г.А., Кульпин С.В., Курашов Р.М. Коммуникация студенческой молодежи с органами местного самоуправления в социальных медиа // *Научный результат. Социология и управление*. 2024. Т. 10. № 3. С. 168-183. // URL: <https://rsociology.ru/journal/article/3536/> (Дата обращения: 18.03.2026). – DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-1.
8. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Официальный интернет-портал правовой информации. // URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102127629> (Дата обращения: 18.03.2026).
9. Федеральный закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Официальное опубликование правовых актов. // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202207140024> (Дата обращения: 18.03.2026).
10. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202012300003> (Дата обращения: 18.03.2026).
11. Филатова О.Г. Государственные коммуникации в цифровой публичной сфере России: 2011–2020 гг. // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 2. С. 72-91. // URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/618> (Дата обращения: 18.03.2026). – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-4.

References

1. Abramova S.B., Putimtseva K.R., Kondrashov A.O. Social networks of government bodies: youth involvement and effectiveness assessment // *Ars Administrandi (The Art of Management)*. 2024. – Vol. 16. – № 1. – P. 54-78. // URL: <https://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/article/view/599> (18.03.2026). – DOI: 10.17072/2218-9173-2024-1-54-78.
2. Gureeva A.N., Kireeva P.A. Features of media communication between youth and the government in social networks // *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. 2023. – Vol. 16. – № 5. – P. 841-857. // URL: <https://elibr.sfu-kras.ru/handle/2311/150126> (18.03.2026).
3. Zaborova E.N. Interaction between Government and Population: Electronic Realities // *Scientific Result. Sociology and Management*. 2024. – Vol. 10. – № 2. – P. 117-126. // URL: <https://rrsociology.ru/journal/article/3470/> (18.03.2026). – DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9.
4. Law of the Republic of North Ossetia – Alania dated June 8, 2021, № 43-RZ “On Youth Policy in the Republic of North Ossetia – Alania” // Republic of North Ossetia – Alania: official portal. // URL: <https://alania.gov.ru/documents/15749> (March 18, 2026).
5. Committee of the Republic of North Ossetia – Alania for Youth Affairs: official website. // URL: <https://kdm.alania.gov.ru/> (March 18, 2026).
6. Committee of the Republic of North Ossetia – Alania for Youth Affairs // Republic of North Ossetia – Alania: official portal. // URL: <https://alania.gov.ru/vlast/kommol> (March 18, 2026).
7. Savchuk G.A., Bannykh G.A., Kulpin S.V., Kurashov R.M. Communication of student youth with local governments in social media // *Research result. Sociology and management*. 2024. – Vol. 10. – № 3. – P. 168-183. // URL: <https://rrsociology.ru/journal/article/3536/> (18.03.2026). – DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-1.
8. Federal Law of 09.02.2009 № 8-FZ “On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Governments” // Official Internet Portal of Legal Information. // URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102127629> (18.03.2026).
9. Federal Law of July 14, 2022 № 270-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies” // Official publication of legal acts. // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202207140024> (March 18, 2026).
10. Federal Law of December 30, 2020 № 489-FZ “On Youth Policy in the Russian Federation” // Official publication of legal acts. // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202012300003> (March 18, 2026).
11. Filatova, O.G. Government Communications in the Digital Public Sphere of Russia: 2011–2020 // *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2020. – Vol. 13. – № 2. – P. 72-91. // URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/618> (18.03.2026). – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-4.

Коваленко Т.Н.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет. AuthorID: 720845.

Серёда В.М.

Доктор медицинских наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет. AuthorID: 434059

Карпова Е.Е.

Специалист по социальной работе, Благотворительный фонд «Детский и взрослый хоспис «Бумажная птица», г. Санкт-Петербург.

Социальная картография бездомности в Санкт-Петербурге: маршруты выживания, точки помощи и барьеры городской навигации*

Аннотация. В статье рассматривается социальная картография бездомности в Санкт-Петербурге как способ анализа повседневных маршрутов выживания, точек помощи и барьеров городской навигации. В центре внимания находится не только официальная инфраструктура поддержки бездомных, но и то, как сами люди, находящиеся в ситуации открытой или скрытой бездомности, воспринимают городское пространство, различают безопасные и небезопасные места, запоминают адреса, ориентируются по станциям метро, вокзалам, районам кормлений, пунктам обогрева, местам медицинской и гигиенической помощи. Эмпирической основой выступают материалы полуструктурированных интервью со 107 респондентами (бездомными), проведённых в Санкт-Петербурге в 2025 году. Показано, что городская навигация бездомного человека часто строится не по административной карте учреждений, а по карте практического доступа: где можно поесть, переночевать, помыться, получить перевязку, не столкнуться с унижением или отказом. Особое внимание уделяется роли добровольцев и волонтёрских инициатив, которые нередко становятся посредниками между уличной средой и институциональной системой помощи. Делается вывод о необходимости развивать не только сами сервисы помощи, но и понятную низкопороговую навигацию, соединяющую срочную поддержку, добровольческое сопровождение и долгосрочные маршруты ресоциализации.

Ключевые слова: бездомность, социальная картография, городская навигация, добровольчество, волонтёрство, низкопороговая помощь, социальная работа, НКО, ресоциализация.

Kovalenko T.N.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University. Author ID: 720845.

Sereda V.M.

Doctor of Medical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University. Author ID: 434059

* © Коваленко Т.Н., Серёда В.М., Карпова Е.Е., 2026.

Социальная картография бездомности в Санкт-Петербурге: маршруты выживания, точки помощи и барьеры городской навигации

Karpova E.E.*Social Work Specialist, Children's and Adult Hospice "Paper Bird" Charitable Foundation, St. Petersburg.***Social cartography of homelessness in Saint-Petersburg: survival routes, points of assistance and barriers to urban navigation**

Abstract. The article examines the social cartography of homelessness in Saint Petersburg as a way of analyzing everyday survival routes, points of assistance and barriers to urban navigation. The focus is not only on the official infrastructure of support for homeless people, but also on how people experiencing open or hidden homelessness perceive urban space, distinguish between safe and unsafe places, remember addresses, and navigate by metro stations, railway stations, food distribution areas, warming points, and places where medical and hygiene assistance is available. The empirical basis of the article consists of semi-structured interviews with 107 respondents experiencing homelessness, conducted in Saint Petersburg in 2025. The study shows that the urban navigation of a homeless person is often structured not by the administrative map of institutions, but by a map of practical access: where one can eat, spend the night, wash, receive wound dressing, and avoid humiliation or refusal. Particular attention is paid to the role of volunteers and volunteer initiatives, which often act as intermediaries between the street environment and the institutional assistance system. The article concludes that it is necessary to develop not only assistance services themselves, but also clear low-threshold navigation that connects emergency support, volunteer accompaniment and long-term routes of resocialization.

Key words: homelessness, social cartography, urban navigation, volunteerism, volunteering, low-threshold assistance, social work, NGOs, resocialization.

Бездомность в большом городе существует не только как социально-правовой статус или отсутствие постоянного жилья, но и как особый способ повседневного освоения пространства [1]. Для человека, находящегося в ситуации уличной или скрытой бездомности, город разделён не столько на административные районы, сколько на места ночлега, питания, временной безопасности, риска, отказа, помощи и избегания. В этом смысле социальная картография бездомности позволяет увидеть не только то, где расположены учреждения и организации, но и то, как эти места включаются или не включаются в реальные маршруты выживания.

Санкт-Петербург обладает развитой системой помощи бездомным: государственные учреждения, дома ночного пребывания, отделения временного проживания, пункты обогрева, благо-

творительные и религиозные организации, медицинские и волонтерские инициативы [2]. Однако наличие такой инфраструктуры ещё не означает, что она автоматически становится доступной для человека на улице. Между официальной картой помощи и уличной картой выживания возникает разрыв. Официальная карта строится вокруг юридических названий, адресов, ведомственной принадлежности, условий приёма и регламентов [3]. Уличная карта строится иначе: «где кормят», «где можно переночевать», «где не требуют документы», «где уже помогали», «куда лучше не возвращаться», «где есть знакомые», «где можно помыться», «где перевяжут рану».

Эмпирической основой данной статьи стали материалы полуструктурированных интервью со 107 респондентами, проведённых в Санкт-Петер-

бурге в 2025 г. Работа с бездомными как с чувствительной группой предполагает особое внимание к условиям контакта, неравенству позиций исследователя и респондента, а также к эмоциональной вовлечённости полевого исследования [4]. Эмпирические материалы показывают, что респонденты часто ориентируются в городе не через полные названия организаций, а через практические ориентиры. Они называют станции метро, вокзалы, улицы, районы раздачи еды, близлежащие кладбища, пункты обогрева, места около домов ночного пребывания, знакомые маршруты. Такая навигация может быть эффективной в повседневной жизни, но она остаётся хрупкой. Если меняется расписание, закрывается точка питания, переносится пункт помощи, теряется справочник или исчезает знакомый посредник, человек может лишиться доступа к ресурсу, которым вчера ещё пользовался.

Если разместить существующие точки помощи на карте (Рис. 1), то прежде всего обнаруживается сеть мест ночлега и временного размещения. Отделения

социальной помощи бездомным гражданам в структуре КЦСОНов включают 12 домов ночного пребывания в 12 районах города. Помимо этого, в структуре Центра учёта есть два отделения ночного пребывания, расположенные в Невском и Пушкинском районах. Для заселения в дом ночного пребывания человеку, как правило, необходимы паспорт Российской Федерации, отсутствие регистрации и собственности. Через ЦОСО бездомный заключает договор оказания социальных услуг, после чего может заселиться на срок до полугода: за ним закрепляется место для ночлега, но днём находиться в учреждении нельзя. Тем самым уже на уровне ночлега проявляется различие между наличием сервиса и реальной возможностью воспользоваться им.

Отдельный слой карты образуют пункты обогрева. При домах ночного пребывания они работают с 15 октября по 15 апреля в виде отапливаемых палаток или стационарных помещений. Кроме того, одну палатку ставит Центр учёта, две палатки организует «Ночлежка», иногда они работают и в особо хо-

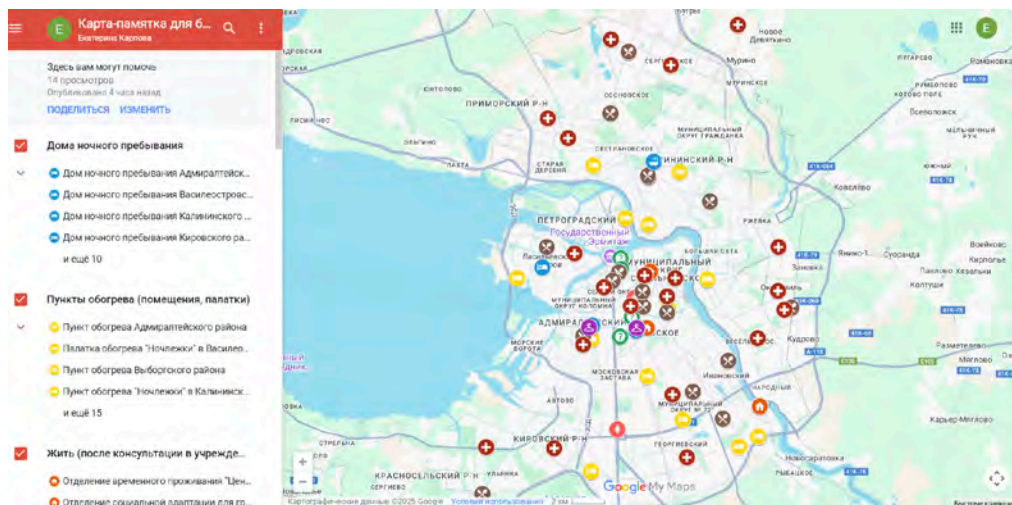

Рис. 1. Размещение на карте Санкт-Петербурга пунктов помощи бездомным.

лодные дни лета. Переночевать можно также в Ночном приюте «Ночлежки» и в Мобильном приюте Мальтийской службы помощи. Преимущество таких мест состоит не только в возможности пережить ночь в тепле, но и в наличии социального работника, психолога или администратора, который может объяснить дальнейший маршрут. Поэтому пункты ночлега и обогрева являются не просто бытовой инфраструктурой, а потенциальными точками входа в систему помощи.

На карте можно выделить и учреждения более длительного размещения, куда человек обычно не попадает напрямую. Направить туда могут социальные работники после прохождения ряда процедур. К таким местам относятся Отделение временного проживания Центра учёта и Покровская община, адаптированные для бездомных людей с инвалидностью; Отделение социальной помощи гражданам без определённого места жительства; Отделение социальной адаптации для граждан без определённого места жительства из числа лиц, освободившихся из мест лишения свободы; Специнтернат для людей с инвалидностью и граждан пожилого возраста, вернувшихся из мест лишения свободы; Реабилитационный приют и Приют для пожилых «Ночлежки». Для женщин специализированных мест длительного размещения заметно меньше, а вход в них также связан с документами: паспортом, полисом ОМС, СНИЛС и формой 9 или 3.

Таким образом, сеть помещений и шелтеров выглядит довольно обширной, если рассматривать её с позиции специалиста. Однако с позиции человека на улице она может оставаться трудной для самостоятельного использования. Специалисты государственных и некоммерческих организаций отмечают,

что мест всё равно не хватает, а при отсутствии социальных контактов в уличной среде человеку иногда проще переночевать в парке, чем найти нужную точку помощи. Это важный вывод для социальной картографии: карта учреждений не совпадает с картой доступности.

Показателен вопрос об адресах ночлежных домов. Среди ответов респондентов было названо всего семь организованных мест для ночлега. При этом почти каждый третий не знает адресов ночлежных домов, а часть респондентов по созвучию или опыту путала ночлежные дома с рабочими домами и отвечала, что никогда туда не вернётся. Такая путаница имеет практические последствия. Негативный опыт взаимодействия с рабочими домами или псевдопомогающими структурами может переноситься на легитимные учреждения, снижая доверие к самой идее организованного ночлега. Дополнительную опасность создаёт то, что реклама рабочих домов по-прежнему встречается в интернете и городской среде.

Важное место в городской карте помощи занимает медицинская инфраструктура. Ключевое значение медицинской помощи связано не только с лечением конкретных заболеваний, но и с профилактикой социально опасных состояний, поддержанием мобильности человека на улице и возможностью включения в дальнейшую ресоциализацию. В Санкт-Петербурге становление медицинской помощи бездомным связано с именем Анатолия Евгеньевича Курковского и деятельностью «Врачей без границ»: благодаря этому направлению в Боткинской больнице был открыт Здравпункт для бездомных. В настоящее время получить там длительное плановое лечение проблематично, однако без документов пять дней в неделю с 8 до 16 часов можно попасть на

приём инфекциониста, хирурга, получить направление в Горнаркологию или 8-й противотуберкулёзный диспансер.

Медицинский раздел карты неодорожен. Формально точек много, но значительная часть из них связана со стоянками автобуса «Гуманитарного действия», где проводится экспресс-тестирование на ВИЧ. Важным поворотным моментом стало открытие на базе мобильной Благотворительной больницы Благотворительной клиники. Сейчас там принимают около 50 пациентов в день. Регулярно работают врач общей практики, терапевт и травматолог-ортопед, периодически принимают врачи узких специальностей, в том числе гинеколог в женский день. На базе клиники проводятся вакцинация, анализы крови, включая тестирование на ВИЧ, анализы мочи, флюорография. В 2025 году стало возможным проведение медико-социальной экспертизы для установления инвалидности. Выезды Благотворительной больницы продолжаются по заявкам горожан из телеграм-бота ISeeHomelessBot.

Городские поликлиники на такую специальную карту помощи обычно не наносятся, поскольку по полису ОМС в них может обратиться любой гражданин. Однако материалы интервью показывают, что только около четверти респондентов назвали государственные поликлиники организациями бесплатной медицинской помощи. В основном бездомные обращаются в НКО, значительно реже в Здравпункт Боткинской больницы, либо занимаются самолечением, либо не обращаются за медицинской помощью. Это осложняет приспособление к уличной жизни и снижает мобильность: боль, раны, инфекционные заболевания, отсутствие перевязки или лечения становятся не только медицинской, но и социальной проблемой.

Отдельный раздел социальной карты связан с гигиеной. Общественное представление о бездомном человеке часто строится вокруг образа грязной одежды и неприятного запаха. Однако количество мест, где можно привести себя в порядок без заселения, в городе невелико. Гигиенические сервисы имеют значение не только для физического здоровья. Возможность принять душ, постирать вещи, получить чистую одежду влияет на способность обратиться в поликлинику, прийти на консультацию, устроиться на работу, восстановить контакт с родственниками, не испытывать крайнего стыда в публичном пространстве. Дефицит таких мест приводит к тому, что бездомный человек использует небезопасные с точки зрения общественного здоровья практики или начинает отрицать гигиену как необходимость.

Важную роль в этой системе играют добровольцы и волонтерские инициативы. В уличной среде именно доброволец (волонтер) часто становится первым человеком, который не требует немедленного доказательства нужды, не начинает контакт с проверки документов и может дать простое объяснение дальнейшего маршрута. Волонтер, участвующий в раздаче еды, работе пункта обогрева, благотворительной столовой, медицинском выезде или сопровождении до учреждения, выполняет не только функцию непосредственной помощи. Он становится медиатором между человеком и городом, между уличной логикой выживания и институциональной логикой социальной поддержки.

Добровольческая помощь особенно значима в низкопороговых форматах. Для бездомного человека первая точка контакта редко начинается с абстрактного желания ресоциализироваться.

Чаще она связана с голодом, холодом, болью, грязной одеждой, потерей документов, невозможностью переночевать. В этих ситуациях волонтерские и благотворительные практики могут открыть вход в более сложную систему помощи. Через еду, тёплую одежду, перевязку, горячий чай, возможность поговорить и получить адрес возникает минимальное доверие. Именно это доверие может стать первым шагом к обращению в социальную службу, восстановлению документов, получению медицинской помощи или поиску ночлега.

При этом добровольчество (волонтерство) не должно рассматриваться как замена государственной системе социальной защиты. Его значение состоит скорее в том, что оно помогает закрыть разрыв между улицей и учреждением. Государственные организации обладают ресурсами, полномочиями и возможностью долгосрочного сопровождения, но они часто воспринимаются бездомными как более формальные, сложные и требовательные. Добровольцы и НКО оказываются ближе к повседневной карте выживания, потому что работают там, где человек уже находится: у вокзалов, станций метро, пунктов питания, в местах ночлега, около медицинских и санитарных сервисов. Поэтому наиболее продуктивной является не конкуренция государственной и добровольческой помощи, а их связка.

Многие бездомные имеют на руках справочник с адресами и описанием сервисов помощи, который им выдавали сотрудники Межрегиональной благотворительной общественной организации помощи бездомным «Ночлежка» [5]. На первый взгляд наличие такой информации означает, что человек знает, куда обращаться. Однако само по себе знание адреса не равно компетентности. Необходимо понимать, когда работает

сервис, какие документы нужны, можно ли прийти без записи, принимают ли в состоянии болезни или опьянения, доступна ли помощь женщинам, людям с инвалидностью, людям без регистрации, тем, кто недавно освобожден из мест лишения свободы. Поэтому социальная картография бездомности должна учитывать не только точки на карте, но и условия входа в каждую из них.

Социальная картография позволяет увидеть несколько типов барьеров городской навигации. Первый барьер является информационным: человек может не знать адреса, путать организации, помнить только неофициальное название или ориентир. Второй барьер институционален: для получения помощи могут требоваться документы, регистрация, справки, предварительная запись, медицинское обследование. Третий барьер психологический: страх отказа, стыд, недоверие, прежний негативный опыт, нежелание возвращаться в учреждение, где человек почувствовал унижение или небезопасность. Четвёртый барьер пространственный: человек может физически находиться далеко от точки помощи, не иметь денег на транспорт, не знать маршрута или не иметь сил пройти несколько инстанций.

В этом контексте особое значение приобретает различие официальной и фактической доступности. Официально сервис может существовать, иметь адрес, расписание и описание на сайте. Фактически он может быть недоступен для человека без телефона, интернета, паспорта, чистой одежды, устойчивого здоровья и способности объяснить свою ситуацию. Поэтому карта помощи должна отвечать не только на вопрос «где находится организация», но и на вопросы «как туда попасть», «что нужно иметь при себе», «можно ли прийти без документов», «какая помощь доступна

сразу», «кто может сопровождать», «что делать, если отказали».

Для социальной работы это означает необходимость развивать сопровождаемую навигацию. Простая выдача адреса недостаточна, если человек не способен самостоятельно пройти маршрут. Более эффективной может быть модель, где доброволец, социальный работник или равный консультант помогает связать отдельные точки в последовательность действий: поесть, переночевать, помыться, получить первичную медицинскую помощь, восстановить документы, обратиться за юридической консультацией, встать на социальное сопровождение. Такая последовательность и есть практическая карта выхода из бездомности.

Таким образом, социальная картография бездомности в Санкт-Петербурге позволяет сместить фокус с формального описания помощи на реальные маршруты её использования. Город для бездомного человека состоит из точек доступа, запрета, ожидания, риска и поддержки. Если эти точки не связаны между собой понятным маршрутом, помощь остаётся фрагментарной и обслуживает преимущественно выживание. Если же между ними появляется навигация, сопровождение и доверительный посредник, в том числе доброволец или волонтер, помощь может стать началом ресоциализации.

Практический вывод состоит в том, что городская система поддержки бездомных должна включать не только учреждения и сервисы, но и социальную навигацию как самостоятельный элемент помощи. Нужны понятные карты низкопороговых сервисов, регулярное обновление информации, размещение сведений не только в интернете, но и в местах фактического пребывания бездомных, обучение волонтеров навыкам

маршрутизации, развитие аутрич-работы и сопровождение в учреждения. Такая карта должна показывать не только адреса, но и реальные условия входа: нужны ли документы, можно ли прийти без записи, есть ли помощь женщинам, маломобильным людям, людям после освобождения из мест лишения свободы, людям без телефона и устойчивого доступа к интернету.

Список литературы

1. Витко Ю.С., Лебедева А.А. Практики работы с бездомными: перспектива возвращения «невидимой» личности // Социальная психология и общество. 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 146-169.
2. Талынёв В.Е., Хвоин Н.Н. Бездомность как социальная проблема: механизмы решения (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. – № 3. – С. 24-29.
3. Талынёв В.Е., Хвоин Н.Н. Социально-адаптивное пространство бездомных: проблемы системы социального обслуживания // Наука. Культура. Общество. 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 9-25.
4. Кузинер Е.Н. Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлечённость и место исследователя в сенситивных полях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. – № 2 (16). – С. 69-88.
5. Проекты [Электронный ресурс] // Ночлежка, благотворительная организация. // URL: <https://homeless.ru/projects> (Дата обращения: 21.07.2026).
6. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. – № 86 (5). – С. 38-45.

References

1. Vitko Yu.S., Lebedeva A.A. Practices of Working with the Homeless: The Prospect of Returning the "Invisible" Personality // Social Psychology and Society. 2021. – Vol. 12. – № 4. – P. 146-169.
2. Talynyov V.E., Khvoyn N.N. Homelessness as a Social Problem: Solution Mechanisms (using St. Petersburg as an Example) // Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology. 2018. – № 3. – P. 24-29.
3. Talynyov V.E., Khvoyn N.N. Socially Adaptive Space of the Homeless: Problems of the Social Services System // Science. Culture. Society. 2019. – Vol. 25. – № 2. – P. 9-25.
4. Kuziner E.N. Homelessness Research: Methodology, Emotional Engagement, and the Researcher's Place in Sensitive Fields // Interaction. Interview. Interpretation. 2024. – № 2 (16). – P. 69-88.
5. Projects [Electronic resource] // Nochlezhka, a charitable organization. // URL: <https://homeless.ru/projects> (21.07.2026).
6. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. – № 86 (5). – P. 38-45.

Лобанов М.А.

Аспирант кафедры психологии, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, г. Москва.

Мирошниченко Н.В.

Кандидат экономических наук, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, г. Москва.

Социальные установки пользователей рекламы в социальных сетях*

Аннотация. В статье рассматриваются социальные установки пользователей по отношению к рекламе в социальных сетях как важный фактор эффективности цифровых рекламных коммуникаций. Обосновано, что в условиях развития социальных сетей реклама воспринимается не изолированно, а в контексте платформенной среды, алгоритмического отбора контента, пользовательских комментариев, отзывов и прошлого опыта взаимодействия с рекламными сообщениями. Показано, что социальная установка к рекламе включает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты: понимание содержания сообщения, оценку его полезности и достоверности, уровень доверия или раздражения, а также готовность пользователя к конкретным действиям – клику, репосту, покупке, игнорированию, скрытию или блокировке рекламы. Особое внимание уделено типологии пользовательских установок, среди которых выделены позитивно-прагматическая, нейтрально-избирательная, критически-отталкивающая и вовлеченно-коммуникативная модели отношения к рекламе. Рассмотрены основные факторы формирования установок: доверие к платформе, воспринимаемая релевантность рекламного контента, социальное влияние, сетевые оценки и предыдущий опыт взаимодействия. Сделан вывод о том, что эффективность рекламы в социальных сетях определяется не только качеством креатива и точностью таргетинга, но и способностью рекламного сообщения восприниматься как уместный, полезный и ненавязчивый элемент цифровой коммуникации.

Ключевые слова: социальные сети, реклама, социальные установки, цифровая коммуникация, таргетированная реклама, поведение пользователей, доверие к платформе, релевантность контента.

Lobanov M.A.

Postgraduate Student, Department of Psychology, A.N. Kosygin Russian State University, Moscow.

Miroshnichenko N.V.

Candidate of Sciences (Economics), A.N. Kosygin Russian State University, Moscow.

Social settings of users of advertising on social networks

Abstract. The article examines the social attitudes of users towards advertising on social networks as an important factor in the effectiveness of digital advertising communications. It is proved that in the context of the development of social networks, advertising is perceived not in

* © Лобанов М.А., Мирошниченко Н.В., 2026.

Социальные установки пользователей рекламы в социальных сетях

isolation, but in the context of the platform environment, algorithmic selection of content, user comments, reviews and past experience of interacting with advertising messages. It is shown that the social attitude towards advertising includes cognitive, emotional and behavioral components: understanding the content of the message, assessing its usefulness and reliability, the level of trust or irritation, as well as the user's willingness to take specific actions such as clicking, reposting, buying, ignoring, hiding or blocking ads. Special attention is paid to the typology of user attitudes, among which the positive-pragmatic, neutral-selective, critical-repulsive and involved-communicative models of attitude to advertising are highlighted. The main factors of the formation of attitudes are considered: trust in the platform, perceived relevance of advertising content, social influence, network ratings and previous experience of interaction. It is concluded that the effectiveness of advertising on social networks is determined not only by the quality of creativity and targeting accuracy, but also by the ability of an advertising message to be perceived as an appropriate, useful and unobtrusive element of digital communication.

Key words: social media, advertising, social attitudes, digital communication, targeted advertising, user behavior, platform trust, content relevance.

Распространение социальных сетей радикально изменило способы коммуникации между брендами и пользователями, а также структуру восприятия рекламных сообщений. Если в традиционных медиа рекламное воздействие строилось преимущественно на односторонней передаче информации, то в цифровой среде реклама включена в пространство постоянного межличностного обмена, пользовательских оценок и алгоритмического отбора контента. В результате социальные установки пользователей по отношению к рекламе в социальных сетях формируются не только под влиянием содержания рекламного сообщения, но и под воздействием доверия к платформе, к источнику информации, к опыту других пользователей и к собственному прошлому опыту взаимодействия с рекламой.

Актуальность исследования определяется тем, что рекламные коммуникации в социальных сетях стали одним из наиболее массовых и вместе с тем наиболее спорных каналов продвижения.

С одной стороны, такие каналы обеспечивают высокую точность таргетирования, интерактивность и воз-

можность персонализированного обращения.

С другой стороны, пользователи нередко воспринимают рекламный контент как вмешательство в приватную цифровую среду, что усиливает критичность, избирательность и недоверие.

Проблема установок аудитории по отношению к рекламе в цифровой среде уже рассматривалась в зарубежной и отечественной литературе. Так, зарубежные авторы показывают, что доверие к рекламе в социальных сетях связано с воспринимаемой релевантностью сообщения и уровнем социальной вовлеченности пользователя [1].

В российской науке сходную мысль развивает Ю.С.Кухаренко, отмечая, что рекламное сообщение в социальных сетях воспринимается не изолированно, а через призму социальной среды, в которой оно распространяется [2].

Социальная установка в классическом понимании рассматривается как относительно устойчивая predisposition личности определенным образом воспринимать объект, оценивать его и действовать по отношению к нему [3].

В условиях социальных сетей объ-

ектом установки становится не только сама реклама, но и механизм ее появления в ленте, источник сообщения, комментарии других пользователей и контекст платформы. Следовательно, изучение рекламных установок должно учитывать не только индивидуально-психологические, но и социально-коммуникативные параметры.

Особенность социальных сетей состоит в том, что пользователь одновременно выступает потребителем контента, его интерпретатором и соучастником распространения. Это означает, что реклама в социальных сетях оценивается не в изоляции, а в процессе непрерывного сравнения с мнениями других пользователей. Как отмечает П.И.Ананченкова, цифровая медиасреда усиливает значение сетевой обратной связи, которая становится самостоятельным источником смыслов и оценок [4]. Именно поэтому анализ установок должен включать не только отношение к бренду, но и реакцию на саму форму рекламного присутствия в повседневной коммуникации.

Социальная установка в контексте рекламы представляет собой совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих predispositions пользователя к рекламному сообщению и к рекламному формату в целом. Когнитивный компонент связан с тем, как пользователь понимает содержание рекламы, насколько он считает ее полезной, достоверной и уместной. Эмоциональный компонент выражается в уровне симпатии, раздражения, доверия или недоверия. Поведенческий компонент проявляется в кликах, репостах, подписках, игнорировании, скрытии рекламы или, напротив, в совершении покупки.

В цифровой среде социальная установка формируется более быстро и ди-

намично, чем в традиционных медиа, поскольку пользователь постоянно сталкивается с повторяющимися рекламными стимулами. При этом одни и те же сообщения могут вызывать противоположные реакции в зависимости от того, насколько они соответствуют интересам аудитории. Например, реклама, воспринимаемая как полезная и персонализированная, вызывает положительную установку, тогда как чрезмерно навязчивая и неуместная реклама усиливает отрицательное отношение. Зарубежные авторы отмечают, что в социальных сетях решающее значение имеет воспринимаемая релевантность рекламного обращения, поскольку именно она определяет, будет ли сообщение воспринято как помощь или как вторжение [5].

Для анализа установок пользователей целесообразно выделить несколько устойчивых типов отношения к рекламе в социальных сетях.

Первый тип определяется как позитивно-прагматическая установка. Данная модель отношения присуща пользователям с высоким уровнем рационализации медиапотребления, которые рассматривают рекламу не как помеху, а как ценный утилитарный ресурс [6]. В рамках этой установки рекламное сообщение легитимизируется как актуальный источник прикладной информации о рыночных инновациях, программах лояльности, ценовых предпочтениях и новых товарных категориях. Пользователи данной группы демонстрируют лояльность к алгоритмам таргетирования, поскольку осознают прямую зависимость между точностью работы нейросетевых фильтров платформы и получением релевантных коммерческих предложений, сокращающих время на поиск необходимых благ.

Второй тип характеризуется как нейтрально-избирательная установка. Этот вариант отношения является наиболее массовым и отражает адаптацию аудитории к условиям информационного шума. В данном случае субъект не испытывает априорного доверия к рекламному институту, однако сохраняет открытость к восприятию сообщения при соблюдении жестких критериев «коммуникативного качества»: лаконичности, эстетической привлекательности и высокой информационной плотности. Нейтралитет здесь выступает формой защитного фильтра, который отключается лишь в ситуациях, когда реклама мимикрирует под нативный контент или предлагает мгновенную пользу, не требуя при этом значительных когнитивных усилий для декодирования смысла.

Третий тип представляет собой критически-отталкивающую установку. В ее основе лежит глубокое когнитивное сопротивление рекламному воздействию, часто переходящее в реактивное сопротивление (psychological reactance). Рекламный контент в рамках данной установки воспринимается как агрессивное вторжение в приватное цифровое пространство и нарушение границ личной коммуникации. Такое отношение детерминировано накопленным

негативным опытом столкновения с недобросовестной или избыточной рекламой, что ведет к формированию устойчивого недоверия. Поведенческие следствия данного типа варьируются от развития «баннерной слепоты» до активного применения технических средств блокировки и демонстративного игнорирования брендов-рекламодателей.

Четвертый тип определяется как вовлеченно-коммуникативная установка. Данная модель поведения является наиболее сложной и ценной для бренд-коммуникаций, так как она переводит пользователя из статуса пассивного реципиента в статус активного соучастника. При такой установке рекламное сообщение оценивается как самостоятельный объект культуры или социальный триггер, способный вызвать сильный эмоциональный резонанс. Основным драйвером здесь выступает не прагматика покупки, а стремление к социальной репрезентации через взаимодействие с контентом: обсуждение креативных решений в комментариях, участие в дискуссиях или виральное распространение сообщения в своей социальной сети. В данном случае реклама становится поводом для сетевой интеракции, что многократно усиливает ее коммуника-

Таблица 1. Типы социальных установок пользователей рекламы в социальных сетях.

Тип установки	Основная характеристика	Поведенческое проявление
Позитивно-прагматическая	Реклама воспринимается как полезный информационный ресурс	Клики, переходы, покупки
Нейтрально-избирательная	Пользователь фильтрует рекламные сообщения	Ограниченное внимание, частичное игнорирование
Критически-отталкивающая	Реклама вызывает раздражение и недоверие	Пропуск, скрытие, блокировка
Вовлеченно-коммуникативная	Реклама вызывает обсуждение и репосты	Комментарии, репосты, рекомендации

тивный охват за счет использования ресурсов доверия внутри пользовательских сообществ.

Формирование социальных установок в отношении рекламы в социальных сетях зависит от ряда взаимосвязанных факторов. Прежде всего следует выделить фактор доверия к платформе. Если социальная сеть воспринимается как безопасная, удобная и прозрачная среда, то рекламные сообщения в ней вызывают меньшее отторжение. Если же пользователь считает платформу избыточно коммерциализированной, уровень негативной установки возрастает.

Вторым фактором выступает воспринимаемая релевантность контента. Чем точнее реклама соответствует интересам пользователя, тем выше вероятность ее позитивного восприятия. Однако если персонализация становится чрезмерно заметной, она может вызывать эффект «цифрового наблюдения», усиливая тревожность и сопротивление.

Третьим фактором является социальное влияние. Пользователь оценивает не только саму рекламу, но и реакцию других людей на нее. Комментарии, лайки, дискуссии и отзывы формируют вторичный слой восприятия. В этом смысле реклама в социальных сетях становится не только коммерческим сообщением, но и социальным событием. Именно поэтому негативные отзывы способны существенно ослабить эффективность рекламной кампании даже при высоком качестве визуального оформления.

Четвертым фактором следует считать опыт предыдущего взаимодействия. Если реклама ранее приводила к удовлетворяющим результатам, у пользователя формируется положительная установка. Если же рекламируемый

товар не соответствовал ожиданиям, то даже технически качественное сообщение будет встречено с недоверием. Таким образом, установки обладают инерцией, и изменить их можно лишь при систематической и последовательной коммуникации.

Социальные установки пользователей находят выражение в конкретных формах поведения. Наиболее очевидным следствием положительной установки является рекламная вовлеченность: переход по ссылке, подписка, сохранение публикации, запрос дополнительной информации. Негативная установка, напротив, ведет к игнорированию, скрытию рекламы, снижению охвата и формированию устойчивого сопротивления.

Важной особенностью социальных сетей является то, что поведенческая реакция часто становится публичной. Пользователь не просто смотрит рекламу, а комментирует ее, оценивает и транслирует собственное отношение в публичное пространство. Таким образом, индивидуальная установка приобретает социальное измерение и начинает влиять на установки других. В результате реклама в социальных сетях функционирует как многоуровневый коммуникативный процесс, где взаимодействуют бренд, алгоритм, пользователь и сеть его контактов.

Следует также отметить, что рекламная установка может быть ситуативной. Один и тот же пользователь может положительно реагировать на рекламу в одном контексте и отрицательно – в другом. Например, рекламное сообщение о скидке на востребованный товар может вызвать интерес, тогда как реклама того же бренда в момент информационной перегрузки будет проигнорирована. Это подтверждает, что установки нельзя рассматривать

Таблица 2. Связь установок и поведения пользователей.

Социальная установка	Эмоциональный фон	Вероятное поведение
Положительная	Интерес, доверие	Клик, покупка, рекомендация
Условно-нейтральная	Равнодушие, избирательность	Быстрое пролистывание
Отрицательная	Раздражение, недоверие	Скрытие, блокировка рекламы
Амбивалентная	Одновременный интерес и сомнение	Отложенное решение

как полностью статичное образование; они зависят от контекста, времени и формы подачи.

На основе анализа источников и логического обобщения можно утверждать, что социальные установки пользователей рекламы в социальных сетях формируются на пересечении трех уровней: индивидуально-психологического, социально-коммуникативного и платформенного. Индивидуально-психологический уровень задает базовую восприимчивость пользователя к рекламному сообщению. Социально-коммуникативный уровень определяет влияние сетевого окружения, отзывов и обсуждений. Платформенный уровень задается алгоритмами показа рекламы, интерфейсом, частотой повторения и степенью персонализации.

Из этого следует, что эффективность рекламы в социальных сетях зависит не только от креатива или бюджета, но и от способности бренда встроиться в логику цифрового поведения пользователя. Реклама должна восприниматься не как насильственное вторжение, а как релевантный элемент информационного потока. Именно в этом случае возможно формирование устойчивой позитивной установки.

Практически важным является и то, что пользователи высоко ценят прозрачность и уместность. Если реклама соответствует их интересам, подается ненавязчиво и не нарушает ощущение контроля над собственным контент-

ным пространством, уровень принятия возрастает. Следовательно, социальная установка может быть улучшена за счет корректной сегментации аудитории, ограничения частоты показов и повышения полезности рекламного сообщения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что социальные установки пользователей по отношению к рекламе в социальных сетях представляют собой сложное многокомпонентное образование, включающее когнитивные, эмоциональные и поведенческие элементы. Пользователь оценивает не только содержание рекламного сообщения, но и источник его распространения, механизм появления рекламы в ленте, реакцию других участников сети, а также собственный прошлый опыт взаимодействия с аналогичными сообщениями.

В условиях социальных сетей реклама перестает быть исключительно односторонним коммерческим сообщением. Она включается в пространство повседневной цифровой коммуникации, где пользователь выступает не только получателем информации, но и ее интерпретатором, критиком, распространителем или инициатором обсуждения. Именно поэтому отношение к рекламе формируется не только индивидуально, но и социально: через комментарии, лайки, отзывы, репосты, мнения значимых пользователей и общий уровень доверия к платформе.

В работе выделены основные типы социальных установок пользователей: позитивно-прагматическая, нейтрально-избирательная, критически-отталкивающая и вовлеченно-коммуникативная. Каждая из них отражает определенный способ восприятия рекламы и проявляется в конкретных формах поведения: кликах, покупках, частичном игнорировании, скрывании, блокировке, комментариях, репостах или рекомендациях. Это подтверждает, что социальная установка имеет не только внутренних, но и внешне наблюдаемый поведенческий результат.

Особое значение имеют факторы, влияющие на формирование установок. К ним относятся доверие к платформе, релевантность рекламного сообщения, социальное влияние и предыдущий опыт взаимодействия с рекламой. Если реклама воспринимается как полезная, уместная и ненавязчивая, вероятность формирования положительной установки возрастает. Напротив, чрезмерная персонализация, высокая частота показов, навязчивость и негативный опыт усиливают раздражение, недоверие и стремление пользователя ограничить рекламное воздействие.

Таким образом, эффективность рекламы в социальных сетях определяется не только техническими возможностями таргетинга, рекламным бюджетом или визуальным оформлением сообщения. Более значимым становится качество встроенности рекламы в цифровое поведение пользователя и социальный контекст платформы. Рекламное сообщение должно восприниматься не как вторжение в личное медиапространство, а как релевантный и приемлемый элемент информационного потока.

Практическое значение получен-

ных выводов состоит в том, что рекламодателям необходимо учитывать не только количественные показатели охвата, показов и кликов, но и характер социальных установок аудитории. Для повышения эффективности рекламных коммуникаций целесообразно использовать корректную сегментацию, ограничивать навязчивость показов, усиливать полезность сообщения, учитывать социальные реакции пользователей и поддерживать доверие к бренду и платформе. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение влияния алгоритмов социальных сетей, уровня медиаграмотности и различных возрастных групп пользователей на формирование устойчивых установок к цифровой рекламе.

Список литературы

1. Phan-Nhu-Ngoc Nguyen, Danh-Ha-Thai Nguyen, Thi-Xuan-Hanh Vo. The impact of Social Media Advertising on Attitude towards Social Media Advertising and Product Purchase Intention. *Asian Journal of Business and Management* (ISSN: 2321 - 2802) Volume 10- Issue 2, April 2022.
2. Кухаренко, Ю. С. Особенности распространения рекламных сообщений в социальных сетях (на примере социальной сети «ВКонтакте») / Ю.С. Кухаренко // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. – № 1 (27). – С. 171-177. – EDN YSSOHZ.
3. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. – Vol. 50. – № 2. – P. 179-211.
4. Ананченкова П.И. Старость и трансформации коммуникационных практик в цифровую эпоху / П.И. Ананченкова // Миссия конфессий. 2025. – Т. 14. – № 5(86). – С. 111-120. – EDN PNDVXV.
5. Bin Li & Shimin Yin (2020): How perceived control affects advertising avoidance intention in a skippable advertising context: a moderated mediation model, *Chinese Journal of Communication*. – DOI: 10.1080/17544750.2020.1776743
6. Ananchenkova P.I., Tonkonog V.V. Theoretical and methodological aspects of human capital research // *Labour and Social Relations Journal*. 2023. – Т. 34. – № 1. – С. 116-123.
7. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. – № 50. – С. 111-117.

References

1. Phan-Nhu-Ngoc Nguyen, Danh-Ha-Thai Nguyen, Thi-Xuan-Hanh Vo. The impact of social media

advertising on attitude towards social media advertising and product purchase intention. *Asian Journal of Business and Management* (ISSN: 2321 - 2802) Volume 10– Issue 2, April 2022.

2. Kukharensko, Yu. S. Features of advertising message distribution in social networks (using the VKontakte social network as an example) / Yu. S. Kukharensko // *Sign: a problematic field of media education*. 2018. – № 1 (27). – P. 171-177. – EDN YSSOHZ.

3. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. – Vol. 50. – № 2. – P. 179-211.

4. Ananchenkova P.I. Old Age and the Transformation of Communication Practices in the Digital Age / P.I. Ananchenkova // *Mission of Confessions*. 2025. – Vol. 14. – № 5(86). – P. 111-120. – EDN PNDVXV.

5. Bin Li & Shimin Yin (2020): How Perceived Control Affects Advertising Avoidance Intention in a Skippable Advertising Context: A Moderated Mediation Model, *Chinese Journal of Communication*. – DOI: 10.1080/17544750.2020.1776743

6. Ananchenkova P.I., Tonkonog V.V. Theoretical and Methodological Aspects of Human Capital Research // *Labor and Social Relations Journal*. 2023. – Vol. 34. – № 1. – P. 116-123.

7. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // *Almanac "Crimea"*. 2025. – № 50. – P. 111-117.

Пархоменко А.А.

Аспирант кафедры социологии. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.
ResearcherID: OVZ-9863-2025

Социологический анализ социальной инфраструктуры в контексте регионального развития (теоретический аспект)*

Аннотация. Статья посвящена концептуализации социологических подходов к аналитике регионального развития. Научная проблема заключается в поиске социологических показателей формирования и развития региональной инфраструктуры на основе соответствующей концептуализации. Рассмотрены социальный, экономический, институциональный аспекты управленческих решений относительно регионального развития в целом и развития социальной инфраструктуры региона, в частности. Региональное развитие трактуется как многоаспектный процесс, ключевой целью и критерием успешности которого выступает повышение качества жизни населения, что неразрывно связано с состоянием, доступностью и качеством социальных благ, предоставляемых через систему региональной социальной инфраструктуры. Под социальной инфраструктурой предлагается понимать гибридную, многоуровневую систему материально-вещественных объектов и цифровых платформ, обеспечивающую производство и распределение социальных благ с целью повышения качества жизни населения. Автором показано, что функционирование этой системы определяется диалектическим единством процессов экстенсивного роста, физического износа и цифровой трансформации, порождающей как новые возможности, так и риски социального неравенства. Концептуализация социологических подходов реализована автором с позиции методологического плюрализма. Показана эвристическая ценность функционализма, конфликтологии, теории социального капитала, институционального и системного анализа в плане социологического понимания регионального развития и социальной инфраструктуры в частности. Предложена многомерная исследовательская рамка, где каждый подход компенсирует «слепые зоны» предыдущего. Доказано, что в современных условиях, характеризующихся ускорением социальных изменений и цифровизацией, управление региональным развитием требует дальнейшего теоретического осмысления и эмпирического исследования.

Ключевые слова: региональное развитие, социальная инфраструктура региона, социология управления.

Parkhomenko A.A.

Postgraduate student in the Department of Sociology. Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba. Researcher ID: OVZ-9863-2025

Sociological analysis of social infrastructure in the context of regional development (theoretical aspect)

Abstract. The article is devoted to the conceptualization of sociological approaches to regional development. At the same time, the scientific problem is determined by the need to search for new knowledge regarding the sociological indicators of the formation and development of regional

* © Пархоменко А.А., 2026.

Социологический анализ социальной инфраструктуры в контексте регионального развития (теоретический аспект)

infrastructure, as well as the corresponding conceptualization of existing sociological approaches to the analysis of regional development. The social, economic and institutional aspects of management decisions regarding regional development in general and the development of social infrastructure in particular are considered. Regional development is interpreted as a multifaceted process, the key goal and criterion of success of which is improving the quality of life of the population, which is inextricably linked with the condition, availability and quality of social benefits provided through the social infrastructure system. Social infrastructure is proposed to be understood as a hybrid, multi-level system of material objects and digital platforms that ensures the production and distribution of social benefits in order to improve the quality of life of the population.

The author shows that the functioning of this system is determined by the dialectical unity of the processes of extensive growth, physical deterioration and digital transformation, which generates both new opportunities and risks of social inequality. The conceptualization of sociological approaches is implemented by the author from the position of methodological pluralism. The heuristic value of functionalism, conflictology, social capital theory, institutional and systemic analysis in terms of sociological understanding of regional development and social infrastructure in particular is shown. A multidimensional research framework is proposed, where each approach compensates for the "blind spots" of the previous one. It has been proven that in modern conditions, characterized by the acceleration of social change and digitalization, the management of regional development requires further theoretical understanding and empirical research.

Key words: regional development, regional social infrastructure, sociology of management.

Актуальность исследования. В условиях глобальных трансформаций, вызванных цифровизацией, изменениями на мировом рынке и постоянными структурными сдвигами в государственном управлении, эффективное функционирование институтов управления становится ключевым фактором повышения конкурентоспособности и устойчивого развития территориальных образований. Особую важность приобретает изучение влияния управленческих процессов на формирование и трансформацию социальной инфраструктуры региона, включающей образование, здравоохранение, культуру, спорт, социальную защиту и другие сферы общественной жизни.

Введение

Актуальность исследования продиктована двумя основными факторами.

Во-первых, современное состояние социальной инфраструктуры регионов требует пересмотра традиционных мо-

делей управления в связи с появлением новых социальных и экономических вызовов. В эпоху информационных технологий, глобализации и интеграционных процессов традиционные институты управления зачастую оказываются не в состоянии адекватно реагировать на быстро меняющуюся ситуацию.

Во-вторых, государственная политика РФ в области регионального развития, реализуемая, в частности, в рамках национальных проектов и стратегических программ, направленная на модернизацию управленческих структур, улучшение качества предоставляемых услуг и повышение уровня жизни населения, не всегда учитывает специфику самих регионов. Как отмечал А.В. Тихонов, «отечественные дискуссии не связывают социально-культурные различия между регионами с механизмами своевременного реформирования властно-управленческих функций» [Тихонов А.В, 2018, с. 74].

Очевидно, что на фоне динамичных изменений в мировой практике и нако-

пленного отечественного опыта, изучение и адаптация зарубежных моделей управления региональными системами становится необходимым условием для повышения конкурентоспособности российских регионов.

Объектом исследования является региональное развитие.

Предметом – концептуализация развития социальной инфраструктуры региона в работах зарубежных и отечественных исследователей.

Научная проблема определяется необходимостью поиска нового знания относительно социологических показателей формирования и развития региональной инфраструктуры, а также концептуализации социологических подходов к аналитике регионального развития. Показательно, что в докладе проф. В.В. Маркина (ИС ФНИСЦ РАН) было обозначено противоречие между сложившейся практикой проведения социологических исследований в интересах региональных органов власти и необходимостью встраивания их результатов в общий контекст развития социологической науки [Маркин, Харченко, 2021, с. 149].

Основное содержание

В современной социологии управления региональное развитие трактуется как многоаспектный процесс, выходящий за рамки узко экономических показателей. Ключевой целью и критерием успешности регионального развития выступает повышение качества жизни населения, что неразрывно связано с состоянием, доступностью и качеством социальных благ, предоставляемых через систему социальной инфраструктуры.

Само теоретическое осмысление социальной инфраструктуры берет начало в классической социологии. Герберт Спенсер подразумевал под ней аналог

обеспечивающих систем «социального организма», необходимых для его эволюции [Спенсер, 1876, с. 45-67]. Толкотт Парсонс в рамках своей AGIL-схемы, по сути, отводил социальной инфраструктуре функции адаптации и интеграции общества, подчеркивая ее системную, территориально локализованную роль [Парсонс, 1951, с. 26-36]. Отечественная социологическая традиция, по сути, сместила акцент с обслуживания производства на удовлетворение потребностей человека, определив социальную инфраструктуру как совокупность элементов, создающих условия для комфортной жизнедеятельности и всестороннего развития личности [Тощенко Ж.Т., 1980, с. 12-25].

Однако, на наш взгляд, эти фундаментальные подходы, разработанные до цифровой эпохи, обнаруживают определенное методологическое «белое пятно»: они не учитывают двойственную природу современных технологий. Цифровизация, с одной стороны, снимает географические барьеры, а с другой – порождает новые, нетерриториальные формы неравенства. Как справедливо отмечает Н.В. Зубаревич, устаревшая физическая инфраструктура сама по себе выступает барьером на пути выравнивания регионального развития, особенно в периоды кризисов [Зубаревич Н.В., 2017, с. 15-28]. Этот тезис дополняется концепцией «капитализма надзора» Ш. Зубофф, согласно которой технологии не только соединяют, но и усиливают контроль и социальную сегрегацию, консервируя депривацию уязвимых групп [Зубофф, 2019, с. 100-120].

Анализ существующих подходов к определению социальной инфраструктуры региона, позволяет понимать под ней гибридную, многоуровневую систему материально-вещественных объек-

тов и цифровых платформ, обеспечивающая производство и распределение социальных благ с целью повышения качества жизни населения. Функционирование этой системы определяется диалектическим единством процессов экстенсивного роста, физического износа и цифровой трансформации, порождающей как новые возможности, так и риски социального неравенства.

Социология управления рассматривает проблемы управляемости социальных процессов, а также соотношение сознательных спонтанных факторов, влияющих на них. В этой связи динамика социальной инфраструктуры не является результатом только спонтанных экономических процессов или технологических инноваций, а представляет собой продукт целенаправленных действий органов власти на различных уровнях.

Таким образом, региональное развитие через призму динамических изменений социальной инфраструктуры предстает как диалектический процесс, где экстенсивное строительство соседствует с физическим распадом, а цифровая трансформация одновременно открывает новые возможности и углубляет социальные разрывы.

Говоря о роли управленческих решений как основного механизма, определяющего формирование и трансформацию региональной инфраструктуры, можно отметить, что в классической теории управления, начиная с работ Анри Файоля, процесс принятия решений рассматривался как рациональная последовательность этапов: планирование, организация, координация и контроль [Файоль, А. 1916, с. 13]. Однако современные исследования, учитывающие сложность публичной сферы, демонстрируют ограниченность этой модели, подчеркивая влияние когни-

тивных ограничений, институциональных барьеров и социальных конфликтов. В частности, Герберт Саймон ввел понятие «ограниченной рациональности», согласно которому акторы не располагают полной информацией, их когнитивные способности ограничены, и они склонны выбирать не оптимальный, а удовлетворительный вариант («satisficing») [Саймон, Г. А. 2009, с. 55].

Это особенно проявляется в региональном управлении, где информация о состоянии социальной инфраструктуры часто фрагментарна, а решения принимаются под давлением временных ограничений и политических приоритетов. Отечественная школа социологии управления, в частности работы А.И. Пригожина, дополняет эти подходы концепцией «управленческих патологий» – устойчивых дисфункций организаций, которые становятся частью их культуры и воспроизводятся неформально. К таким патологиям относятся приоритет личной лояльности над компетентностью, демонстративное управление (работа на отчетность) и конфликт средств и целей, когда формальное соблюдение процедур важнее реального результата [Пригожин, А. 2003, с. 130]. В контексте регионального развития эти патологии проявляются в выборе имиджевых проектов (например, строительство крупного культурного центра) вместо решения насущных проблем, таких как ремонт сельских школ, что искажает цели устойчивого развития.

Рассмотрим основные аспекты управленческих решений по сферам жизнедеятельности региона на примере Башкортостана.

Социальный аспект управленческих решений заключается в их влиянии на распределение общественных благ и жизненных шансов, определяя

уровень социальной стратификации и неравенства региона. В отличие от экономических моделей, фокусирующихся на эффективности, социологический подход подчеркивает, что инфраструктура – это инструмент социальной интеграции или, напротив, сегрегации.

Рассмотрим, в частности, проблему территориального неравенства на примере Республики Башкортостан: разрыв в доходах между городом и селом составляет 33,8 тыс. руб. против 17,6 тыс. руб. (по данным выборочного обследования бюджетов домохозяйств за 2022 г., Росстат). За этим стоит неравенство в доступе к образованию, медицине и культуре. Управленческие решения, концентрирующие ресурсы в столице (агломерационный эффект), рациональны экономически, но консервируют депривацию периферии, что можно анализировать через призму конфликта Р. Дарендорфа: общество как арена борьбы за дефицитные ресурсы.

В этой связи, для повышения управляемости региона в контексте преодоления последствий социального неравенства необходимо взаимодействие региональной власти с населением на уровнях партнёрства и гражданского самоуправления, в процессе которого решение практических задач по реализации стратегического развития региона, преодолению социальных последствий неравенства и т.д. выражается в делегировании обществу части полномочий, анализе и поддержке инициатив гражданского населения [Савельев И.А., 2023, с. 182].

Экономический аспект управленческих решений в рамках регионального развития фокусируется на создании стимулов для инвестиций, поскольку бюджетное финансирование ограничено. Одним из вариантов здесь являет-

ся привлечение частных средств через государственно-частное партнерство (ГЧП). Удачным примером этого может считаться создание ОЭЗ «Алга» в Башкортостане. Это пример того, как налоговые преференции могут стимулировать рост, перекладывая часть расходов на резидентов. Это решает двойную задачу: экономический импульс и развитие самой региональной инфраструктуры.

Институциональный аспект. Данный аспект, по Дугласу Норту, определяет «правила игры», формируя траекторию развития [Норт, Д.К., 1990, с. 5]. Для региональной системы управления формальными институтами является, в первую очередь, региональное законодательство, задающее приоритеты развитию региона: (Закон о государственно-частном партнерстве), стратегии («Стратегия социально-экономического развития РБ до 2030 года»). В то же время региональная система управления имеет дело и с неформальными институтами: традиции лоббирования, клиентелизм и пр. Последствия взаимодействия граждан в этих сферах объективно искажают официальные приоритеты и цели. Мы являемся свидетелями введения новых форм взаимодействия власти и населения, в частности платформы «Госуслуг». Эти платформы, с одной стороны, повышают прозрачность взаимодействий и принятия решений, но требуют адаптации населения к новым нормам.

В конечном счете, подобные процессы могут сопровождаться улучшением норм взаимодействия власти и населения. Во многом это определяется управленческим профессионализмом и потенциалом регионального управленческого аппарата, а также степенью согласованности его деятельности с федеральными стратегиями и програм-

мами. Сами же реализация управленческих решений в контексте управления региональным развитием как правило осуществляется институциональными и директивными методами [Щелоков, 2021, с. 42]. Отдельным фактором также является федеративное устройство России, предполагающее приоритет общенациональных интересов над региональными и соотносением их друг с другом для увязывания в единую систему внутригосударственных интересов.

Переходя, собственно, к концептуализации социологических подходов, на наш взгляд, стоит отметить, что ни одна из классических теорий социологии не способна в одиночку охватить все аспекты этого феномена. Одним из оснований современного социологического подхода к пониманию регионального развития может быть принцип методологического плюрализма, предполагающий синтез подходов. Этот принцип, получивший признание в современной социальной теории, подразумевает диалог и конкуренцию парадигм, где продуктивные insights возникают на их стыке [Ритцер, 2002, с. 685].

Выбор пяти ключевых подходов: функционализма, конфликтологии, теории социального капитала, институционального и системного анализа продиктован стремлением создать многомерную рамку, где каждый подход компенсирует «слепые зоны» предыдущего.

Функционализм определяет цели и назначение системы. Опираясь на органическую аналогию Герберта Спенсера и AGIL-схему Талкотта Парсонса, он рассматривает общество как систему, стремящуюся к равновесию, где социальная инфраструктура обеспечивает адаптацию (A), целедостижение (G), интеграцию (I) и латентность (L). Ро-

берт Мертон дополняет понятиями явных/латентных функций и дисфункций.

В контексте социологии управления региональным развитием эта парадигма позволяет интерпретировать социальную инфраструктуру не как статичный набор объектов, а как динамичный механизм, обеспечивающий адаптацию общества к внешним изменениям и внутреннюю интеграцию. Сама же социальная инфраструктура распределяется по подсистемам: здравоохранение – адаптация и интеграция, образование – латентность. Социальная инфраструктура эволюционирует под влиянием цифровизации, что требует переосмысления классических функций в гибридной реальности.

Однако несмотря на объяснительный потенциал, функционализм часто подвергается критике за консерватизм и игнорирование конфликтов. Фокус на стабильности представляет изменения как «дисфункции», оправдывая статус-кво и плохо объясняя революции или инновации.

Конфликтологический подход вскрывает механизмы власти и неравенства, дополняя функционализм. От марксистской классовой борьбы к веберовской многомерной стратификации и дарендорфовским конфликтам в ассоциациях, он видит общество как арену борьбы. В Башкортостане это объясняет концентрацию ресурсов в Уфе, консервирующую депривацию села.

Конфликтологическая оптика своеобразно переосмысливает процессы в Республике Башкортостан: то, что функционализм видит как «дисфункцию», конфликтология – результат борьбы за ресурсы и власть.

Центр против периферии – это ключевой конфликт территориальных интересов. Разрыв в доходах (33,8 тыс. руб. в Уфе против 17,6 тыс. руб. на селе,

Росстат, 2022) – не дисбаланс, а итог доминирования столичной агломерации. Городские элиты, обладая политическим и медийным ресурсом, лоббируют инвестиции в Уфу: высокотехнологичные центры и элитные школы консервируют депривацию периферии (данные Министерства экономического развития РБ, 2023, показывают разрыв в доступе к образованию ~25%). Это иллюстрирует дарендорфовский конфликт управляющих (региональная власть) и управляемых (сельские жители), где инфраструктура – инструмент доминирования.

Теория конфликта мощна в критике, но имеет ограничения: гипертрофия борьбы недооценивает кооперацию и консенсус (успешные ГЧП в Башкортостане трудно объяснить только через призму конфликта).

Остановимся на теории социального капитала, анализирующей «мягкие» факторы эффективности. По сути, от Бурдье (ресурсы сетей) к Коулману (структура отношений) и Патнэму (bonding/bridging капитал), она фокусируется на доверии и нормах.

Если конфликтология объясняет, почему в регионах с похожим неравенством возникают диспропорции, то теория социального капитала раскрывает, благодаря чему одни системы управления оказываются эффективнее других. В рамках данного подхода социальная инфраструктура понимается как гибридная система, где цифровизация трансформирует доступность; теория социального капитала позволяет понять, как доверие влияет на ее использование и развитие.

Теория социального капитала анализирует «мягкие» факторы эффективности: от Бурдье (ресурсы сетей) к Коулману (структура отношений) и Патнэму (bonding/bridging капитал),

она фокусируется на доверии и нормах [Патнэм, Р. 1993, с. 190].

Эта теория позволяет анализировать управление социальной инфраструктурой в Башкортостане через призму неформальных факторов, дополняя конфликтологический взгляд на борьбу элит.

В контексте социологии управления региональным развитием социальный капитал выступает как невидимый актив, заключенный в сетях отношений, нормах взаимности и доверии, который усиливает или ослабляет формальные институты. Если мы признаем под социальной инфраструктурой гибридную систему, где цифровизация трансформирует доступность, то теория социального капитала позволяет понять, как доверие влияет на ее использование и развитие.

На наш взгляд, данный подход незаменим для неформальной «ткани» общества, но требует дополнения институциональным анализом правил и адаптации к цифровым сетям.

Продолжая синтез теоретических подходов, где теория социального капитала осветила роль неформальных сетей и доверия в преодолении конфликтов, институциональный анализ предоставляет структурно-регулятивное измерение, фокусируясь на «правилах игры», которые формируют поведение акторов.

Если социальный капитал объясняет эффективность через мягкие факторы, то институционализм раскрывает, по каким формальным и неформальным нормам функционирует система управления. Этот подход позволяет понять, как правила распределения ресурсов определяют траекторию социальной инфраструктуры, включая ее цифровую трансформацию.

Конфликт институциональных по-

рядков можно считать центральной проблемой в рамках подхода: формальные правила (законы о ГЧП, «Стратегия развития РБ до 2030 года») ориентированы на инновации и равенство, но неформальные (унаследованные от советской системы: ручное управление, клановость) воспроизводят дисфункции.

Разрыв между формальными и неформальными институтами является здесь ключевым: так, например, тенденции на строительство школ формально открыты, но неформальные практики (лоббирование) предопределяют исходы [Зубаревич Н.В. 2020, с. 15-28]. Можно увидеть, на примере различных регионов, как цифровая трансформация (телемедицина) меняет правила доступа к услугам широких слоев, но неформальные барьеры (цифровой разрыв) сохраняют неравенство. Институционализм объясняет устойчивость этих разрывов, но для динамического моделирования требуется системный анализ.

Наконец, системный анализ моделирует сложность и динамику. От Берталанфи (общая теория систем) к Винеру (кибернетика, обратная связь) и Сенге (архетипы), он видит нелинейные связи.

Если институционализм фокусируется на статичных структурах, то системный анализ отвечает на вопрос «как все связано?», рассматривая региональное развитие как открытую систему с нелинейными взаимосвязями, входами, выходами и петлями обратной связи.

Системный подход представляет управление инфраструктурой как процесс в открытой системе, обменивающейся с внешней средой (федеральные трансферты, глобальные технологии) и внутренней динамикой.

Выводы

Нам представляется, что возможный синтез проанализированных нами социологических подходов к пониманию регионального развития создает объемную рамку: функционализм – цели, конфликтология – противоречия, социальный капитал – связи, институционализм – правила, системный анализ – динамика. Однако общим «ограничением» рассмотренной методологии является доцифровая эпоха разработки, неспособность анализировать Big Data, ИИ, цифровой разрыв.

Эта интеграция дает полную картину: цели (функционализм) искажаются интересами (конфликтология), смягчаются связями (социальный капитал), регулируются правилами (институционализм) и эволюционируют в динамике (системный анализ).

Такая рамка, апробированная на примере, подтверждает эвристический потенциал синтеза для анализа региональных процессов в Башкортостане, где экстенсивный рост (строительство объектов) соседствует с дисфункциями (износ 40–50%, данные Министерства экономического развития РБ, 2023). Однако ее применение выявляет общее ограничение, требующее перехода к «цифровому вызову».

Таким образом, концептуализация социологических подходов регионального развития с позиции методологического плюрализма позволяет понимать под ним многоаспектный, диалектический процесс, ориентированный на повышение качества жизни населения через формирование и трансформацию социальной инфраструктуры.

Синтез пяти теоретических подходов: функционализма (определение целей системы), конфликтологии (механизмы власти и неравенства), теории социального капитала (роль доверия и

сетей), институционализма (правила игры) и системного анализа (динамика взаимосвязей), позволяет создать многомерную аналитическую рамку, компенсирующую ограничения отдельных парадигм. В современных условиях, характеризующихся ускорением социальных изменений и цифровизацией, управление региональным развитием требует дальнейшего теоретического осмысления, выходящего за рамки традиционных экономических подходов.

Список литературы

1. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики, 2020. – С. 15-28.
2. Зубаревич Н.В. Мир новой экономики, 2017. – Вып. 2. – С. 46-57.
3. Зубофф III. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power: Barack Obama's Books of 2019. – С. 100-120.
4. Маркин В.В., Харченко К.В. Социология регионального управления vs социология в региональном управлении: по материалам круглого стола // Социологические исследования. 2021. – № 9. – С. 149-150. – DOI: 10.31857/S013216250015530-6
5. Норт Д.К. «Government and the Cost of Exchange». Journal of Economic History, № 44. С. 255-264.
6. Парсонс Т. The Social System, 1951. – С. 26-36.
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии, 1993. – С. 187-204.
8. Пригожин А.И. Методы развития организаций, 2003. – С. 120-145.
9. Ритцер Дж. Современные социологические теории, 2002. – С. 680-695.
10. Савельев И.А. Управление регионом в контексте преодоления негативных последствий неравенств по данным контент-анализа сайтов // Научный результат. Социология и управление. 2023. – № 3. – С. 168-185.
11. Саймон Г. Административное поведение: Исследование процессов принятия решений в административных организациях, 2009. – С. 54-81.
12. Спенсер Г. The Principles of Sociology, 1876. – 796 p.
13. Тихонов А.В. Реформирование властно-управленческой вертикали как актуальная научно-исследовательская и практическая проблема // Социологическая наука и социальная практика 2018. – Вып. 4 (28). – С. 72-83.
14. Тощенко Ж.Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития, 1980. – С. 12-25.
15. Файоль А. Общее и промышленное управление, 1916. – С. 12-25.
16. Щелоков Д.В. Особенности социального управления российскими региональными процессами в современную цифровую эпоху Цифровая социология. 2021. – Т. 4. – Вып. 4. – С. 40-49.

References

1. Zubarevich N.V. "Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy", 2020. – P. 15-28.
2. Zubarevich, N.V. "The World of the New Economy," 2017. – Issue 2. – P. 46-57.
3. Zuboff S. "The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power: Barack Obama's Books of 2019", – P. 100-120.
4. Markin V.V., Kharchenko K.V. "Sociology of Regional Governance vs. Sociology in Regional Governance: Based on the Roundtable Discussion," in: Sociological Studies, 2021. – № 9. – P. 149-150. DOI: 10.31857/S013216250015530-6
5. North D.K. "Government and the Cost of Exchange." Journal of Economic History, № 44. – P. 255-264.
6. Parsons T. The Social System, 1951. – P. 26-36.
7. Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy, 1993. – P. 187-204.
8. Prigogine A.I. Methods of Organization Development, 2003. – P. 120-145.
9. Ritzer J. Modern Sociological Theories, 2002. – P. 680-695.
10. Savelyev I.A. Regional Management in the Context of Overcoming the Negative Consequences of Inequalities Based on Website Content Analysis // Scientific Result. Sociology and Management, 2023. – № 3. – P. 168-185.
11. Simon G. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations, 2009. – P. 54-81.
12. Spencer G. The Principles of Sociology, 1876. – P. 796.
13. Tikhonov A.V. Reforming the Vertical of Power as a Current Research and Practical Problem // Sociological Science and Social Practice, 2018. – Issue 4 (28). – P. 72-83.
14. Toshchenko Z.T. Social Infrastructure: Essence and Paths of Development, 1980. – P. 12-25.
15. Fayol A. General and Industrial Management, 1916. – P. 12-25.
16. Shchelokov D.V. Features of Social Management of Russian Regional Processes in the Modern Digital Age. Digital Sociology. 2021. – Vol. 4. – Issue 4. – P. 40-49.

Разгуляева Т.А.

Аспирант. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, преподаватель Академии.

Клиентоцентричность и цифровизация в системе кадрового обеспечения государственной службы*

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь клиентоцентричности и цифровизации как одних из ключевых факторов повышения эффективности кадрового обеспечения государственной службы. Автор обосновывает, что клиентоцентричный подход в отношении внутренних клиентов – государственных служащих – выступает не только стратегическим ориентиром, но и действенным механизмом решения актуальных кадровых проблем: удержания персонала, повышения мотивации и лояльности, преодоления кадрового дефицита. Цифровизация кадровых процессов рассматривается как инструментальная основа реализации клиентоцентричного подхода.

Ключевые слова: государственная служба, кадровое обеспечение, клиентоцентричность, цифровизация, управление персоналом, внутренний клиент, цифровая трансформация, компетенции государственных служащих.

Razguliaeva T.A.

Postgraduate student. Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, lecturer at the Academy.

Client-centricity and digitalization in the civil service human resource management

Abstract. The article examines the relationship between customer-centricity and digitalization as one of key factors in improving the efficiency of human resource management in the civil service. The author argues that a customer-centric approach towards internal clients – civil servants – serves not only as a strategic guideline but also as an effective mechanism for addressing current personnel challenges: staff retention, increasing motivation and loyalty, and overcoming personnel shortages. Digitalization of HR processes is considered as the instrumental basis for implementing the customer-centric approach.

Key words: civil service, human resource management, customer-centricity, digitalization, personnel management, internal client, digital transformation, competencies of civil servants.

Введение

Современное государственное управление сталкивается с комплексом вызовов, среди которых ключевыми являются кадровый дефицит, старение

кадрового состава и низкая конкурентоспособность государственной службы на рынке труда. В условиях, когда государство выступает одним из крупнейших работодателей, вопросы при-

* © Разгуляева Т.А., 2026.

Клиентоцентричность и цифровизация в системе кадрового обеспечения государственной службы

влечения, удержания и профессионального развития персонала приобретают стратегическое значение.

В рамках концепции нового государственного администрирования к числу его основных принципов относят клиентоориентированность и интеграцию современных технологий [1]. Следует отметить, что интерес к клиентоцентричности в государственном управлении в России получил институциональное оформление с запуском в 2021 году федерального проекта «Государство для людей» (первоначальное название – «Клиентоцентричность»), вошедшего в перечень 42 инициатив социально-экономического развития России до 2030 года. В 2023 году Минтрудом России была утверждена Методика оценки уровня клиентоцентричности кадровой работы государственных органов, в которой внутренний клиент кадровой службы определяется как «руководитель, государственный служащий, работник государственного органа». Это создало нормативно-правовую основу для внедрения клиентоцентричного подхода в кадровую работу.

Одним из наиболее перспективных подходов к решению кадровых проблем представляется развитие клиентоцентричности в системе кадрового обеспечения государственной службы, рассматриваемой в неразрывной связи с цифровизацией управленческих процессов.

Клиентоцентричность, понимаемая как ориентация всех управленческих решений на удовлетворение потребностей и интересов конечных пользователей, в контексте государственной службы имеет двойственную природу. С одной стороны, она направлена на внешних клиентов – граждан и организации, получающих государственные услуги. С другой стороны, она обра-

щена к внутренним клиентам – самим государственным служащим, чья эффективность и лояльность напрямую определяют качество взаимодействия государства с обществом.

Цель данной статьи – обосновать взаимосвязь клиентоцентричности и цифровизации как факторов, определяющих эффективность кадрового обеспечения государственной службы. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1) анализ теоретических подходов к клиентоцентричности как управленческому императиву в государственной службе;

2) выявление возможностей применения клиентоцентричного подхода на всех этапах «жизненного» цикла сотрудника;

3) обоснование роли цифровизации как инструментальной основы реализации клиентоцентричности;

4) обобщение отечественной практики внедрения клиентоцентричности в кадровые процессы.

Клиентоцентричность как новый управленческий императив в государственной службе

Внедрение клиентоцентричности в систему государственного управления – это сегодня не просто актуальный нарратив, а системный подход к организации деятельности государственных органов, при котором в центре внимания находится человек с его потребностями и ожиданиями. В рамках федерального проекта «Государство для людей» клиентоцентричность определяется как «концепция государственного управления, ориентированная на постоянное совершенствование процессов удовлетворения потребностей клиента на основе непрерывного изучения клиентского опыта» [14].

Как отмечают Овчаренко и Дрига,

клиентоцентричность в системе государственного управления представляет собой «очередной логичный этап административной реформы в России», при этом реализация стандарта внутреннего клиента, в рамках которого «объектом изучения становится сам чиновник», является «нетипичным для отечественной (да и не только) бюрократической машины» подходом [9]. Это подчеркивает инновационный характер исследуемой трансформации и необходимость преодоления устоявшихся управленческих стереотипов.

Однако, как справедливо подчеркивают исследователи, клиентоцентричность государственного управления должно начинаться «изнутри» – с заботы о внутреннем клиенте (государственном служащем), которая становится необходимым условием для формирования клиентоцентричной модели взаимодействия с гражданами. Очевидно, что сотрудники, испытывающие поддержку и заботу со стороны кадровых служб и руководства, с большей вероятностью будут транслировать эти принципы во внешнюю среду, переводя клиентоцентричность из плоскости декларируемых ценностей в плоскость практической реализации.

В условиях кадрового дефицита и с учетом волн оптимизации структуры и численности органов власти клиентоцентричность приобретает особое значение, так как становится одним из ключевых элементов уникального ценностного предложения (EVP) государственной службы, позволяя компенсировать ограниченные ресурсы, в том числе финансовые, для формирования конкурентоспособного кадрового состава.

Как отмечают исследователи ВШГУ РАНХиГС, клиентоцентричная трансформация государственного управ-

ления сталкивается рядом серьезных вызовов, в том числе с кадровыми проблемами [3]. Среди них: недостаточная кадровая обеспеченность и уровень необходимых компетенций у сотрудников, низкая мотивация к изменениям и сопротивлением кадрового состава. Решением может стать внедрение цифровой платформы для автоматизации кадровой работы, развития компетенций и мотивации государственных служащих. Развивая этот тезис, исследователи отмечают, что кадровые проблемы, препятствующие эффективной реализации клиентоцентричного подхода, включают недостаточный уровень цифровых компетенций и низкую мотивацию персонала, а решение видится в создании цифровой платформы для развития компетенций и мотивации государственных служащих [3]. Таким образом, в академическом дискурсе уже сформировался консенсус относительно того, что клиентоцентричная трансформация невозможна без цифровой инфраструктуры как ее инструментальной основы.

Клиентоцентричность как сквозной принцип «жизненного» цикла сотрудника

Полная реализация клиентоцентричного подхода в кадровом обеспечении предполагает его внедрение на каждом этапе трудовых отношений – от приема до увольнения сотрудника.

На этапе приема на службу клиентоцентричность должна реализоваться по двум направлениям:

- автоматизация типовых кадровых процессов, включая формирование пакета документов для назначения, подготовку приказа о приеме на работу, заключение служебного контракта;
- комплексная оценка компетенций и трудового потенциала кандидата, а также профессиональная ориентация,

помогающая определить наиболее успешное направление деятельности при отсутствии релевантного опыта работы или госслужбы у кандидата.

Как показывает практика, ошибки при распределении сотрудников на начальном этапе государственной службы нередко приводят к тому, что специалисты не проходят полный процесс профессиональной социализации и покидают систему. Так, отмечается значительная неустойчивость кадрового состава в первые три года работы, а «по данным 2024 года, более 40% служащих младшей группы должностей увольняются или уволены в пределах первого года» [12].

Реализация клиентоцентричного подхода в кадровом обеспечении государственной службы требует перехода от формальной проверки соответствия к выявлению и прогнозированию потенциала кандидата. Примером может стать разработанный и апробированный в системе Минприроды России цифровой оценочный модуль, который позволяет реализовать этот переход на практике. Модуль включает профессиональное тестирование (60 вопросов), личностный опросник (адаптированная версия 16PF) и алгоритмическую обработку результатов с применением искусственного интеллекта. Он не просто фиксирует ответы, а обрабатывает их по заданным параметрам (промпту), что позволяет получить не только психологический портрет, но и рекомендации по назначению кандидата на те или иные должности, предлагая наилучшие и рискованные роли и виды деятельности, а также условия, при которых профиль кандидата может быть реализован эффективно.

Личностно-психологическое профилирование кандидатов проводилось на основе многофакторного личностного опросника

Р. Кеттелла (16PF). Данная методика прошла многолетнюю апробацию, в том числе на российской выборке, и позволяет количественно оценивать личность по 16 независимым факторам: от коммуникабельности и эмоциональной стабильности до самоконтроля и тревожности. Использование 16PF в кадровой практике обосновано его доказанной валидностью для прогноза профессиональной успешности и высокой степенью стандартизации, что особенно важно при принятии кадровых решений в системе государственной службы [22].

Пример заключения по кандидату представлен в таблице 1.

Особенно актуальна такая оценка для кандидатов без опыта государственной службы или релевантного стажа, так как модуль выполняет функцию профессиональной ориентации: он не только оценивает текущий уровень компетенций, но и формирует рекомендации по наиболее подходящим типам должностей и направлениям развития.

Кроме того, модуль реализует принцип клиентоцентричности через персонализированную обратную связь: по итогам оценки он получает информацию о своих сильных сторонах и зонах развития, что способствует его дальнейшему профессиональному развитию и формирует позитивный образ государственной службы как клиентоцентричного работодателя.

Такой клиентоцентричный подход с использованием цифровых инструментов позволит не только снижать трудозатраты кадровых специалистов на оформление сотрудников, но, что более актуально, проводить учет профессиональных и личностных характеристик кандидата, что повышает вероятность его успешной интеграции в систему госслужбы.

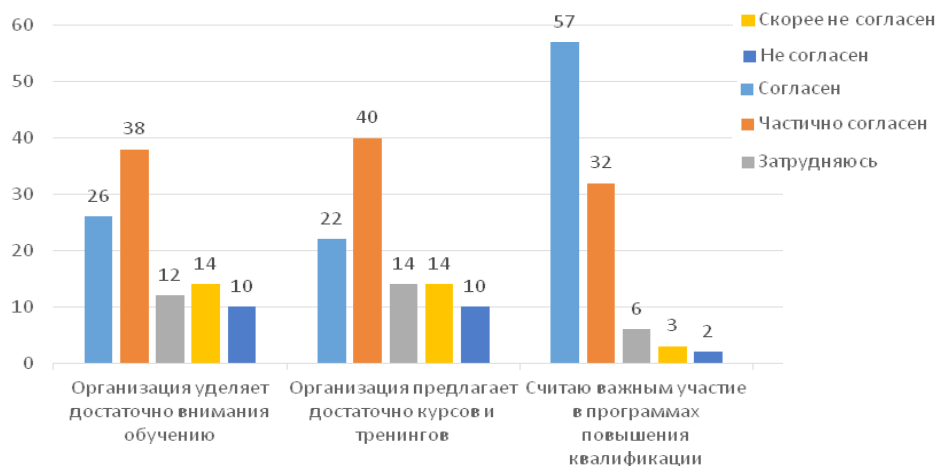
Таблица 1. Личностно-психологический портрет кандидата (пример заключения).

Ключевые стороны (Общая характеристика)	Кандидат демонстрирует профиль исключительно дисциплинированного, рационального и высокоинтеллектуального специалиста. Это человек с максимально развитым самоконтролем, прагматичным складом ума и устойчивой психикой. Он ориентирован на точность, логику и соблюдение внутренних стандартов, при этом остается достаточно гибким в коммуникации. Такой тип личности часто встречается среди успешных аналитиков, аудиторов, технических экспертов или руководителей, требующих строгого соблюдения регламентов.
Интерпретация (Профиль личности)	<p>Интеллектуальные способности: у кандидата отличные аналитические способности и развитое абстрактное мышление. Он быстро схватывает сложные концепции, видит закономерности и способен решать нестандартные задачи, требующие интеллектуального усилия. При этом он остается практиком: его идеи прочно привязаны к реальности, он не склонен к беспочвенным фантазиям или отвлеченным умствованиям.</p> <p>Эмоционально-волевая сфера: это одна из самых сильных сторон кандидата. Он обладает высоким уровнем эмоциональной стабильности и очень низкой тревожностью, что делает его устойчивым к стрессу, критике и неопределенности.</p> <p>Коммуникативные и социальные черты: Кандидат – человек сбалансированный в общении: не замкнут, но и не навязчив. Он достаточно смел, чтобы высказывать свою позицию, и достаточно проницателен, чтобы понимать подтекст в общении. При этом он не склонен ни к излишней подозрительности, ни к наивному доверию. Важная особенность: он не подвержен групповому давлению и конформности, сохраняет собственную линию поведения. Однако он не является бунтарем – его независимость проявляется через четкое следование своим внутренним правилам, а не через противостояние авторитетам.</p>
Риски и зоны развития	<p>Жесткость и сверхконтроль. Максимально высокий самоконтроль в сочетании с низкой чувствительностью к чувствам других людей может восприниматься коллегами как холодность или излишняя требовательность. Кандидат может испытывать трудности в ситуациях, где нужна эмоциональная гибкость, спонтанность или сопереживание.</p> <p>Недостаточная адаптивность к хаосу. Сильная опора на структуру, контроль и практичность делает его уязвимым в средах с высокой неопределенностью, частой сменой приоритетов и отсутствием четких регламентов. Это может вызывать внутреннее напряжение.</p> <p>Зона развития: развитие эмоционального интеллекта – осознанного проявления теплоты, гибкости и принятия человеческих «несовершенств» в командной работе.</p>
Итог: Профессионально-личностный потенциал кандидата раскрывается в ролях, требующих строгого следования стандартам, контроля качества, сложного анализа и работы в условиях жестких регламентов. Ему не подходят размытые, творческие роли с высокой степенью свободы и неопределенности.	

Источники: заключение составлено цифровым модулем на основе многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла (16PF) с использованием искусственного интеллекта.

Рисунок 1. Процентное распределение ответов респондентов опроса (выборочные вопросы).

Источники: Составлено автором статьи.

На этапе мотивации и профессионального развития клиентоцентричность проявляется в учете индивидуальных потребностей и особенностей сотрудников. Это позволит уйти от формального обучения, до сих пор реализуемого на практике даже в условиях отмены обязательного обучения раз в три года. Как показывают исследования, 33,5% опрошенных госслужащих «отмечают, что программы обучения внедрению клиентоцентричного подхода в ряде случаев «оторваны» от практики реализации проекта» [3]. Кроме того, отмечается нехватка экспертизы спикеров и значительные временные разрывы между возникновением потребности и реализации обучения, то есть обучение попросту не успевает за изменениями системы. Такая тенденция прослеживается не только в рамках обучения клиентоцентричности, но характеризует систему обучения госслужащих в целом.

Данный вывод позволяет сделать анализ результатов авторского опроса по оценке уровня цифровой зрелости и

лояльности, проведенного в период с 15 июля 2025 года по 30 апреля 2026 года среди 266 действующих государственных гражданских служащих федеральных и региональных органов власти и работников государственных учреждений. География исследования охватила все федеральные округа РФ (с преимущественно Центральным федеральным округом).

Так, только 26% респондентов ответили «согласен» на вопрос: «Организация уделяет достаточно внимания обучению» и 22% – на вопрос: «Организация предлагает достаточно курсов и тренингов», одновременно 57% ответили полностью утвердительно на вопрос: «Считаю важным участие в программах повышения квалификации», 32% – «частично согласен», что позволяет сделать вывод о востребованности обучения у госслужащих (рис. 1).

Полученные данные согласуются с результатами исследований других авторов. Так, в работе Капустян и Сабына обосновывается, что «кадровая политика в условиях реализации клиентоцен-

тричного подхода на государственной службе» требует пересмотра подходов к профессиональному развитию, поскольку «формальное обучение не обеспечивает формирования необходимых компетенций и преодоления сопротивления изменениям» [6].

Внедрение новых систем, принципов и подходов к работе (в частности, клиентоцентричного) без предварительного целевого обучения создает дополнительную нагрузку и провоцирует имитационное поведение – формальное использование нововведений при сохранении привычных практик. Преодоление этого барьера требует перехода от формального обучения к проектному, интегрированному в реальные рабочие задачи.

Опыт Белгородской области по внедрению проекта «Дизайн-реактор» показывает, что обучение через решение конкретных кейсов (дизайн-мышление, сервис-дизайн) позволяет не только формировать компетенции, но и преодолевать сопротивление изменениям [19]. Кроме того, необходима увязка обучения с карьерными треками для того, чтобы сотрудник видел его ценность и понимал связь со своим профессиональным ростом, а также интеграция в цифровую систему (ЕИСУКС) для обеспечения единого подхода к обучению.

Реальная, а не декларируемая клиентоцентричность в обучении действительно может преодолеть один из негативных факторов кадрового обеспечения системы государственной службы – обезличивание применяемых инструментов и формальный подход к управлению персоналом.

На этапе завершения трудовых отношений реализация принципов клиентоцентричности позволяет государственному органу получать обратную связь в рамках выходного интервью,

так как управление текучестью кадров невозможно без понимания ее причин. Однако при реализации данного инструмента стоит оценивать высокие риски социально ожидаемых ответов. В результате кадровая служба получает нейтральную, «политкорректную» картину, которая не позволяет выявить реальные системные проблемы. Цифровизация предлагает конкретные инструменты, позволяющие если не полностью устранить, то существенно снизить влияние этого эффекта.

Самый очевидный и эффективный способ снизить давление социальной желательности – это убрать фактор личного присутствия, то есть вместо очного интервью с кадровым специалистом увольняющемуся сотруднику предлагается заполнить анонимную онлайн-анкету.

Ключевыми преимуществами такой анкеты можно назвать:

- снижение «разрыва честности». Анонимность может снизить социально желательные ответы, потому что сотрудник не боится, что его слова повлияют на его будущее;

- стандартизация и сопоставимость данных. В отличие от живого интервью, где каждый разговор может строиться по-разному и отходить от скрипта, даже при его наличии, цифровая анкета задает единые вопросы, что позволяет агрегировать и сравнивать данные за разные периоды и по разным подразделениям.

- возможность сбора более глубоких данных. Цифровые опросы могут дополнять личные интервью и использоваться как дополнительный канал для выявления той информации, которую не готов озвучить.

Более технологичный подход снижения эффекта социально ожидаемых ответов представляется в замене интер-

вьюера на голосового ИИ-ассистента. В таком случае, сотрудник получает ссылку на чат-бот, где ИИ задает стандартные вопросы, а сотрудник записывает свои ответы в формате аудиозаписи. Далее ответы анализируются ИИ-ассистентом, который через невербальные сигналы, паузы в речи, выбор слов или просто через паттерны ответов, выявляя скрытый негатив, разочарование или тревогу, даже если формулировки формально нейтральные или «правильные».

Эффективность выходного интервью значительно возрастает, если оно является не изолированным инструментом, а частью непрерывного процесса сбора обратной связи и интегрировано в существующие цифровые платформы (например, ЕИСУКС). Такая интеграция позволяет отслеживать карьерную траекторию сотрудника и выявлять корреляции между его опытом работы и причинами увольнения.

Таким образом, клиентоцентричность выступает не только инструментом удержания, но и механизмом непрерывного совершенствования кадровых процессов.

Цифровизация как инструментальная основа клиентоцентричности

Цифровизация кадровых процессов выступает ключевым инструментом, обеспечивающим практическую реализацию клиентоцентричного подхода. Как отмечается в исследовании «Глобальные тренды инноваций в правительстве 2024», правительства по всему миру «инвестируют в масштабируемую цифровую инфраструктуру, экспериментируют с новыми технологиями и расширяют инновационные и цифровые навыки, чтобы сделать государственные услуги более эффективными» [23]. Кроме того, реализуется персонализация государственных услуг, которая «позволяет лучше удовлетворять

потребности и ожидания людей, снижая психологические и административные издержки» [23].

В контексте кадрового обеспечения цифровизация позволяет:

1. Автоматизировать рутинные кадровые процессы, освобождая время специалистов для работы со стратегическими задачами и вызовами.

2. Создавать цифровые сервисы для внутренних клиентов, упрощая взаимодействие с кадровой службой и руководством (чат-боты, пульс-опросы).

3. Обеспечивать сбор и анализ данных для принятия обоснованных кадровых решений.

4. Формировать единое информационное пространство, повышая прозрачность кадровых процедур.

Важно подчеркнуть, что цифровизация кадровых процессов в государственной службе имеет не только технологическое, но и экономическое измерение. Как отмечает Нестеров, «внедрение цифровых технологий в деятельность кадровых служб органов государственной власти» требует оценки экономической эффективности, а ключевыми факторами успешного внедрения являются «методическая база и наличие квалифицированных специалистов». Без учета экономической составляющей цифровая трансформация кадровых процессов рискует остаться дорогостоящим и малоэффективным проектом.

Отечественная практика: от лучших практик к системным решениям

В российских регионах накоплен значительный опыт внедрения клиентоцентричности в кадровые процессы. Наиболее показательные примеры требуют системного обобщения и тиражирования.

Опыт Тульской области демонстрирует, как цифровизация становится основой клиентоцентричного подхода в

кадровой работе [15]. Создание единой кадровой службы (ЕКС), обслуживающей более 1500 человек в 30 органах исполнительной власти, сопровождалось внедрением Корпоративного портала как основного инструмента взаимодействия и автоматизации процессов (отпуска, назначения, удаленная работа). Разработанный сервис «Согласование кандидата» сократил срок оформления нового сотрудника с 1,5 месяцев до одной недели. Ключевые результаты – сокращение срока оформления сотрудников, внедрение Корпоративного портала и единой кадровой службы.

Опыт Амурской области демонстрирует комплексный подход к цифровизации кадровых процессов [14]. В 2020 году были оцифрованы все процессы единой кадровой службы. Также, внедрена собственная информационная система «Управление кадрами государственной гражданской службы Амурской области», которая автоматизирует подготовку приказов, отчетных документов, справок, ведение реестров и учет конкурсов.

Особого внимания заслуживает оптимизация процесса назначения на должность. Изначально руководители органов власти жаловались на долгое время назначения. После анализа процесса был сделан вывод, что самый длительный этап – это разработка, согласование и утверждение должностного регламента. Процесс был оцифрован: согласование документов переведено в систему электронного документооборота, что позволило сократить время и исключить доработки после подписания руководителями.

При этом сохраняется существенная неоднородность цифрового развития по регионам страны. Как показывают данные рейтинга цифровизации и внедрения ИИ в регионах России, раз-

рыв между лидерами (Москва, Белгородская область) и аутсайдерами (Республика Тыва, Тамбовская область) составляет около 60 баллов [17]. Это свидетельствует о необходимости системной работы по тиражированию лучших практик и преодолению цифрового неравенства.

Кроме того, проявляется дисбаланс между цифровыми практиками на федеральном и региональном уровне. В то время как федеральные органы власти и органы власти субъектов РФ формально реализуют единую политику цифровой трансформации, между ними существует устойчивый дисбаланс, проявляющийся в скорости внедрения, масштабе инноваций и адаптации к местным условиям. Наиболее ярко этот дисбаланс проявляется в том, что региональные цифровые команды зачастую запускают проекты «проще, быстрее и смелее» [21], чем федеральные структуры. Как следствие, наблюдается разнообразие цифровых практик в регионах и ограниченное количество продвинутых в части цифровизации федеральных органов власти (ФНС, Минтруд России).

Кроме того, федеральные программы, задающие единые стандарты, не всегда учитывают региональную специфику. В связи с чем существует необходимость интеграции региональных инициатив в федеральные программы [10]. Это означает, что лучшие практики, рождающиеся «на местах», остаются локальными и не масштабируются на всю систему государственного управления, что усиливает разрыв между уровнями власти.

Отсутствие типовых решений и унифицированных подходов к внедрению цифровых инструментов на местах приводит к тому, что органы власти вынуждены разрабатывать собственные, локальные решения, что ведет к фрагментации и несовместимости систем.

Курганская область, столкнувшись с проблемой кадрового дефицита в здравоохранении, разработала собственную систему мониторинга на базе региональной системы поддержки принятия решений [20].

Таким образом, дисбаланс между цифровыми кадровыми практиками федерального и регионального уровней проявляется не только в скорости внедрения инноваций, но и в методологической разобщенности. Для кадрового обеспечения это означает разрыв в требованиях к компетенциям, двойную нагрузку на региональных специалистов и неравномерное формирование «цифрового этоса» госслужащего. Преодоление этого дисбаланса требует не только технической интеграции разнородных систем в единую (например, ЕИСУКС), но и институционального закрепления механизмов обмена и масштабирования успешных региональных практик на федеральный уровень и обратно.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать вывод о том, что клиентоцентричность и цифровизация выступают взаимосвязанными факторами, определяющими эффективность кадрового обеспечения государственной службы в современных условиях. С одной стороны, клиентоцентричный подход в отношении государственных служащих позволяет решать ключевые кадровые проблемы, с другой – цифровизация кадровых процессов выступает инструментальной основой реализации клиентоцентричного подхода, обеспечивая автоматизацию рутинных процедур, создание удобных цифровых сервисов и сбор данных для принятия обоснованных решений.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать:

- разработка концептуальной мо-

дели интеграции клиентоцентричного подхода в кадровые процессы и методики оценки его экономической эффективности;

- анализ влияния клиентоцентричности на показатели результативности государственных служащих;

- сравнительный анализ российского и зарубежного опыта клиентоцентричной трансформации кадрового обеспечения;

- исследование роли искусственного интеллекта в персонализации кадровых процессов для внутренних клиентов.

При этом остается ряд нерешенных проблем: неоднородность цифрового развития регионов, дефицит квалифицированных кадров, низкая мотивация к изменениям, инерционность организационной культуры органов власти. Их преодоление требует не только технологических решений, но в первую очередь изменения нормативной рамки, создания единых кадровых стандартов и изменения управленческой парадигмы, в центре которой находится человек – как гражданин, получающий государственные услуги, так и как сам государственный служащий, эти услуги предоставляющий. Только такой комплексный подход позволит сформировать устойчивую, эффективную и клиентоцентричную систему государственного управления, способную отвечать на вызовы цифровой эпохи.

Список литературы

1. Управление человеческими ресурсами в условиях цифрового общества: коллективная монография / Отв. ред. Л.А. Обухова, М.С. Халиков, А.И. Усов. – М.: Изд-во «Университетская книга», 2026. – 200 с.
2. Бруслиновская Е.В. Клиентоцентричность в государственном управлении: цифровая трансформация и кадровый потенциал // Весенние дни науки ИНЭУ: сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 22-26 апреля 2025 г.). Екатеринбург: Издательство Издательский Дом «Ажур». 2025. – С. 786-790.
3. Вальдман И.А., Горбовский Р.В., Паратунов М.В., Путинцева Е.А. Основные проблемы и барьеры

клиентоцентричной трансформации системы государственного управления [Электронный ресурс] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. – № 1. – С. 20-31. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=63878566> (Дата обращения: 06.08.2026). – DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-20-31.

4. Джамалудинова М.Ю. Цифровые мотивационные инструменты профессионального развития государственного служащего [Электронный ресурс] // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2026. – № 2. – С. 75-83. // URL: <https://vestniksfku.elpub.ru/jour/article/view/3290/2874> (Дата обращения: 06.08.2026). – DOI: 10.37493/2307-907X.2026.2.7.

5. Калинин А.М. Использование принципа клиентоцентричности в государственном управлении: повестка внедрения [Электронный ресурс] // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. – № 3. – С. 7-25. // URL: https://clientcentric.ranepa.ru/cc_kalinin (Дата обращения: 06.08.2026). – DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-7-25.

6. Капустян Л.А., Сабина Е.Н. Кадровая политика в условиях реализации клиентоцентричного подхода на государственной службе [Электронный ресурс] // Экономика Профессия Бизнес. 2024. – № 4. – С. 36-49. // URL: <https://journal.asu.ru/ec/article/view/epb202458> (Дата обращения: 11.08.2026). – DOI: 10.14258/epb202458/

7. Мартынова Н.А. Внутренний клиент: актуальные вопросы развития [Электронный ресурс] // Вестник экспертного совета. 2025. – № 2 (41). – С. 10-18. // URL: [https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/2\(41\)_2025.pdf](https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/2(41)_2025.pdf) (Дата обращения: 06.08.2026).

8. Нестеров А.С. Определение экономической целесообразности внедрения цифровых технологий в деятельность кадровых служб органов государственной власти Российской Федерации // Исследования молодых ученых: материалы СІП Междунар. науч. конф. (Казань, май 2025 г.). Казань: Молодой ученый, 2025. – С. 49-53.

9. Овчаренко Р.К., Дрига В.И. Клиентоцентричность гражданской службы на региональном уровне: взгляд «изнутри» [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2024. – № 11. – С. 46-53. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientocentrichnost-grazhdanskoy-sluzhby-na-regionalnom-urovne-vzglyad-iznutri> (Дата обращения: 11.08.2026). – DOI: 10.24158/tipor.2024.11.4.

10. Резвая А.Д., Ким О.Л., Татарникова М.А. Оценка результатов функционирования электронного правительства и цифровизации государственного управления [Электронный ресурс] // Государственное управление и право. 2025. – № 2 (6). – С. 238-251. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83003319> (Дата обращения: 06.08.2026).

11. Саралинова Д.С., Байракова И.В., Айдаева С.А. Некоторые аспекты применения компетентностного подхода на государственной службе в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. – № 2. – С. 103-111. // URL: <https://rppe.ru/index.php/rppe/article/view/2797/2605> (Дата обращения: 06.08.2026).

12. Сладкова Н.М. Государственная служба в условиях высококонкурентного рынка труда / Н.М. Сладкова, И.А. Ясинская [Электронный ресурс] // Лидерство и менеджмент. 2025. – Т. 12. – № 12. – С. 2341-2364. // URL: <https://1economic.ru/lib/124293> (Дата обращения: 06.08.2026). – DOI: 10.18334/lim.12.12.124293.

13. Сладкова Н.М., Воскресенская О.А. Стандартизация и цифровизация кадровых процессов в органах государственной власти с учетом принципа клиентоцентричности [Электронный ресурс] // Государственная служба. 2021. – № 5. – С. 80-91. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48081144> (Дата обращения: 06.08.2026). – DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-5-80-91.

14. Кадровое обеспечение клиентоцентричной трансформации: нематериальная мотивация [Электронный ресурс] // Центр внедрения клиентоцентричного подхода ВШГУ РАНХиГС. // URL: <https://gspm.ranepa.ru/baza-znaniy-vshgu/bank-praktik/kadrovoe-obespechenie-klientocentrichnoj-transformacii-nematerialnaya-motivaciya/> (Дата обращения: 06.08.2026).

15. Клиентоцентричный подход в кадровой работе. Опыт Тульской области [Электронный ресурс] // Центр внедрения клиентоцентричного подхода ВШГУ РАНХиГС. // URL: <https://gspm.ranepa.ru/baza-znaniy-vshgu/bank-praktik/klientocentrichnyj-podxod-v-kadrovoy-rabote-opyt-tulskoj-oblasti/> (Дата обращения: 06.08.2026).

16. Ответ на вызовы цифровизации: госуправление, основанное на данных, «штабная» модель управления и структурный маневр в численности госслужащих. Доклад НИУ ВШЭ / А.Б. Жулин (рук. авт. кол.), Я.И. Кузьминов (рук. авт. кол.); Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

17. Рейтинг цифровизации и внедрения ИИ в регионах России (январь-апрель 2025 года) [Электронный ресурс]. // URL: <https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-cifrovizacii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda> (Дата обращения: 06.08.2026).

18. Стандарты клиентоцентричности [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe-upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrichnosti/ (Дата обращения: 06.08.2026).

19. Уроки клиентоцентричной трансформации. Советы от участников и экспертов проекта [Электронный ресурс] // Центр внедрения клиентоцентричного подхода ВШГУ РАНХиГС. // URL: <https://gspm.ranepa.ru/baza-znaniy-vshgu/bank-praktik/uroki-klientocentrichnoj-transformacii-sovetyi-ot-uchastnikov-i-ekspertov-proekta/> (Дата обращения: 06.08.2026).

20. Как субъекты РФ автоматизируют работу с данными [Электронный ресурс] // D-russia.ru. // URL: <https://d-russia.ru/kak-subekty-rf-avtomatiziruyut-rabotu-s-dannymi.html> (Дата обращения: 06.08.2026).

21. Сенатор Шейкин предложил распространить ИИ-практики регионов на всю Россию [Электронный ресурс] // Парламентская газета. // URL: <https://www.pnp.ru/social/senator-sheykin-predlozhit-rasprostranit-ii-praktiki-regionov-na-vsyu-rossiyu.html> (Дата обращения: 06.08.2026).

22. Шестнадцатифакторный личностный опросник Кеттелла [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. // URL: https://bigenc.ru/wiki/Шестнадцатифакторный_личностный_опросник_Кеттелла (Дата обращения: 11.08.2026).

23. Global Trends in Government Innovation 2024: Fostering Human-Centred Public Services. OECD. 2024. // URL: https://www.oecd.org/en/publications/global-trends-in-government-innovation-2024_c1bc19c3-en.html (Дата обращения: 1 august 2026).

24. Digital Leadership in the Public Sector: Systematic Literature Review. 2023. // URL: https://www.researchgate.net/publication/372199870_Digital_Leadership_in_the_Public_Sector-Systematic_Literature_Review_Systematic_literature_review (Дата обращения: 1 august 2026).

25. UN E-Government Survey 2024. United Nations. // URL: <https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2024> (Дата обращения: 1 august 2026).

References

1. Human Resource Management in the Digital Society: A Collective Monograph / Eds. L.A. Obukhova, M.S. Khalikov, A.I. Usov. – Moscow: University Book Publishing House, 2026. – 200 p.
2. Bruslinovskaya E. V. Client-Centricity in Public Administration: Digital Transformation and Human Resources Potential // Spring Science Days of INEU: Proceedings of the International Conference of Students and Young Scientists (Ekaterinburg, April 22-26, 2025). Yekaterinburg: Azhur Publishing House. 2025. – P. 786-790.
3. Waldman I. A., Gorbovsky R. V., Paratunov M. V., Putintseva E. A. Main Problems and Barriers to Client-Centric Transformation of the Public Administration System [Electronic resource] // Public and Municipal Administration. Scientific Notes. 2024. – № 1. – P. 20-31. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=63878566> (06.08.2026). – DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-20-31.
4. Dzhmaludinova M.Yu. Digital motivational tools for professional development of civil servants [Electronic resource] // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2026. – № 2. – P. 75-83. // URL: <https://vestniksfu.elpub.ru/jour/article/view/3290/2874> (06.08.2026). – DOI: 10.37493/2307-907X.2026.2.7.
5. Kalinin A.M. Using the Client-Centric Principle in Public Administration: Implementation Agenda [Electronic resource] // Issues of Public and Municipal Administration. 2023. – № 3. – P. 7-25. // URL: https://clientcentric.ranepa.ru/cc_kalinin (06.08.2026). – DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-7-25.
6. Kapustyan L.A., Sabyana E.N. HR Policy in the Context of Implementing a Client-Centered Approach in the Civil Service [Electronic Resource] // Economics Profession Business. 2024. – № 4. – P. 36-49. // URL: <https://journal.asu.ru/ec/article/view/epb202458> (11.08.2026). – DOI: 10.14258/epb202458/
7. Martynova N.A. Internal Client: Current Development Issues [Electronic Resource] // Bulletin of the Expert Council. 2025. – № 2 (41). – P. 10-18. // URL: [https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/2\(41\)_2025.pdf](https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/2(41)_2025.pdf) (06.08.2026).
8. Nesterov A.S. Determining the Economic Feasibility of Implementing Digital Technologies in the Activities of HR Departments of Government Bodies of the Russian Federation // Research of Young Scientists: Proc. of the CIII Int. Scientific Conf. (Kazan, May 2025). Kazan: Young Scientist, 2025. – P. 49-53.
9. Ovcharenko R.K., Driga V.I. Client-Centricity of the Civil Service at the Regional Level: An Inside View [Electronic Resource] // Theory and Practice of Social Development. 2024. – № 11. – P. 46-53. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientotsentrichnost-grazhdanskoy-sluzhby-na-regionalnom-urovne-vzglyad-iznutri> (11.08.2026). – DOI: 10.24158/tipor.2024.11.4.
10. Rezvaya A.D., Kim O.L., Tatarnikova M.A. Evaluation of the Results of the Functioning of Electronic Government and the Digitalization of Public Administration [Electronic resource] // Public Administration and Law. 2025. – № 2 (6). – P. 238-251. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83003319> (06.08.2026).
11. Saralinoва D.S., Bayrakova I.V., Aidaeva S.A. Some aspects of the application of the competence-based approach in the civil service in the context of digitalization // Regional problems of economic transformation. 2025. – № 2. – P. 103-111. // URL: <https://rppe.ru/index.php/rppe/article/view/2797/2605> (06.08.2026).
12. Sladkova N.M. Civil Service in a Highly Competitive Labor Market / N.M. Sladkova, I.A. Yasinskaya [Electronic resource] // Leadership and Management. 2025. – Vol. 12. – № 12. – P. 2341-2364. // URL: <https://teconomic.ru/lib/124293> (06.08.2026). – DOI: 10.18334/lim.12.12.124293.
13. Sladkova N.M., Voskresenskaya O.A. Standardization and Digitalization of HR Processes in Government Bodies Taking into Account the Principle of Client-Centricity [Electronic resource] // Civil Service. 2021. – № 5. – P. 80-91. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48081144> (06.08.2026). – DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-5-80-91.
14. Staffing for Client-Centered Transformation: Non-material Motivation [Electronic resource] // Center for the Implementation of a Client-Centered Approach, Graduate School of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. // URL: <https://gspm.ranepa.ru/baza-znaniy-vshgu/bank-praktik/kadrovoe-obespechenie-klientocentrichnoy-transformaczi-nematerialnaya-motivacziya/> (06.08.2026).
15. Client-Centered Approach in HR Work. Experience of the Tula Region // Center for the Implementation of a Client-Centered Approach at the Graduate School of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. // URL: <https://gspm.ranepa.ru/baza-znaniy-vshgu/bank-praktik/klientocentrichnyj-podxod-v-kadrovoy-rabote-opyit-tulskoj-oblasti/> (06.08.2026).
16. Responding to the Challenges of Digitalization: Data-Driven Public Administration, the "Staff" Management Model, and Structural Maneuvering in the Number of Civil Servants. Report by the National Research University Higher School of Economics / A.B. Zhulin (Head of the Authors' Team), Ya.I. Kuzminov (Head of the Authors' Team); National Research University Higher School of Economics. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020.
17. Ranking of Digitalization and AI Implementation in Russian Regions (January-April 2025) // URL: <https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-czfirovzaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda> (06.08.2026).
18. Customer-Centricity Standards [Electronic resource] // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe-upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrichnosti/ (06.08.2026).
19. Lessons in Customer-Centric Transformation. Advice from Project Participants and Experts // Center for the Implementation of a Customer-Centric Approach, Graduate School of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. // URL: <https://gspm.ranepa.ru/baza-znaniy-vshgu/bank-praktik/uroki-klientocentrichnoy-transformaczi-sovetyi-ot-uchastnikov-i-ekspertov-proekta/> (06.08.2026).
20. How Russian Federation Subjects Automate Data Processing // D-russia.ru. // URL: <https://d-russia.ru/kak-subekty-rf-avtomatiziruyut-rabotu-s-dannymi.html> (06.08.2026).
21. Senator Sheikin Proposed Extending Regional AI Practices to All of Russia [Electronic Resource] // Parliamentary Newspaper. // URL: <https://www.pnp.ru/social/senator-sheykin-predlozhit-rasprostranit-ii-praktiki-regionov-na-vsyu-rossiyu.html> (06.08.2026).
22. Cattell's Sixteen-Factor Personality Questionnaire [Electronic Resource] // Great Russian Encyclopedia. // URL: https://bigenc.ru/wiki/Шестнадцатиграфный_личный_опроводник_Кеттелла (11.08.2026).
23. Global Trends in Government Innovation 2024: Fostering Human-Centred Public Services. OECD. 2024. // URL: https://www.oecd.org/en/publications/global-trends-in-government-innovation-2024_c1bc19c3-en.html (1 August 2026).
24. Digital Leadership in the Public Sector: Systematic Literature Review. 2023. // URL: https://www.researchgate.net/publication/372199870_Digital_Leadership_in_the_Public_Sector-Systematic_Literature_Review_Systematic_literature_review (1 August 2026).
25. UN E-Government Survey 2024. United Nations. // URL: <https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2024> (1 August 2026).

Токарев А.М.

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Способы и особенности влияния новых общественных движений в Японии на внутреннюю политику страны*

Аннотация. В статье исследуется влияние новых японских общественных движений на политическую динамику в стране с учетом классификации этих движений по разным типам, выявлены факты конкретных влияний движений и их организаций, анализируется их воздействие на политический и социокультурный ландшафт Японии. Актуальность темы обусловлена мощными структурными изменениям и как во внутренней политике Японии, так и в регионе Восточная Азия. В данном контексте важно исследовать специфику новых общественных движений (НОД) Японии для дальнейшего прогноза их влияния на внутреннюю политику руководства страны, а также понимания политической динамики японского общества. Правящая Либерально-демократическая партия Японии пытается удержать свое положение через коалиционные союзы с небольшими партиями, такими как Комэйто, используя неформальные политические институты и общественные движения для сохранения своего политического влияния, однако убийство бывшего премьер-министра Синдзо Абэ (8 июля 2022 г.) на фоне растущих проблем японского общества (дефицит лидерства, «слабые» премьер-министры, дефицит гражданских прав) означает политический конфликт на местном уровне по вопросу расширения полномочий префектур страны, несогласных с внутривнутриполитическим курсом Токио. Анализируются неправительственные организации и объединения, являющиеся частью новых общественных движений Японии с последующей оценкой их влияния на внутреннюю политику страны. Выборочная совокупность состоит из более 30 неправительственных организаций и объединений с определением отдельных акторов как части НОД и их классификацией на этнические, социальные и движения за равноправие мужчин и женщин. Анализ показал, что японские НОД являются значимым актором политической жизни Японии, адаптируются к новым условиям и оказывают влияние на формирование внутренней политики. Этнические движения и движения по решению социальных проблем путем проведения публичных акций протеста и использования популистских методов способствует изменению японского законодательства на локальном и глобальном уровнях. Движения за равноправие мужчин и женщин добились значительных успехов в эмансипации женщин во второй половине XX в. и в первой четверти XXI в., однако потенциал системных изменений ограничен ввиду сохраняющейся традиционной конфуцианской модели в японской социокультурной среде.

Ключевые слова: общественные движения, Япония, общественные организации, этнос, ксенофобия, бездомные, внутренняя политика.

Tokarev A.M.

Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Methods and characteristics of the influence of new social movements in Japan on domestic policy

* © Токарев А.М., 2026.

Способы и особенности влияния новых общественных движений в Японии на внутреннюю политику страны

Abstract. This article examines the influence of new Japanese social movements on the country's political dynamics, taking into account the classification of these movements into different types; it identifies instances of the specific influence exerted by these movements and their organisations, and analyses their impact on Japan's political and socio-cultural landscape. The relevance of the topic stems from significant structural changes in both Japan's domestic politics and the East Asian region. In this context, it is important to examine the specific characteristics of Japan's new social movements (NSMs) in order to forecast their future influence on the country's domestic policy and to understand the political dynamics of Japanese society. Japan's ruling Liberal Democratic Party is attempting to maintain its position through coalition alliances with smaller parties such as Komeito, utilising informal political institutions and social movements to preserve its political influence; however, the assassination of former Prime Minister Shinzo Abe (8 July 2022), against a backdrop of growing problems in Japanese society (a leadership deficit, 'weak' prime ministers, a deficit in civil rights), has sparked political conflict at the local level over the expansion of powers for the country's prefectures, which disagree with Tokyo's domestic policy course. Non-governmental organisations and associations that form part of Japan's new social movements are analysed, followed by an assessment of their influence on the country's domestic policy. The sample comprises more than 30 non-governmental organisations and associations, with individual actors identified as part of civil society organisations and classified into ethnic, social and gender equality movements. The analysis has shown that Japanese civil society organisations are significant actors in Japan's political life, adapting to new conditions and influencing the formation of domestic policy. Ethnic movements and movements addressing social issues, through public protests and the use of populist methods, contribute to changes in Japanese legislation at both local and global levels. Movements for gender equality achieved significant successes in the emancipation of women in the second half of the 20th century and the first quarter of the 21st century; however, the potential for systemic change is limited due to the persistence of the traditional Confucian model within Japan's socio-cultural environment.

Key words: social movements, Japan, public organizations, ethnicity, xenophobia, homeless, domestic policy.

Современный политический ландшафт во многих странах в значительной степени определяется действиями общественных движений, которые играют ключевую роль в формировании общественного мнения, выражении гражданских интересов и воздействии на политические процессы. Понятие «общественные движения» охватывает разнообразные формы организации и мобилизации гражданского активизма, направленного на изменение социальных, политических или экономических условий. Исторически общественные движения возникали в ответ на социальную несправедливость, неравенство или отсутствие гражданских прав и свобод. Они часто являлись результатом социальных противоречий

и конфликтов, которые не могли быть разрешены через традиционные институты. Однако с развитием современного гражданского общества и технологий коммуникации социальные движения приобрели новые формы и методы политического действия, расширяя свои возможности и влияние. Особенности японского государства и гражданского общества добавляют важные нюансы к пониманию роли новых социальных движений в политической динамике.

Возникновение термина «общественные движения» обязано немецкому философу-гегельянцу Лоренцу фон Штейну, который впервые ввел данное понятие в своей книге «История французских социальных движений с 1789 г. до настоящего времени»

(Geschichte der sozialen Bewegungen in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage (нем.)). Примечательно, что Л. фон Штейн являлся советником японского правительства эпохи Мейдзи, а его лекции в Венском университете посещал первый премьер-министр Японии Ито Хиробуми (1841-1905 г.). Идеи немецкого философа и политика также повлияли на содержание первой японской конституции 1889 г. [8]. Данные факты в контексте изучения новых общественных движений Японии выявляют исторические корни японской гражданской активности и ее важность для формирования политической системы страны.

Цель данного исследования заключается в анализе неправительственных организаций и объединений, являющихся частью новых общественных движений (НОД) Японии и их влияния на внутреннюю политику государства в контексте поддержки определенных общественных групп. Исследовалась эффективность НОД в достижении поставленных целей.

В работе использованы материалы некоторых новых общественных движений Японии. Исследование базируется на анализе документов, анализе политического процесса, обобщении, использован социологический подход. Методологическим основанием исследования являются работы теоретиков новых социальных движений (Ю. Хабермас, А. Мелуччи, К. Вельцель, А. Турен), а также работы российских и японских исследователей: В. Гринюк, Д. Стрельцов, Наото Хигути, Махито Хаяси, содержащие эмпирические и теоретические описания НОД 1960-2020-х гг.

Один из ключевых тезисов теории НОД состоит в том, что рост постиндустриальной экономики спровоцировал появление новой волны социальных

движений, не ориентированных на материальные ценности, такие как экономическое благополучие, а сконцентрированы на вопросах прав человека, идентичности, образа жизни и культуры. Новые общественные движения, в отличие от старых, не ставят перед собой конкретных политических или экономических целей, а скорее стремятся к социокультурным изменениям. Зачастую, представители «нового среднего класса» часто являются ключевыми участниками НОД в отличие от традиционных движений, которые обычно связаны с низшими и маргинальными социальными группами [5].

В качестве аналитической основы исследования, используя общедоступные источники и опираясь на характерные темы НОД: права человека, идентичность, образ жизни и культура, стремление к социокультурным изменениям, сформирована выборочная совокупность новых японских общественных движений, считая генеральной совокупностью общее количество зарегистрированных НКО в Японии: по состоянию на февраль 2025 г. – 49144 организации.¹ Выборочная совокупность включает более 30 японских неправительственных организаций и объединений. В японских НОД такая выборочная совокупность обеспечивает получение репрезентативных и достоверных выводов исследования.

В данном исследовании новые общественные движения в Японии разделены по трём типам: этнические, движения по решению социальных проблем и движения за равноправие мужчин и женщин. Движения этнического типа берут свое начало в после-

¹ Список зарегистрированных в Японии НКО на февраль 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.npo-hompage.go.jp/about/toukei-info/ninshou-seni> (Дата посещения: 12.04.2025)

военные 1945-1950-е гг., а их участники в основном являются представители этнического меньшинства первого и второго поколения (китайцы, корейцы), добровольно или насильно переехавшие в Японию. Участники движения ставят перед собой цели защиты и соблюдения прав этнических меньшинств. Движения по решению социальных проблем, за исключением национальных или за равноправие мужчин и женщин, возникли по причине несогласия определенных общественных групп с действиями истеблишмента, которые привели к возникновению серьезных социальных проблем. Участники движения занимаются решением различных социальных вопросов, таких как дефицит прав малоимущих граждан, проблема «старения нации» и др. Движения за равноправие мужчин и женщин зародились в середине XX века в результате структурной демократизации послевоенной Японии и популяризации идей второй волны феминизма. Активисты движения добиваются искоренения дискриминации по половому признаку.

Общественные движения этнического типа

В Японии корейцев, постоянно проживающих на территории страны, называют дзайнити (яп. 在日) или дзайнити-канкокудзин (яп. 在日韓国朝鮮人), что переводится с японского как «иностранец, находящийся в Японии». По состоянию на 15 декабря 2023 г. в Стране Восходящего Солнца проживет порядка 436 570 корейцев². Причины наличия в стране такого большого числа корейских граждан уходят корнями в XX в., в то время, когда в состав

Японской империи входили территории Корейского полуострова – бывшее генерал-губернаторство Корея. Часть этнических корейцев переселилась в Японию в поисках лучшей жизни, другая же – насильно, в целях ассимиляции «малых народов» или для мобилизации в императорскую армию. В период оккупации Японии (1945-1952 гг.), корейцы, проживающие на территории страны, сохраняли японское подданство, что многими корейцами считалось недопустимым, ввиду колониализма Страны Восходящего Солнца и отсутствия японской этнической идентичности. Тем не менее, после вступления в силу в 1952 г. Сан-Францисского мирного договора ситуация кардинально изменилась. Согласно документу: «... Япония, признавая независимость Кореи, отказывается от всех прав, оснований и претензий на Корею...». Следовательно, бывшие колониальные подданные лишались японского гражданства. Помимо этого, после принятия парламентом в Токио Закона о гражданстве 1950 г., изменился и процесс получения гражданства, что законодательно закрепило статус Японии как государства моноэтнического. Теперь стать гражданином Японии возможно только по праву наследства или по линии крови, при этом отцом должен быть только этнический японец. Впоследствии в связи с участвовавшими случаями дискриминации корейского населения, к примеру, пренебрежительное отношение при прохождении процедуры снятия отпечатков пальцев или отказов в приеме на работу, а также для содействия скорейшей репатриации корейцев на историческую родину, в Японии возникло массовое общественное движение корейцев, представленное несколькими организациями, из которых следует выделить

² Статистика по иностранцам-резидентам. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.e-stat.go.jp> (Дата посещения: 05.03.2025).

два наиболее крупных – Чонгрин (кор. 총련) или Всеобщая ассоциация корейских резидентов в Японии (яп. 朝鮮総連, Чосэн Сорэн) и Миндан (кор. 민단) или Союз Корейских Жителей в Японии (яп. 在日本大韓国民団). Стоит отметить, что данные организации поддерживают разные корейские государства – Чонгрин представляет КНДР, а Миндан сотрудничает с Республикой Корея.

Формально Всеобщая ассоциация корейских резидентов в Японии была основана в 25 мая 1955 г., однако фактически объединение сформировано 15 октября 1945 г. на учредительном съезде Тёрэн (изначальное название организации)³. С момента основания ассоциация придерживалась радикально левых взглядов при прямой поддержке Коммунистической партии Японии (КПЯ). Впоследствии, объединение было насильно распущено и заново сформировано под другим названием из-за открытой симпатии к КНДР и коммунистической идеологии, а также поддержке радикальных ячеек, выступавших против японского правительства. Ассоциация приобрела свой конечный вид в мае 1955 г., обязавшись не вмешиваться во внутренние дела Японии и сконцентрироваться на защите прав и интересов корейского населения. Программа ассоциации, другое название «Восемь принципов», за время существования Чонгрин пересматривалась дважды (в сентябре 1995 г. и в мае 2004 г.) и представляет собой 8 пунктов в стиле государственных документов социалистических стран, например: «Под знаменем патриотизма мы объединим всех соотечественников,

живущих в Японии, вокруг Корейской Народно-Демократической Республики и посвятим себя защите прав и интересов наших товарищей, а также наследованию и завершению великих достижений чучхе».

Несмотря на то, что Чонгрин, являлась одной из первых и крупнейшей корейской ассоциацией, благодаря которой корейское население Японии добилось от истеблишмента закрепления прав и свобод корейцев-дзайнити на законодательном уровне, в настоящий момент организация испытывает серьезные финансовые трудности [6]. Тем не менее, ассоциация продолжает помогать своим соотечественникам получать корейское образование, а также спонсирует корейские школы на территории Японии.

Миндан или Союз Корейских Жителей в Японии был образован 3 октября 1946 г. после выхода части корейцев-дзайнити из леворадикальной организации Тёрэн по идеологическим соображениям, не поддержав социалистический курс будущей Ассоциации.⁴ В сентябре 1948 г. Союз признал правительство Японии, в следствие чего в дальнейшем Миндан не подвергался преследованию со стороны Оккупационных сил или японцев, в отличие от Чонгрин и их сторонников из КПЯ. После начала Корейской войны две организации окончательно разошлись, поддержав противоположные стороны конфликта. По сей день, Союз сотрудничает с правительством Республики Корея (РК), занимаясь организацией репатриации корейского населения на историческую родину, защитой свобод дзайнити, включая расширения прав

3 Всеобщая ассоциация корейских резидентов в Японии. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.chongryon.com> (Дата посещения: 10.03.2025).

4 Союз Корейских Жителей в Японии. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mindan.org/ayumi.php> (Дата посещения: 10.03.2025).

корейцев, проживающих в Японии и проведения массовых демонстраций. Основные направления работы Союза: 1) реализация национальной политики РК; 2) стремление отстаивать права человека граждан Кореи в Японии; 3) работа над экономическим развитием корейцев в Японии; 4) поддержка развития культуры корейцев в Японии; 5) развитие местных японских общин; 6) стремление к миру во всем мире и международной доброй воле.

Общественное движение дзайнити и связанные с ним организации Чонгрин и Миндан изначально боролись за права корейского населения в Японии. Важно учитывать, что при стремлении к получению существенных концессий или отмене определенных законов, направленных на ограничение прав корейцев, японскому истеблишменту приходилось включать в законодательство меры смягчения для всех иностранцев, постоянно проживающих в Японии, во избежание дискриминации соответствующих этнических групп. Так 1999 г. после массового отказа корейцев сдавать отпечатки пальцев при регистрации иностранцев, а также широкой кампании движения дзайнити против дискриминации соотечественников по этническому признаку, закон был отменен на всей территории Японии. В 2005 г., благодаря долгой борьбе общественного движения за возможность корейцев работать как в муниципальных, так и в государственных органах, данное право было признано в 12 японских префектурах для всех иностранцев [1].

Несмотря на масштабные структурные изменения, произошедшие в японском обществе за последние 70 лет, включая изменение конституции, политические и экономические реформы, направленные на демократизацию,

страны, а также общее негативное отношение японцев к милитаристскому прошлому, среди определенной части населения все еще остаются популярны идеи ультранационалистического толка. Японцы, придерживающиеся подобных взглядов, зачастую вступают в небольшие организации, образующие ядро нативистского общественного движения, построенного на ксенофобии, ультранационализме и реваншизме по отношению к бывшим колониям.

Нативизм по определению нидерландского политолога Каса Мудде – это идеология, согласно которой страну должны населять исключительно представители коренной группы (нации), а неместные элементы (люди и идеи) представляют собой фундаментальную угрозу для гомогенных национальных государств. Среди данных японских объединений наибольшую известность снискала организация Дзайтокукай или Ассоциация граждан против особых привилегий дзайнити (яп. 在日特権を許さない市民の会), период активности которой приходился на 2009-2013 гг. Ассоциация основана 2 декабря 2006 г. блогером и ультраправым политическим активистом Макото Сакураем (псевдоним в соцсетях – «doronpa01»). Своей главной целью организация ставит отмену особого статуса постоянного проживания дзайнити, а также борьбу против привилегированного статуса корейцев, проживающих в Японии, который, по словам, Сакурая и председателя ассоциации Яги Ясухи-ро, дзайнити используют для снижения налогообложения.⁵ Основная деятельность нативистского движения, включая членов Дзатокукай, заключается в проведении митингов, радикальных

⁵ «Речь победителя выборов. [Электронный ресурс] // URL: <https://web.archive.org/> (Дата посещения: 15.03.2025)

расистских акций и шествий против дзайнити, которые нередко приводили к столкновениям с активистами, выступающими против расизма и этнической дискриминации. Нативистское движение, включая «Ассоциацию граждан» также выступает за разрыв дипломатических отношений с Республикой Корея.⁶ Члены Дзайтокукай также известны своими расистскими лозунгами и оскорблениями по отношению к корейцам, к примеру: «Привет, тараканы из Син-Окубо», «Давайте посадим дзайнити в ракеты «Тэпходон» и запустим в Южную Корею!» [2].

Члены организации проявили враждебность к некоторым этническим группам, включая филиппинцев и австралийцев. Сакурай в своем блоге выступил за протесты против австралийского китобойного промысла, обвинив страну в расизме и культурной деструкции.⁷ Демонстрация Дзайтокукай в 2009 г., направленная на депортацию филиппинской девочки, вызвала широкий общественный резонанс и привлекла внимание к проблеме дискриминации в Японии.⁸ В результате оппозиционная партийная коалиция в 2013 г. призвала правительство принять меры против этнической дискриминации, что привело к принятию закона против высказываний ненависти в 2016 г. Хотя численность нативистов начала уменьшаться с 2014 г., лидер Дзайтокукай Макото Сакурай покинул организацию

в 2014 г. и основал партию Japan First, участвуя в выборах на пост губернатора Токио в 2016, 2020, и 2024 гг. получив 1,74%, 2,92% и 1,2% голосов избирателей.⁹ Японский социолог Наото Хигути в своей работе «The 'Pro-Establishment' Radical Right» приходит к выводу, что правящая ЛДП никогда не стремилась к уничтожению радикального нативистского движения, а скорее наоборот – проявляла сдержанную инициативу в его легитимации ввиду того, что политики из Дзю Минсюто никогда не рассматривали исторический ревизионизм как серьезную проблему Японии [4].

Влияние нативистских и антикорейских идей также заметно среди членов правящей Либерально-Демократической партии (ЛДП) и правого истеблишмента. В ноябре 2023 г. Мидзуми Сугита, член Палаты представителей от ЛДП, написал в «Х»* (*запрещенный в РФ сайт) о существовании привилегий дзайнити, косвенно соглашаясь с позицией Дзайтокукай.¹⁰ Еще одним тревожным прецедентом стал демонтаж мемориала «Память, Размышление и Дружба» 29 февраля 2024 г. в городе Такасаки, префектура Гумма.¹¹ Мемориал был возведен в 2004 г. в память о погибших корейцах, которые были насильно мобилизованы японским командованием для работы на заводах и в шахтах во время Второй мировой войны.

Общественные движения этнического типа оказывают значительное влияние на политическую среду Япо-

6 «Смело выступайте за разрыв дипломатических отношений Японии и Кореи!». [Электронный ресурс] // URL: <https://ameblo.jp/> (Дата посещения: 19.03.2025).

7 «Решительный протест против Австралии, расистского государства, уничтожающего китобойную культуру!». [Электронный ресурс] // URL: <https://ameblo.jp> (Дата посещения: 19.03.2025).

8 «New Dissent in Japan Is Loudly Anti-Foreign». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nytimes.com> (Дата посещения: 02.04.2025).

9 Japan First party. [Электронный ресурс] // URL: <https://japan-first.net/> (Дата посещения: 05.04.2025).

10 «Аргумент «привилегия дзайнити» – это то же самое, что и в Германии 100 лет назад». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tokyo-np.co.jp> (Дата посещения: 06.04.2025).

11 «В префектуре Гумма начался демонтаж корейских мемориалов». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.asahi.com> (Дата посещения: 06.04.2025).

нии. Движение дзайнити, включая организации Чонгрин и Миндан, активно борются за права корейского населения против его дискриминации, добиваясь существенных изменений в законодательстве и общественном мнении. С другой стороны, нативистское движение и близкая к нему организация Дзайтокукай выражают ультранационалистические и ксенофобские взгляды, приводящие к напряженности в обществе и вызывающие дискуссии о национальной идентичности и дискриминации. Радикальное нативистское движение парадоксальным образом повлияло на восприятие японским населением иностранцев, в частности, корейцев как этнического меньшинства, нуждающегося в защите собственных прав, сподвигнув ЛДП принять закон, криминализирующий «язык ненависти». Однако за последние годы реваншистские тенденции все чаще заметны не только среди сторонников расовой нетерпимости, но и в рядах правого истеблишмента, ставя под вопрос благополучие и защищенность определенных этнических групп в Японии.

Общественные движения по решению социальных проблем

Наиболее показательным примером таких движений, влияющих на внутреннюю политику государства, служит японское движение за права бездомных. Проблема малоимущих или бездомных граждан в Японии стоит не так остро, как вопросы «старения нации» или качество работы премьер-министров, однако данный кейс демонстрирует способности японского общества к сплочению и решению социальных проблем общества.

Профессор университета Киндзё Гакуин социолог Махито Хаяси в своих исследованиях выделяет в обществен-

ных движениях за права бездомных в Японии локальный и национальный уровни [3]. На локальном уровне активисты стремятся добиться поддержки малоимущих со стороны местной администрации, а также помогают бездомным, организуя пункты временного проживания, раздачу еды и одежды. Одним из примеров такой работы активистов служат трущобы Котобуки в городе Йокогама, получившие известность из-за большого количества малоимущих, проживающих там. Основным средством борьбы общественного движения за права бездомных стал Закон о государственной помощи 1950 г., реализующий норму конституции Японии: «Все имеют право на поддержание минимального уровня здоровой и культурной жизни. Во всех сферах жизни государство должно прилагать усилия для подъема и дальнейшего развития общественного благосостояния, социального обеспечения, а также народного здоровья». В ст. 3 данного закона устанавливаются понятие минимального уровня жизни, в который входит «поддержание полноценного здорового и культурного уровня жизни».¹² Для осуществления Закона о государственной помощи предусмотрены медицинские и жилищные пособия для помощи нуждающимся гражданам. Однако в большинстве случаев данный закон не распространяется на малоимущих граждан из-за нежелания органов местного управления потворствовать «саморазрушению бездомных и ослаблению трудовой этики» [3, с. 6]. Тем не менее, активистам района Котобуки удалось добиться от муниципалитета города поддержки малоимущих путем включения данной группы населения в

¹² Public Assistance Act. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp> (Дата посещения: 10.04.2025).

социальную программу помощи.

На национальном уровне участники общественного движения, в отличие от локальных активистов, стремятся добиться поддержки бездомных от центральных органов и министерств Японии. В случае «национализации» движения крайне важен широкий общественный резонанс и поддержка для актуализации проблемы в глазах истеблишмента с последующим изменением законодательства с учётом требования активистов. В контексте проблемы бездомных в Японии, резкий рост сторонников движения произошёл в 2008-2010 гг. во время мирового экономического кризиса, последствия которого наиболее болезненно ощутили тысячи низкооплачиваемых временных японских работников – «хакен» (яп. 派遣). В период экономического спада многие кампании стали отказываться от низкоквалифицированных работников. В результате часть сотрудников осталась без работы, следовательно, не могли платить за аренду жилья, становясь бездомными.

Для помощи малоимущим активисты движения и сочувствующие основали общественные организации, члены которых создавали пункты временного пребывания, палаточные городки и полевые кухни. В 2008 г. один из таких палаточных городков появился в парке Хибия в муниципалитете Тиёда (Токио) напротив центрального административного района Касумигаэки, на территории которого располагается большинство зданий-офисов кабинета министров.¹³ Расположение городка было выбрано неслучайно, в результате оно с действенной информационной агитацией активистов повлия-

ло на чиновников из Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии. Бездомные и малоимущие граждане были включены в программу социальной поддержки в рамках Закона о государственной помощи на национальном уровне. Впоследствии активисты движения и Токийская коллегия адвокатов добились реформ трудового законодательства – в 2015 г., а затем в 2020 г. правительство Японии внесло дополнительные поправки и изменения в законодательство, существенно увеличив права и льготы временных работников хакен.¹⁴

На момент 2025 г. в Японии действовало несколько общественных организаций, занимавшихся поддержкой малоимущих граждан. В большинстве случаев данные объединения основаны локальными активистами движения, отвечающими за конкретный район города. Одной из таких организаций является Саньюкай (яп. 山友会), основанная в 1984 г. в проблемном районе Санья, Токио. Цель организации – поддержка малоимущих жителей Санья, а также решение проблемы бездомности.¹⁵ Активисты Саньюкай считают, что основной причиной бездомности является их социальная изоляция, которая со временем приводит к серьёзным проблемам со здоровьем, включая психические расстройства. Главная функция организации заключается в содержании специализированной бесплатной клиники для малоимущих жителей района – врачи и волонтеры, работающие в Саньюкай, следят за физическим и ментальным состоянием бездомных и

¹³ «It takes a village to move a ministry». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.japaninc.com> (Дата посещения: 18.04.2025).

¹⁴ «Act on Securing the Proper Operation of Worker Dispatching Businesses». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp> (Дата посещения: 20.04.2025).

¹⁵ Организация Саньюкай. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sanyukai.or.jp> (Дата посещения: 20.04.2025).

проводят своевременное лечение. Помимо клиники, при Саньюкай работает бесплатная столовая-кухня, проводятся психологические тренинги и юридические консультации, предоставляется жилье, а также продается одежда и вещи первой необходимости за символическую плату. Организация ведёт учёт обратившихся за консультацией и медицинской помощью: в 2022 г. Саньюкай зарегистрировал 5496 случая обращения к активистам, что говорит о достаточно высоком уровне бедности в данном районе. Примечательно, что согласно официальным данным, в январе 2024 г. количество бездомных в Японии составляло всего 2820 человек, достигнув рекордно низкого уровня, однако в данную статистику не входят малоимущие граждане и хакен.¹⁶

Среди активистов движения нередко встречаются сами бездомные и хакен, состоящие в общественных организациях. Одним из примеров является Нодзирен (яп. のじれん) или Коалиция Свободы за Выживание и Средства к Существованию в Сибуе (яп. 渋谷 野宿者の生存と生活をかちとる自由連合). Объединение основано в 1998 г. и состоит как из самих бездомных, так и активистов общественного движения.¹⁷ Участники Нодзирен не видят в малоимущих только лишь реципиентов, нуждающихся в поддержке, а воспринимают их как «друзей», вместе решая проблему бездомности района Сибуя. Коалиция организует бесплатную уличную кухню, а также занимается консультациями, чтобы улучшить социальное положение нуждающихся

бездомных и хакен.

Общественные движения Японии по решению социальных проблем значительно влияют на внутреннюю политику страны, демонстрируя способность японского общества к мобилизации и решению социальных проблем на различных уровнях, от локального до национального. Через активизацию общественного диалога, мобилизацию ресурсов и действенные стратегии, данные движения становятся силой, формирующей политическую повестку дня и влияющей на принятие решений со стороны государственных органов. В свою очередь, реакция японского истеблишмента на инициативы этих движений демонстрирует его способность адаптироваться к новым вызовам и стремление к удовлетворению потребностей населения.

Общественные движения за равноправие мужчин и женщин

В Японии проблема дискриминации по половому признаку до сих пор остается острой темой, несмотря на то что корни движения уходят в эпоху Мэйдзи (1868-1912 гг.). Одним из первых японских феминистических объединений считается Ассоциация новых женщин (яп. 新婦人協会), основанная в 1919 г. писательницей и политическим деятелем Хирацука Райчо. За время своего существования Ассоциация после череды неудач добилась разрешения женщинам посещать политические собрания, однако запрет на голосование остался в силе. Впоследствии Хирацука Райчо стала одним из авторов новой конституции Японии 1947 г., законодательно закрепив в ней права женщин. Во второй половине XX в. феминистское движение продолжало расти, требуя от правительства равных прав для полов, включая сферу труда. В 1986 г.

¹⁶ «Number of homeless in Japan hits record low». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.japantimes.co.jp> (Дата посещения: 23.04.2025).

¹⁷ Коалиция Свободы за Выживание и Средства к Существованию в Сибуе. [Электронный ресурс] // URL: <https://nojiren.wixsite.com/index> (Дата посещения: 27.04.2025).

были приняты поправки к Закону о равных возможностях трудоустройства (1972 г.), предусматривающие созыв комиссии для решений разногласий между работодателем и женщиной-работником, а также расширяющие права сотрудниц на рабочем месте.¹⁸ Закон неоднократно дополнялся (1986, 1997, 2006 гг.) для искоренения дискриминации при приеме на работу и предотвращении сексуальных домогательств. В 2023 г. доля экономически активных женщин составляла 54,9%, что является абсолютным рекордом для Японии за всю историю страны, однако данные показатели невелики по сравнению с другими развитыми странами.¹⁹ В том же году Япония опустилась на 125 место из 146 стран в мировом рейтинге неравенства полов, уступив Республике Корея и КНР.²⁰

Проблемы с представительством женщин сохраняются и в японских институтах власти – на декабрь 2023 г. в Палате представителей (нижняя палата японского парламента) только 11% мест занимают женщины.²¹ В 2021 г. глава оргкомитета олимпиады в Токио бывший премьер-министр Японии от ЛДП Ёсиро Мори заявил, что женщины «слишком разговорчивы», поэтому встречи с женщинами-членами совета директоров «займут много времени».²²

18 Закон о равных возможностях трудоустройства. [Электронный ресурс] // URL: <https://elaws.e-gov.go.jp> (Дата посещения: 07.09.2025).

19 The World Bank's Gender Data Portal. [Электронный ресурс] // URL: <https://genderdata.worldbank.org> (Дата посещения: 15.09.2025).

20 «Japan falls to record-low 125th in global gender gap ranking». [Электронный ресурс] // URL: <https://english.kyodonews.net> (Дата посещения: 23.09.2025).

21 Number of National Diet members of the House of Representatives in Japan in December 2023. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.statista.com> (Дата посещения: 23.09.2025).

22 «Tokyo Olympics chief Yoshiro Mori 'sorry' for sexism row». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bbc.co.uk> (Дата посещения: 24.09.2025).

Данный инцидент вызвал широкий резонанс не только среди феминистских активистов, но и японского населения в целом – петиция за отставку Мори набрала около 110 тысяч голосов.²³ Под давлением общественности глава оргкомитета ушел в отставку, что стало первым случаем, когда высокопоставленный чиновник оставляет должность из-за сексистских высказываний.

Спустя несколько дней разразился новый скандал – руководство ЛДП предложило пяти женщинам-законодателям присутствовать на ключевых заседаниях руководства партии, однако ныне бывший генеральный секретарь ЛДП Тосихиро Никай предупредил, что они не получают там слова.²⁴ Тем не менее, 27 апреля 2023 г. на заседании по вопросам равенства полов бывший премьер-министр Японии Фумио Кисида поручил министрам подготовить план, согласно которому к 2030 г. женщины будут занимать не менее 30% руководящих должностей в компаниях Токийской фондовой биржи.²⁵ В подтверждение курса правительства на обеспечение равенства полов, премьер Японии 8 марта 2024 г. заявил: «Правительство будет действовать как единое целое в решении таких задач, как ускорение назначения женщин на руководящие должности в компаниях и других организациях, ... а также устранение различий в оплате труда мужчин и женщин, мы будем прилагать

23 «Japanese Women Are Fighting Back Against Pervasive Sexism». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.thenation.com> (Дата посещения: 25.09.2025).

24 «Japan's LDP party invites women to 'look, not talk' at key meetings». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bbc.co.uk> (Дата посещения: 25.09.2025).

25 «Kishida calls for plan to have women in 30% of top jobs by 2030». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.asahi.com> (Дата посещения: 26.09.2025).

все усилия для расширения прав и возможностей женщин».²⁶ Подобные шаги навстречу равенству полов и феминистическому движению крайне важны в рамках модернизации консервативного японского общества, однако быстрого решения проблемы не ожидается ввиду популярности конфуцианского идеала женщины «как хорошей жены и матери» – рёсайкэнбо (яп. 良妻賢母) в обществе [7].

Среди японских общественных объединений за права женщин следует выделить Фуданрен или Японскую федерацию женских организаций (яп. 婦団連), основанную 5 апреля 1953 г. во время Корейской войны с целью объединении женщин в их стремлении к миру.²⁷ Первым президентом объединения стала ранее упомянутая Хирацука Райчо. В 1957 г. Фуданрен стала членом Международной федерации демократических женских ассоциаций. По состоянию на 2024 г. Федерация объединяет 23 организации и около 900 тыс. членов. Целью Фуданрен является «объединение усилий, углубление дружбы и солидарности, сотрудничество друг с другом и совместная кампания за реализацию прав и свобод женщин, улучшение их положения, счастье детей, мир и независимость, демократию, преодоление всех различий в идеологии и убеждениях». Федерация сыграла историческую роль в сплочении японского женского движения и развитии движения за материнство. Объединение активно содействует солидарности и координации усилий женщин в Японии и за рубежом, борющихся за равенство

полов, мир, независимость и социальный прогресс.

Общественные движения в Японии за равноправие мужчин и женщин играют существенную роль в формировании внутренней политики страны. Феминистское движение, преимущественно состоящее из женщин, выражает запрос японского общества на масштабные структурные изменения внутри Страны Восходящего Солнца. Важным этапом в развитии движения стало создание Ассоциации новых женщин, а также принятие Закона о равных возможностях трудоустройства в 1986 г.. Несмотря на длительную историю борьбы за права женщин в Японии, дискриминация по половому признаку остается актуальной проблемой – в стране наблюдается неравенство в представительстве женщин в политической сфере и экономике, что свидетельствует о сохранении стереотипов и препятствий на пути к равенству полов. Усилия феминистских активистов и общественных движений привлекают внимание к проблеме женской дискриминации и влияют на внутреннюю политику страны, подталкивая к изменениям законодательства и общественных норм, однако прогресс в решении данных проблем остается медленным из-за сохраняющихся консервативных устоев и культурных представлений о роли женщин в обществе.

Заключение

Существует представление, что Япония является достаточно консервативным государством с сохранившимися довоенными традициями и конфуцианским мировоззрением, которые, несмотря на демократизацию общества после Второй мировой войны, преобладают над современными эмансипативными тенденциями, мешая проведению необходимых структурных реформ в стране.

²⁶ «Video Message from Prime Minister Kishida Fumio on International Women's Day». [Электронный ресурс] // URL: <https://japan.kantei.go.jp> (Дата посещения: 26.09.2025).

²⁷ Японская федерация женских организаций. [Электронный ресурс] // URL: <http://fudanren.biz> (Дата посещения: 13.10.2025).

Данная точка зрения является отчасти обоснованной, однако японское гражданское общество благодаря действующим демократическим институтам и консолидации политически активных граждан способно форсировать процессы принятия решений, вопреки позиции доминирующей Либерально-Демократической партии в руководстве страны.

В данном исследовании с учетом типологизации новых общественных движений выполнен детальный анализ влияния гражданского активизма на внутреннюю политику Японии.

Общественные движения этнического типа, включая движение дзайнити, борющееся за права корейского населения, и нативистское движение, которое выражает ультра националистические взгляды, помимо либерализации законов по пребыванию иностранцев в Японии, формируют широкий общественный диалог о национальной идентичности и вызывают дискуссии о дискриминации в японском истеблишменте. Реакция на этнические движения играет важную роль в обеспечении стабильности общества, учитывая их содействие толерантности и социальной гармонии.

Общественные движения по решению социальных проблем, включая движение за права бездомных и хакен, во многом обеспечивают способность общества к мобилизации на решение социальных проблем на различных уровнях. Активизм их участников формирует политическую повестку дня и влияет на принятие решений государственными органами местного самоуправления, улучшая качество жизни отдельных групп населения. Реакция истеблишмента на проблемы малоимущих, поднимаемые движением, подчеркивает гибкость господствующей

Либерально-Демократической партии и ее стремление к удовлетворению потребностей общества.

В общественных движениях за равноправие мужчин и женщин выявляется существенная роль феминистического движения в запросе на структурные изменения в обществе, таких как равные возможности трудоустройства и уменьшение дискриминации по половому признаку. Несмотря на продолжающиеся проблемы в области равенства полов, усилия феминистических активистов оказывают влияние на японское законодательство и общественные нормы, хотя прогресс в этой области остается медленным из-за существующих культурных представлений и стереотипов, включая идеи ресайкенбо.

В целом, новые общественные движения Японии при активной поддержке союзных им организаций, ассоциаций и объединений играют важную роль в формировании и изменении внутренней политики страны с помощью вышеизложенных действий, акцентируя и отражая всемирную динамику роста влияния общественных движений и адаптации государства к социальным вызовам.

Список литературы

1. Гринюк В. Борьба проживающих в Японии корейцев в защиту прав человека, против дискриминации // Япония наших дней. 2013. – № 2 (16). – С. 109-136.
2. Стрельцов Д. Корейское меньшинство в Японии: проблемы дискриминации и социальной дезадаптации // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. – № 4. – С. 22-38.
3. Hayashi M. Opening up the Welfare State to 'Outsiders'. Pro-Homeless Activism and Neoliberal Backlashes in Japan // Civil Society and the State in Democratic East Asia: Between Entanglement and Contention in Post High Growth. 2020. – P. 269-296.
4. Higuchi N. The 'Pro-Establishment' Radical Right Japan's Nativist Movement Reconsidered // Civil Society and the State in Democratic East Asia: Between Entanglement and Contention in Post High Growth. 2020. – P. 117-140.
5. Pichardo N. New Social Movements: A Critical Review // Annual Review of Sociology. 1997. – Vol. 23. – P. 411-430.

6. Ryang S. The Rise and Fall of Chongryun – From Chōsenjin to Zainichi and beyond // *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*. 2016. – Vol. 14. – Issue 15. – № 11. – P. 1-16.
7. Shizuko K. Ryosai Kenbo: The Educational Ideal of ‘Good Wife, Wise Mother’ in Modern Japan (The Intimate and the Public in Asian and Global Perspectives). Leiden: Koninklijke Brill NV, 2013.
8. Spaulding R.M. Jr. Imperial Japan’s Higher Civil Service Examinations. P: Princeton university press, 2015.
9. Михайлова Н.В., Нетёсов А.С. Понятие, природа и сущностные признаки политического мифа // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2026. – № 5 (215). – С. 22-27.

References

1. Grinyuk V. “The Struggle of Koreans Living in Japan to Protect Human Rights and Fight Discrimination” // *Japan Today*. 2013. – № 2 (16). – P. 109-136.
2. Streltsov D. “The Korean Minority in Japan: Problems of Discrimination and Social Maladaptation” // *East Asia: Facts and Analytics*. 2023. – № 4. – P. 22-38.
3. Hayashi M. “Opening Up the Welfare State to ‘Outsiders’. Pro-Homeless Activism and Neoliberal Backlashes in Japan” // *Civil Society and the State in Democratic East Asia: Between Entanglement and Contention in Post-High Growth*. 2020. – P. 269-296.
4. Higuchi N. The ‘Pro-Establishment’ Radical Right Japan’s Nativist Movement Reconsidered // *Civil Society and the State in Democratic East Asia: Between Entanglement and Contention in Post High Growth*. 2020. – P. 117-140.
5. Pichardo N. New Social Movements: A Critical Review // *Annual Review of Sociology*. 1997. – Vol. 23. – P. 411-430.
6. Ryang S. The Rise and Fall of Chongryun – From Chōsenjin to Zainichi and beyond // *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*. 2016. – Vol. 14. – Issue 15. – № 11. – P. 1-16.
7. Shizuko K. Ryosai Kenbo: The Educational Ideal of ‘Good Wife, Wise Mother’ in Modern Japan (The Intimate and the Public in Asian and Global Perspectives). Leiden: Koninklijke Brill NV, 2013.
8. Spaulding R.M. Jr. Imperial Japan’s Higher Civil Service Examinations. P: Princeton university press, 2015.
9. Mikhailova N.V., Netesov A.S. The concept, nature, and essential features of a political myth // *Etnosotsium and international culture*. 2026. – № 5 (215). – P. 22-27.

Земцова О.А.

Аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. АНО ВО Академия «РЖД-Медицина. ORCID: 0009-0004-2109-279X

Целевое обучение как механизм профессиональной социализации и закрепления молодежи в системе ОАО «РЖД»*

Аннотация. Статья рассматривает целевое обучение в ОАО «РЖД» как канал привлечения и этап профессиональной социализации молодежи. Анализ основан на нормативных актах, отчетности за 2025 г. и опросах студентов (n = 353), работников (n = 190), экспертов (n = 21), дополненных данными 2026 г. Отчетность отражает масштаб подготовки и молодежных мероприятий, но не связывает договоры с трудоустройством и удержанием выпускников. В независимых выборках ожидания студентов расходятся с оценкой карьерной ясности работников; наставничество и ясность карьеры связаны с намерением остаться. Гипотеза подтверждена частично: причинный эффект и связь мотивов целевиков с адаптацией и удержанием не установлены.

Ключевые слова: целевое обучение, целевой набор, профессиональная социализация, организационная адаптация, молодые работники, наставничество, удержание персонала, корпоративная молодежная политика, ОАО «РЖД».

Zemtsova O.A.

Postgraduate student. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. ANO VO Academy «RZhD-Medicine». ORCID: 0009-0004-2109-279X

Targeted education as a mechanism for the professional socialization and retention of young people in Russian railways

Abstract. The article assesses targeted education at Russian Railways as a recruitment channel and an initial stage of young employees' professional socialization. The analysis draws on current regulations, 2025 corporate reports, surveys of railway-university students (n = 353), employees (n = 190) and experts (n = 21), and separate field data from 2026. Reports show the scale of recruitment, placements and youth activities but do not link target contracts to the employment and retention of a specific graduate cohort. Independent samples show a descriptive gap between students' expectations and employees' assessment of career clarity; mentoring and career clarity are associated with employees' intention to stay. The hypothesis receives partial support: guarantees and placements shape organizational entry, but the data cannot trace an individual target student's motives through adjustment and retention. No causal effect is established.

Key words: targeted training, targeted recruitment, professional socialization, organizational adaptation, young workers, mentoring, staff retention, corporate youth policy, Russian Railways.

* © Земцова О.А., 2026.

Целевое обучение как механизм профессиональной социализации и закрепления молодежи в системе ОАО «РЖД»

Введение

Целевое обучение связывает подготовку с кадровой потребностью работодателя еще до найма. Студент выбирает профессиональный маршрут в расчете на практику, поддержку и последующую работу, но договор фиксирует обязательства, а не результат социализации: выпускнику еще предстоит освоиться в подразделении и решить, оставаться ли в компании.¹²

Исследования целевого набора последних лет посвящены правилам распределения квот, профессиональным траекториям и включению студентов в производство. Медицинские кейсы показывают, что договор и обязанность отработать не снимают вопросов об условиях и месте работы. Это сравнительный фон, а не данные о РЖД.³⁴⁵

В предыдущих публикациях автор рассматривал целевую подготовку и корпоративное обучение в сети «РЖД-Медицина». Здесь фокус сме-

щен с организации набора на связь предвходовых ожиданий с адаптацией и закреплением в железнодорожном холдинге.⁶

Управленческая проблема возникает на стыке правил приема, организационных практик и личного опыта молодого работника. Если обещанная траектория не подтверждается условиями труда, рост числа договоров не гарантирует устойчивого кадрового результата.

Исследование включает опросы студентов ПривГУПС и ОмГУПС (n = 353), работников ОАО «РЖД» (n = 190) и экспертов (n = 21), проведенные в 2023–2024 гг. на полигонах Приволжской и Западно-Сибирской железных дорог. Отдельно анализируются опросы 2026 г.: работников восьми депо (n = 95) и руководителей/инструкторов (n = 20). Массивы не объединяются; результаты не репрезентативны для всей сети.

Цель статьи – определить, при каких условиях целевое обучение поддерживает социализацию и закрепление молодежи в ОАО «РЖД». Гипотеза связывает привлекательность гарантий, практики и профессионального развития с последующим закреплением через адаптацию, наставничество и ясность карьерной траектории. Причинную связь проверить нельзя: опросы проводились на независимых выборках, без идентификатора целевого договора.

1. Целевое обучение в системе РЖД: институциональная логика и кадровый результат

Статья 56 Федерального закона № 273-ФЗ закрепляет взаимные обяза-

1 Эзрох Ю.С. Целевой приём в российские вузы: текущее состояние, проблемы и пути их решения // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 9-27. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-3-9-27.

2 Ногайлиева Ф.К. Совершенствование института целевого обучения: анализ изменений закона об образовании // Ежегодник трудового права. 2024. Т. 14. С. 28-40. – DOI: 10.21638/srbu32.2024.102.

3 Королькова Н.А., Игнатъева Е.А., Базылев Я.С. Целевое обучение как один из способов трудоустройства молодых специалистов на предприятия российской авиации: моделирование бизнес-процесса // Экономика и предпринимательство. 2022. № 10 (147). С. 908-913. – DOI: 10.34925/EIP.2022.147.10.179.

4 Шарепина Е.А., Ломанова А.К. Выгода или принуждение: восприятие программы целевого набора врачами, трудоустроившимися на периферию для отработки целевого направления // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 87-109. – DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.5.

5 Латышова А.А., Богданова Т.Г. Результаты целевого трудоустройства медицинских работников в городах и сельской местности // Менеджер здравоохранения. 2024. № 6. С. 60-67. – DOI: 10.21045/1811-0185-2024-6-60-67.

6 Земцова О.А., Огорельцева С.С. Стратегия корпоративного обучения медицинского персонала сети «РЖД-Медицина» // Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы: сборник статей конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС. Т. III. – М.: Научный консультант, 2024. С. 333-337.

тельства сторон договора о целевом обучении. Постановление Правительства РФ № 555 регулирует подачу предложений, заключение договора и организацию обучения; открытые предложения размещаются на платформе «Работа в России». Сроки и условия последующей работы определяются нормативными правилами и договором.⁷

Поправки № 447 (2025 г.) и № 640 и № 906 (2026 г.) уточнили порядок целевого обучения. Постановление № 640 действует с 1 сентября 2026 г.; № 906 вводит на 2026/27 учебный год временный бумажный порядок для предложений по программам СПО с последующим внесением сведений на платформу. Порядок зависит от года приема, уровня программы и типа заказчика. Реформа повышает процедурную определенность, но для СПО предусмотрено временное исключение из цифрового маршрута.⁸

Публичные предложения позволяют заранее сопоставить заказчиков и условия, однако формальная ясность договора не заменяет информации о рабочем месте. Исследование целевого набора врачей показывает, что механизм воспринимается и как возможность трудоустройства, и как принуждение, если условия расходятся с ожиданиями.⁹

7 Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 4 августа 2026 г.). Ст. 56 // КонсультантПлюс. – URL: статья 56 (Дата обращения: 25.10.2026). – Текст: электронный. Редакция закона от 4 августа 2026 года указана на странице КонсультантПлюс. // URL: www.consultant.ru

8 Постановление Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2025 г. № 447 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. № 555» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: официальное опубликование (Дата обращения: 25.10.2026). – Текст: электронный.

9 Шаретина Е.А., Ломанова А.К. Указ. соч. С. 87-109. Исследование основано на 21 био-

Четкие обязательства снижают неопределенность для работодателя, но сами по себе не обеспечивают удержание: для выбора важны реальные условия труда и перспективы после выпуска.

По данным Росстата, на 1 января 2024 г. в России насчитывалось 7,44 млн человек в возрасте 20–24 лет, 7,38 млн – 25–29 лет и 10,11 млн – 30–34 лет. Эта общероссийская структура не показывает доступность молодых работников для железнодорожных профессий в отдельных регионах.¹⁰

По отчету ЦКАДР за 2025 г., в РЖД работали 671 тыс. человек, из них 31,5% – моложе 35 лет; текучесть составила 13,1%. За год принято 115,4 тыс. работников, 2,0% из них отнесены к молодым специалистам. Отчет не раскрывает, сколько среди них выпускников целевого обучения и как складывается их дальнейшая занятость.¹¹

Доля молодежи в штате, общий прием и текучесть имеют разные знаменатели и не измеряют удержание целевых выпускников. В изученных отчетах также нет сопоставимых региональных данных о кадровом дефиците, конверсии предложений в договоры и закре-

графическом интервью с врачами, получившими образование по целевому направлению и трудоустроившимися в периферийные муниципальные образования Центрального федерального округа. Это отраслевой контекст сравнения, а не прямое доказательство для железнодорожной сферы. – DOI:10.19181/inter.2024.16.3.5.

10 Социальное положение и уровень жизни населения России. 2025. Табл. 3.4 «Распределение населения по полу и возрасту в 2024 г.» // URL: таблица Росстата. Данные относятся к возрастной структуре страны и сами по себе не измеряют отраслевой или региональный дефицит рабочей силы.

11 Годовой отчет ОАО «РЖД» за 2025 год. Российские железные дороги. Полезные дороги / Открытое акционерное общество «Российские железные дороги». – М.: ОАО «РЖД», 2026. 379 с. // Интерфакс: сервер раскрытия информации. – URL: архив годовых отчетов (Дата обращения: 25.10.2026). – Текст: электронный.

Таблица 1. Показатели работы с молодежью в ОАО «РЖД» за 2025 год и границы их интерпретации.

Этап	Показатель за 2025 г.	Что он отражает	Чего он не показывает
Прием	4,7 тыс. новых договоров; 23,7 тыс. обучающихся по договорам	Масштаб набора и контингента	Долю предложений, завершившихся договором, и индивидуальные траектории
Практика	21 тыс. студентов; 9,8 тыс. на оплачиваемых местах	Охват практикой и отдельными форматами	Сколько практикантов были целевиками и затем трудоустроились
Вход в штат	115,4 тыс. принятых; 2,0% в категории «молодые специалисты»	Общий поток приема и часть его структуры	Происхождение по целевому обучению и трудоустройству по специальности
Закрепление	Текущность персонала - 13,1%	Общий кадровый поток компании	Удержание целевых когорт через 12 и 36 месяцев
Молодежная политика	1 тыс. мероприятий; 200 тыс. участников	Масштаб активности	Уникальный охват и влияние на удержание

плении выпускных когорт.

В 2025 г. заключено 4,7 тыс. новых договоров о целевом обучении; по договорам с ОАО «РЖД» обучались 23,7 тыс. студентов. Практику прошли 21 тыс. человек, в том числе 9,8 тыс. на оплачиваемых местах. В пяти новых кластерах «Профессионалитета» обучались 6,6 тыс. студентов, 3,5 тыс. из них имели целевые договоры. Это разные совокупности, поэтому конверсию между показателями рассчитать нельзя.¹²

Целевая траектория включает заявку подразделения, набор, обучение и практику, выпуск, трудоустройство и адаптацию. Разрыв возможен на каждом этапе: при выборе специальности, контакте с работодателем, организации практики или объяснении перспектив после приема.¹³

¹² Годовой отчет ОАО «РЖД» за 2025 год. Российские железные дороги. Полезные дороги / Открытое акционерное общество «Российские железные дороги». – М.: ОАО «РЖД», 2026. 379 с. // Интерфакс: сервер раскрытия информации. – URL: архив годовых отчетов (Дата обращения: 25.10.2026). – Текст: электронный.

¹³ Письменная А. Б., Шарафетдинова О. С. Указ. соч. С. 53-61; Шипилова Ю. В. и др.

В 2025 г. проведено 1 тыс. молодежных мероприятий с 200 тыс. участников. Этот показатель не отражает число уникальных работников и связь участия с решением остаться. Для оценки результата нужно проследить когорту от договора до трудоустройства и работы через 12 и 36 месяцев.¹⁴

Общие показатели взяты из открытого годового отчета ОАО «РЖД», данные о целевой подготовке – из представленного автором отчета ЦКАДР за 2025 г.; отдельная открытая карточка последнего не найдена. Числа сверялись по внутреннему экземпляру отчета кадрового блока.

В опросе 2023–2024 гг. гарантию трудоустройства выбрали 23,4% студен-

Указ. соч. С. 253–258. Первая публикация рассматривает ГУП «Московский метрополитен», вторая — систему СПО Росжелдора; обе использованы как отраслевые сопоставления. – DOI: 10.30987/2782-5957-2025-6-53-61; 10.46684/2687-1033.2023.3.253-258.

¹⁴ Годовой отчет ОАО «РЖД» за 2025 год. Российские железные дороги. Полезные дороги / Открытое акционерное общество «Российские железные дороги». – М.: ОАО «РЖД», 2026. 379 с. // Интерфакс: сервер раскрытия информации. – URL: архив годовых отчетов (Дата обращения: 25.10.2026). – Текст: электронный.

тов ПривГУПС, престиж профессии – 17,9%, стабильность – 15,3%. В ОмГУПС по 52,8% студентов дали максимальную оценку профессиональному развитию и зарплате; стабильность и социальные гарантии высоко оценили 50,9%. Это студенты профильных вузов, а не выборка целевиков РЖД.

Для одних кандидатов важна предсказуемая занятость, для других – доход и развитие. Одной гарантии работы недостаточно, если неясны содержание первой должности и возможности роста.

Интервью с врачами, направленными в периферийные муниципалитеты, связывают восприятие отработки с условиями труда, жильем и отношениями с работодателем. Эти результаты нельзя переносить на железную дорогу, но они показывают значение конкретного места работы.¹⁵

Когортное исследование 177 студентов целевого набора медицинского вуза 2011 г. прослеживает путь от поступления к профессиональной траектории. Такой дизайн полезен для анализа выпускников, хотя отрасль и период отличаются от ситуации в РЖД.¹⁶

По данным 85 субъектов РФ за 2022–2023 гг., обязательства по целевому трудоустройству исполнили 60% запланированных врачей и 50% – в сельской местности. Эти показатели не переносятся на РЖД, но показывают,

что число договоров не заменяет оценку завершения маршрута.¹⁷

Кандидату нужны сведения и о договоре – сроках, обязательствах и поддержке, – и о рабочем месте: графике, нагрузке, команде и начальной должности. Первое регулируется законом, второе зависит от качества контакта с подразделением.

В авторском опросе 73,9–79,1% студентов высоко оценили понимание профессиональной роли, 69,7–76,5% – знание отраслевых норм. При оценке сменной работы, дисциплины и ответственности за безопасность уверенность была на 15–20 п. п. ниже. Интерес к отрасли не всегда означает знание повседневных условий труда.

В железнодорожной работе требования безопасности и технологический порядок задают условия адаптации. Наставник помогает освоить не только навыки, но и график, дисциплину, взаимодействие в бригаде и правила рабочего места.

В опросе работников ($n = 190$) наставник был у 167 человек (87,9%); средняя оценка наставничества – 4,08 из 5. Остаться в компании в ближайшие три года намеревались 71,1% ($n = 135$). Оценки наставничества ($r = 0,42$; $p < 0,01$) и карьерной ясности ($r = 0,47$; $p < 0,01$) положительно связаны с намерением остаться; причинность не установлена.

73,5% опрошенных были в возрасте 31–35 лет, а 56% работали в компании более трех лет. Поэтому намерение остаться характеризует главным образом уже закрепившихся работников, а не удержание выпускников целевого обучения.

¹⁵ Шарепина Е.А., Ломанова А.К. Выгода или принуждение: восприятие программы целевого набора врачами, трудоустройствами на периферию для отработки целевого направления // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 87–109. – DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.5.

¹⁶ Мещеряков А.О. Указ. соч. С. 72–84. Автор анализировал 177 записей о студентах, поступивших в ОрГМУ по целевому направлению в 2011 г.; выводы не переносятся напрямую на действующую после реформы модель целевого обучения. – DOI: 10.33029/2220-8453-2024-15-1-72-84.

¹⁷ Латышова А.А., Богданова Т.Г. Результаты целевого трудоустройства медицинских работников в городах и сельской местности // Менеджер здравоохранения. 2024. № 6. С. 60–67. – DOI: 10.21045/1811-0185-2024-6-60-67

В опросе 2026 г. в восьми депо (n = 95) 34,7% участников слабо знали о молодежных возможностях; в мероприятиях участвовали 38,9%, не участвовали – 61,1%. У 60% стаж не превышал трех лет. Это локальный срез доступности молодежной политики, а не оценка целевого обучения.

В отдельном опросе руководителей и инструкторов до 35 лет (n = 20) среди барьеров назывались разрыв стратегии и оперативных задач, бюрократизация и нехватка времени. Небольшая выборка не позволяет обобщать результаты, но показывает зависимость инициатив от загрузки руководителей.

Исследования Росжелдора и транспортного предприятия связывают целевую подготовку с практикой и комплектованием производства, но не оценивают удержание выпускников ОАО «РЖД».¹⁸

Средняя оценка карьерных ожиданий студентов составила $4,62 \pm 0,78$ балла (n = 353), карьерной ясности работников – $3,21 \pm 1,12$ (n = 190). Это описательное сопоставление независимых выборок.

Показатели не тождественны: студенты оценивали реалистичность ожиданий, работники – ясность карьерных перспектив. Без наблюдения за одной когортой нельзя утверждать, что ожидания меняются после трудоустройства; выявленное различие задает вопрос для лонгитюдного исследования.

Гарантии и практика поддерживают вход в профессию, а наставничество и карьерная ясность связаны с намерением остаться. Однако без идентификаторов договоров и наблюдения за выпускными когортами нельзя проследить

связь мотивов конкретных целевиков с фактическим удержанием.

Гипотеза подтверждена частично: результаты согласуются с аналитической моделью, но причинный эффект и фактическое удержание целевиков не установлены. Отчет РЖД за 2025 г. не содержит данных об их занятости через 12 и 36 месяцев.¹⁹

3. Заключение

В ОАО «РЖД» целевое обучение – входной этап профессиональной траектории, но не гарантия удержания. Отчетность показывает масштаб подготовки, практики и молодежных мероприятий, однако не связывает эти показатели с результатами конкретных когорт.

Мотивы студентов различаются: от стабильности до заработка и развития. Среди работников наставничество и ясность карьеры связаны с намерением остаться, но срезовая выборка не позволяет установить причинность.

Для оценки результата нужно прослеживать путь когорты от отклика и договора до практики, выпуска, соответствующего трудоустройства и работы через 12 и 36 месяцев, отдельно по профессии, уровню образования и месту назначения. Следует фиксировать пройденную практику, наставника, описание первой должности и согласованный карьерный шаг.

Гипотеза получила частичную поддержку: вход связан с гарантиями и практикой, закрепление – с адаптацией и ясностью траектории. Оценить фактическое удержание можно по когорте

18 Письменная А.Б., Шарафетдинова О.С. Роль целевого обучения в организации производства транспортного предприятия // Транспортное машиностроение. 2025. № 6. С. 53-61. – DOI: 10.30987/2782-5957-2025-6-53-61.

19 Годовой отчет ОАО «РЖД» за 2025 год. Российские железные дороги. Полезные дороги / Открытое акционерное общество «Российские железные дороги». – М.: ОАО «РЖД», 2026. 379 с. // Интерфакс: сервер раскрытия информации. – URL: архив годовых отчетов (Дата обращения: 25.10.2026). – Текст: электронный.

ным данным, которых в доступной отчетности нет.

Список литературы

1. Гневашева В.А. Современные аспекты целевой подготовки кадров // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. – № 1. – С. 24-36. – DOI: 10.17513/vaael.3206.
2. Земцова О.А., Огорельцева С.С. Стратегия корпоративного обучения медицинского персонала сети «РЖД-Медицина» // Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы: сборник статей конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС. Т. III. – М.: Научный консультант, 2024. – С. 333-337.
3. Королькова Н.А., Игнатъева Е.А., Базылев Я.С. Целевое обучение как один из способов трудоустройства молодых специалистов на предприятия российской авиации: моделирование бизнес-процесса // Экономика и предпринимательство. 2022. – № 10 (147). – С. 908-913. – DOI: 10.34925/EIP.2022.147.10.179.
4. Латышова А.А., Богданова Т.Г. Результаты целевого трудоустройства медицинских работников в городах и сельской местности // Менеджер здравоохранения. 2024. – № 6. – С. 60-67. – DOI: 10.21045/1811-0185-2024-6-60-67.
5. Мещеряков А.О. Анализ академической и профессиональной траектории студентов целевого обучения // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2024. – Т. 15. – № 1. – С. 72-84. – DOI: 10.33029/2220-8453-2024-15-1-72-84.
6. Ногайлиева Ф.К. Совершенствование института целевого обучения: анализ изменений закона об образовании // Ежегодник трудового права. 2024. – Т. 14. – С. 28-40. – DOI: 10.21638/spbu32.2024.102.
7. Годовой отчет ОАО «РЖД» за 2025 год. Российские железные дороги. Полезные дороги / Открытое акционерное общество «Российские железные дороги». – М.: ОАО «РЖД», 2026. – 379 с. // Интерфакс: сервер раскрытия информации. // URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=4543&type=2&utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 25.10.2026).
8. Письменная А.Б., Шарафетдинова О.С. Роль целевого обучения в организации производства транспортного предприятия // Транспортное машиностроение. 2025. – № 6. – С. 53-61. – DOI: 10.30987/2782-5957-2025-6-53-61.
9. Репина (Земцова) О.А. Совершенствование системы целевой подготовки медицинского персонала сети «РЖД-Медицина» // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего: сборник статей Международной конференц-сессии. Т. 2. – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2022. – С. 316-320.
10. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 4 августа 2026 г.). Ст. 56 // КонсультантПлюс. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/996280ab805aa876a422585d066764f23a792ccf/?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 25.10.2026).
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» (ред. от 18 июля 2026 г.). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475586/92d969e26c0c568b1c3d812b22bba

7ас380е7b7a/ (Дата обращения: 25.10.2026).

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2025 г. № 447 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. № 555» // Официальный интернет-портал правовой информации. // URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504080016?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 25.10.2026).
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2026 г. № 640 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. № 555» // КонсультантПлюс. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_535645/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 25.10.2026).
14. Российская Федерация. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июля 2026 г. № 906 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. № 555» // КонсультантПлюс. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_539770/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 25.10.2026).
15. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2025. Табл. 3.4 «Распределение населения по полу и возрасту в 2024 г.». // URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_2025.pdf?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 25.10.2026).
16. Шарепина Е.А., Ломанова А.К. Выгода или принуждение: восприятие программы целевого набора врачами, трудоустройствающимися на периферию для отработки целевого направления // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. – Т. 16. – № 3. – С. 87-109. – DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.5.
17. Шипилова Ю.В., Смирных Н.Г., Козлова О.Ю., Курчевская Л.В. Целевое обучение в системе среднего профессионального образования Росжелдора: организация работы, перспективы, проблемы // Техник транспорта: образование и практика. 2023. – Т. 4. – № 3. – С. 253-258. – DOI: 10.46684/2687-1033.2023.3.253-258.
18. Эзрох Ю.С. Целевой приём в российские вузы: текущее состояние, проблемы и пути их решения // Высшее образование в России. 2022. – Т. 31. – № 3. – С. 9-27. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-3-9-27.
19. Якушкина Н.А., Гаврилюк Е.С. Целевое обучение в условиях цифровой экономики: проблемы и перспективы развития механизма // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. – Т. 240. – № 2. – С. 302-326. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-240-2-302-326.

References

1. Gnevashva V.A. Modern Aspects of Targeted Training of Personnel // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. – № 1. – P. 24-36. – DOI: 10.17513/vaael.3206.
2. Zemtsova O.A., Ogoreltseva S.S. Strategy for Corporate Training of Medical Personnel of the RZD-Medicine Network // Public Administration and Development of Russia: Civilizational Challenges and National Interests: Collection of Articles from the Conference Session of the Institute of Civil Engineering and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vol. III. – Moscow: Scientific Consultant, 2024. – P. 333-337.

3. Korolkova N.A., Ignatyeva E.A., Bazylev Ya.S. Targeted Training as One of the Ways to Employ Young Specialists in Russian Aviation Enterprises: Business Process Modeling // *Economy and Entrepreneurship*. 2022. – № 10 (147). – P. 908-913. -- DOI: 10.34925/EIP.2022.147.10.179.
4. Latyshova A.A., Bogdanova T.G. Results of targeted employment of medical workers in cities and rural areas // *Healthcare Manager*. 2024. – № 6. – P. 60-67. – DOI: 10.21045/1811-0185-2024-6-60-67.
5. Meshcheryakov A.O. Analysis of the academic and professional trajectory of students of targeted training // *Medical education and professional development*. 2024. – Vol. 15. – № 1. – P. 72-84. – DOI: 10.33029/2220-8453-2024-15-1-72-84.
6. Nogaylieva F.K. Improving the Institute of Targeted Training: Analysis of Changes to the Education Law // *Yearbook of Labor Law*. 2024. – Vol. 14. – P. 28-40. – DOI: 10.21638/spbu32.2024.102.
7. Annual Report of JSC Russian Railways for 2025. Russian Railways. Useful Roads / Open Joint-Stock Company Russian Railways. Moscow: JSC Russian Railways, 2026. – 379 p. // Interfax: information disclosure server. // URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=4543&type=2&utm_source=chatgpt.com (25.10.2026).
8. Pismennaya A.B., Sharafetdinova O.S. The Role of Targeted Training in Organizing Production at a Transport Enterprise // *Transport Engineering*. 2025. – № 6. – P. 53-61. – DOI: 10.30987/2782-5957-2025-6-53-61.
9. Repina (Zemtsova) O.A. Improving the System of Targeted Training of Medical Personnel in the Russian Railways-Medicine Network // *Public Administration and Development of Russia: Designing the Future: Collection of Articles from the International Conference Session*. Vol. 2. – Moscow: Publishing House "Scientific Library", 2022. – P. 316-320.
10. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" (as amended on August 4, 2026). Art. 56 // ConsultantPlus. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/996280ab805aa876a422585d066764f23a792ccf/?utm_source=chatgpt.com (10.25.2026).
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 27, 2024 No. 555 "On Targeted Training in Secondary Vocational and Higher Education Programs" (as amended on July 18, 2026). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475586/92d969e26c0c568b1c3d812b2bba7ac380e7b7a/ (October 25, 2026).
12. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 7, 2025 No. 447 "On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation of April 27, 2024 No. 555" // Official Internet Portal of Legal Information. // URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504080016?utm_source=chatgpt.com (25.10.2026).
13. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 29, 2026 No. 640 "On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation of April 27, 2024 No. 555" // ConsultantPlus. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_535645/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?utm_source=chatgpt.com (25.10.2026).
14. Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation of July 18, 2026 No. 906 "On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation of April 27, 2024 No. 555" // ConsultantPlus. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_539770/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?utm_source=chatgpt.com (October 25, 2026).
15. Social Status and Standard of Living of the Population of Russia. 2025. Table 3.4 "Population Distribution by Gender and Age in 2024". // URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_2025.pdf?utm_source=chatgpt.com (25.10.2026).
16. Sharepina E.A., Lomanova A.K. Benefit or Coercion: Perception of the Targeted Recruitment Program by Doctors Employed in the Periphery to Complete a Targeted Referral // *Interaction*. Interview. Interpretation. 2024. – Vol. 16. – № 3. – P. 87-109. – DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.5.
17. Shipilova Yu.V., Smirnykh N.G., Kozlova O.Yu., Kurchevskaya L.V. Targeted Training in the System of Secondary Vocational Education of Roszheldor: Organization of Work, Prospects, and Problems // *Transport Technician: Education and Practice*. 2023. – Vol. 4. – № 3. – P. 253-258. – DOI: 10.46684/2687-1033.2023.3.253-258.
18. Ezrokh Yu.S. Targeted Admission to Russian Universities: Current Status, Problems, and Solutions // *Higher Education in Russia*. 2022. – Vol. 31. – № 3. – P. 9-27. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-3-9-27.
19. Yakushkina N.A., Gavriluk E.S. Targeted Training in the Digital Economy: Problems and Prospects for the Development of the Mechanism // *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2023. – Vol. 240. – № 2. – P. 302-326. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-240-2-302-326.

Культурология

CULTURAL STUDIES

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти», руководитель проекта.

Рябова Е.И.

Кандидат политических наук. Юрист, Главный редактор журнала «Альманах Крым». Ученый секретарь Учёного совета Севастопольского филиала АТусО.

Чистый код бытия: числовая символика фонтана*

Аннотация. В статье исследуется связь фонтанов с математикой – от сакральной геометрии и числовой символики до современных технологических решений. Показывается, как математические принципы (золотое сечение, числа Фибоначчи, платоновы тела, фракталы) воплощаются в архитектуре и дизайне фонтанов, формируя их эстетику и символическое значение. Особое внимание уделено числовой символике (числа 4, 8, 12), которая отражает представления о космическом порядке, цикличности и гармонии. Прослеживается историческая связь фонтанов с трудами известных математиков – от Герона Александрийского до Г.В. Лейбница. Отдельно рассмотрены современные арт-объекты на стыке математики, воды и технологий – например, фонтан Datafountain, визуализирующий динамику финансовых рынков. Статья демонстрирует, как фонтан становится не просто инженерным сооружением, а «языком богов», соединяющим абстрактные математические идеи с материальной формой и культурными смыслами.

Ключевые слова: фонтан, математика, сакральная геометрия, золотое сечение, числа Фибоначчи, числовая символика, платоновы тела, фракталы, гидравлика, арт-объект.

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "The Power of History and the History of Power", and Project Manager.

Ryabova E.I.

Candidate of Political Sciences, Lawyer, Editor-in-Chief of the journal "Almanac of Crimea". Academic Secretary of the Academic Council of the Sevastopol Branch of the Academy of Historical and Cultural Studies.

The pure code of being: the numerical symbolism of a fountain

Abstract. This article explores the relationship between fountains and mathematics, from sacred geometry and numerical symbolism to modern technological solutions. It demonstrates how mathematical principles (the golden ratio, Fibonacci numbers, Platonic solids, and fractals) are embodied in the architecture and design of fountains, shaping their aesthetics and symbolic meaning. Particular attention is paid to numerical symbolism (the numbers 4, 8, and 12), which reflects ideas about cosmic order, cyclicity, and harmony. The historical connection between fountains and the works of famous mathematicians is traced, from Heron of Alexandria to G.W. Leibniz. Contemporary art objects at the intersection of mathematics, water, and technology are also examined, such as the Datafountain, which visualizes the

* © Терновая Л.О., Рябова Е.И., 2026.

Применение инклюзивного дизайна в цифровом пространстве

dynamics of financial markets. The article demonstrates how a fountain becomes not just an engineering structure, but a “language of the gods,” connecting abstract mathematical ideas with material form and cultural meanings.

Key words: fountain, mathematics, sacred geometry, golden ratio, Fibonacci numbers, numerical symbolism, Platonic solids, fractals, hydraulics, art object.

Фонтан – это не просто вода, бросившая вызов гравитации. Это материализованная идея «золотого сечения» и фрактальной геометрии, позволяющая посетителю не просто увидеть, но и ощутить на подсознательном уровне ту самую «божественную пропорцию», которая лежит в основе красоты мироздания. Таким образом, шум воды и игра света становятся проводниками к древним, зашифрованным в математике, тайнам бытия. Эта связь позволяет сместить фокус с водного потока на математический каркас, который его и организует. Такая «математическая» перспектива открывает глубокий символический слой, связывающий фонтан с понятиями мироустройства, цикличности и гармонии, которые с древних времен зашифрованы в числах и фигурах, одновременно скрывающих и обнажающих смыслы игры живой воды¹.

В основе связи формы и материи лежит не просто символика чисел, а их соединение в закономерностях, подмечаемых сакральной геометрией, позво-

ляющей увидеть эти формы как каркас, душой которого выступает вода, наполняющая их жизнью, совместная работа души и каркаса создает мощный посыл во внешний мир².

Сама молекула воды может быть представлена как живая геометрия, всем прекрасно известно, молекула H_2O имеет угол между атомами водорода, равный $\sim 104.45^\circ$ ³. Поразительно, но этот угол является прямым следствием геометрии «золотого сечения» (Ф ϕ , ϕ) и лежит в основе ее уникальных свойств. Получается, что вода служит выражением самой природы, воплотившей математическую идею в реальность. Золотое сечение является, пожалуй, самым знаменитым математическим принципом, лежащим в основе красоты. Фонтаны, спроектированные с его использованием, воспринимаются как идеально гармоничные и живые, так как пропорция 1:1.618 повторяется везде – от раковины улитки до спирали галактики. Считается, что такая архитектура «божественна» по своей природе и позитивно заряжает энергию воды. Яркие примеры этой спирали мы наблюдаем в Фонтане львов в Альгамбре (исп. *Fuente de los Leones*) и многих дру-

1 Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Власть математики: невидимая сила, управляющая миром // Власть истории и история власти. 2026. Том 12. Часть 1. (№ 67). С. 261-271; Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Математика исторического нарратива: порядковая нумерация событий и ее роль в формировании коллективной памяти // Власть истории и история власти. 2026. Том 12. Часть 2. (№ 68). С. 303-313; Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Математика мирового порядка: задачи по геополитике и международным отношениям: учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2026; Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Предметное поле антропологии математики в контексте международных отношений // Культура мира. 2026. Том 14. Выпуск 1. (№ 52). С. 153-161.

2 Лолор Р. Сакральная геометрия. Философия и практика. – М.: Варфоломеев А.Д., 2010; Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Сакральная геометрия. – СПб.: Издательство института метафизики, 2004.

3 Зацепина Г.Н. Физические свойства и структура воды. – М.: изд. Московского университета, 1987; Фок М.В. Геометрическая форма молекул воды // Краткие сообщения по физике Физического института им. П.Н. Лебедева Российской Академии Наук. 2002. № 3. С. 28-32.

гих парковых ансамблях мира⁴.

Математический взгляд на фонтаны заставляет почувствовать движение как гармонию. Статичный геометрический узор этих объектов, например квадрат чаши, словно оживает благодаря динамике воды. Вода, ниспадая по каскадам и разбиваясь на струи, создает новую, постоянно меняющуюся форму – «живую геометрию». Она не поддается статическому описанию, но подчиняется тем же физическим и математическим законам.

Форму спирали (золотая или Архимедова) можно с полным правом назвать квинтэссенцией движения и эволюции. В фонтане она может быть выражена в изогнутых струях, закручивающихся потоках или обнаруживаться в структуре водоворота. Данный мощный символ круговорота жизни, энергии и эволюции вода проявляет наиболее наглядно.

Любой фонтан представляет не просто набор труб и чаш, а может быть прочитан как застывшее в камне и воде математическое уравнение, ибо архитектура и дизайн этого сооружения часто подчиняются строгим числовым законам, которые несут в себе определенный смысл.

Выделим лишь три примеры числовой символики фонтана. Число 4 – одно из самых распространенных и мощных чисел, символизирующее стабильность и материальный мир, требующее размышлений о космическом порядке. Четыре чаши фонтана, четыре струи, четыре украшающие его скульптуры отсылают к четырем сторонам света, четырем стихиям, четырем временам года. Такой фонтан становится точкой кристаллизации пространства, его организующим центром. Число 8

транслирует идеи бесконечности и равновесия. В сакральной геометрии восьмерка, лежащая на боку, выступает как знак бесконечности, символизирующий вечное движение и обновление. В архитектуре фонтан с восемью струями или колоннами становится метафорой циклического времени и космического равновесия. Число 12 передает смыслы завершенности цикла, поскольку дюжина, двенадцать понимается как число абсолютной гармонии и полноты: двенадцать месяцев, знаков зодиака, апостолов. Фонтан, построенный по этому принципу, символизирует идеальный, законченный миропорядок, где все находится на своем месте.

В сакральной геометрии каждой стихии соответствует свой идеальный многогранник. Платоновы тела корреспондируются со стихиями. Двадцатигранник – икосаэдр – одновременно и символ, и геометрическое воплощение воды. Если архитектура фонтана содержит этот элемент, то он становится не просто сооружением, а алхимическим инструментом для работы с самой стихией⁵.

Фракталы и Числа Фибоначчи: Фракталы – это узоры, которые повторяют сами себя в любом масштабе. Именно так устроены, например, водные струи или каскад чаш в многоуровневом фонтане. Это отсылает нас к ряду Фибоначчи – математическому коду, по которому природа строит свои творения: раковины, цветы, ураганы, – превращая инженерное сооружение в отражение самой жизни. Также здесь есть прямая отсылка и имени первого крупного математика средневековой Европы Леонардо Пизанского (около

4 Грицак Е. Н. Кордова и Гранада. – М.: Вече, 2006. С. 131.

5 Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / пер. с англ. и предисл. В. Целищева. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

1170 – около 1250) известного под этим прозвищем. Одно из самых прямых воплощений его идеи – фонтан *Lake Fibonacci* в Мэриленде, который был создан как математическая скульптура в честь этого знаменитого ученого. Автором объекта стал художник и математик Хеламан Фергюсон (1943 – 2016). Созданная им форма фонтана описывается не эстетическим капризом, а математической функцией $f(x) = [(1 + \sqrt{5})/2]^{(1/x)}$, которая отсылает к золотому сечению. Кроме того, 14 водяных пушек в этом фонтане расположены на расстоянии, пропорциональном числам Фибоначчи, а сама конструкция поднимается на 18 футов и весит более 45 тонн⁶.

Благодаря такому прочтению сакральной геометрии, в которой числа обретают форму, фонтан оказывается трехмерной иллюстрацией древних законов мироздания. Четко выявляется соотношенность этого объекта с главной целью сакральной геометрии, состоящей в том, чтобы воссоединить человечество с космосом. Тогда фонтан выступает как зримый и чувственный «язык богов».

К проектированию фонтанов часто привлекались лучшие математические умы. В эпохи Возрождения и Просвещения вспыхнул забытый с античных времен интерес к гидравлике. Многие ведущие ученые того времени консультировали монархов по вопросам обустройства садов и парков. Французский инженер Саломон де Косс (1576 – 1626), называвший себя «архитектором-математиком», был одним из пионеров систематизации знаний о гидравлике. Он проектировал великолепные сады с фонтанами, а его труды, такие как

«*Les raisons des forces mouvantes*», стали настольными книгами для строителей фонтанов по всей Европе⁷.

Великий голландский математик, астроном и физик Христиан Гюйгенс (1629 – 1695) помимо своего знаменитого маятникового механизма, работал в Париже над созданием сложнейших водных систем для садов короля Людовика XIV. Он даже изобрел специальный прибор для измерения рельефа, чтобы прокладывать водные артерии для фонтанов Версаля.

Гениальный немецкий философ и математик, создатель дифференциального и интегрального исчисления Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646 – 1716) также не остался в стороне от увлеченности магией фонтана. Сохранился его собственноручный чертёж, датированный 1716 г., с проектом фонтана для дворца Херренхаузен (нем. *Schloss Herrenhausen*) в Ганновере, что подтверждает его интерес к практической гидравлике.

То, что вода может говорить на языке цифр, доказывает необычный объект, известный как «валютный фонтан». Это – арт-объект *Datafountain* (с англ. – «Информационный фонтан»), который создал голландский художник и философ Коэрт ван Менсвурт (р. 1974). Он представляет собой мобильную инсталляцию, где вода в прямом смысле превращается в живые графики финансовых рынков. *Datafountain* – мобильный фонтан размером 5 x 4 x 3 метра, который подключен к интернету. Три его струи соответствуют курсу доллара США, евро и японской иены. Фонтан каждые 5 секунд скачивает актуальные котировки. Управляющая программа с

6 A Fibonacci Fountain [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.sciencenews.org/article/fibonacci-fountain>.

7 Caus S. de. *Les raisons des forces mouvantes avec diuerses machines tant vtiles que plaisantes: aus quelles sont adioints plusieurs desseings de grotes et fontaines*. A Francfort: En la boutique de Jan Norton, 1615.

помощью частотного модулятора меняет давление в насосах, и высота струй меняется в соответствии с колебаниями курса валют. Например, когда доллар дорожает, струя доллара взлетает выше.

Этот фонтан можно назвать настоящим мостом между интересом к математической символике воды и миром современных технологий. Данный проект, появившийся еще в 2004 г., стал одним из первых примеров «спокойных технологий» (англ. *calm technology*) – идеи, согласно которой полезная информация не должна кричать с экранов, а может быть ненавязчиво интегрирована в окружающую среду. Для автора этот проект был ответом на вопрос: почему, выходя на улицу, мы можем узнать погоду одним взглядом, а за курсом акций или валют нужно специально идти в интернет? Он хотел создать спокойный, естественный объект, который не отвлекал бы, а мягко вплетал биржевую информацию в нашу повседневность. Инсталляция побывала на нескольких выставках в Нидерландах, включая Амстердам. Детали о его нынешнем местонахождении или статусе сообщаются на сайте художника или в его фонде *Next Nature*.

Можно найти и другие, близкие по духу *Datafountain* сплавы искусства, воды и денег, где скульпторы и архитекторы осмысливают тему денег через образ воды или фонтана. Так, бронзовая конструкция Фонтана Богатства в Сингапуре в виде кольца на четырех наклонных опорах символизирует процветание, единство и равенство всех рас и религий в стране. Вода льется не наружу, а внутрь кольца, что согласно фэншуй способствует сохранению богатства. Масштабная инсталляция в Нидерландах *The Exchange* (автор – датский художник и скульптор Роб Вурман (р. 1966)) была построена в 2016 г.

прямо над существующим водопадом. Она представляла собой банк, где посетители могли получить специальную валюту, ценность которой зависела не от золота, а от экологического состояния конкретного квадратного метра земли на планете. Вода здесь символизирует не природную стихию, которой угрожает промышленное производство и бытовое загрязнение⁸. Канадская художница Дженин Марш в своей инсталляции воссоздала форму «коллджа желаний» внутри галереи. В фонтане лежат поддельные монеты, которые были намеренно деформированы – согнуты, пробиты или раздавлены. Так автор рассуждает о природе ценности, показывая, что деньги перестают быть таковыми, когда теряют свою привычную форму. Для парижского монетного двора в 2022 г. художница Бина Байтел создала огромный надувной фонтан желаний золотого цвета. Он стал ироничным комментарием к ритуалу загадывания желаний с помощью брошенной в фонтан монетки, соединив классическую архитектуру фонтана с формой обычного пластикового бассейна.

Связь фонтанов с математикой и математиками многогранна. Непосредственно ее воплощающие фонтаны представляют собой удивительный мост между абстрактным миром математических идей и реальной, осязаемой формой. Если *Lake Fibonacci* является своеобразной математической скульптурой, то существуют фонтаны, которые выступают прямым воплощением научного наследия своих создателей или, напротив, связаны с их судьбой.

8 Вознесенский И.С., Вражнова М.Н., Миронова Т.А., Терновая Л.О., Шастина А.Е. Социальная экология и кадровая безопасность: Учебное пособие / Под редакцией М.Н. Вражновой и Л.О. Терновой. – М.: Международный издательский центр «Город XXI век», 2022.

Некоторые имена настолько слились с историей гидравлики, что стали для нее архетипом. Фонтан имени древнегреческого ученого и механика Герона Александрийского, жившего второй половине I в. н. э., пожалуй, не просто водный объект, названный в честь математика, а собственно устройство, которое он изобрел около двух тысяч лет назад⁹. Его знаменитый фонтан Герона работает без внешнего источника энергии, используя разницу давлений в сосудах, что делает его наглядной демонстрацией законов физики на протяжении двух тысячелетий.

Хотя сама площадь Архимеда в Сиракузах названа в его честь, фонтан на ней (итал. *Fontana di Diana*) посвящен не этому выдающемуся античному ученому, а богине Диане (Артемиде). Однако по иронии судьбы, неподалеку находится «Глаз Архимеда» – фонтан-скульптура, выполненная в виде гигантского спиралевидного водоворота, напоминающего архимедову спираль, которую этот великий математик описал в своем труде.

Есть фонтаны с математическим подтекстом, рожденные историей и анекдотом. Они доказывают, что когда связь ученого с фонтаном оказывается забавной или даже анекдотичной, это делает ее еще более запоминающейся. Например, фонтан «(Не)состоявшейся Мечты Фридриха Великого, или Где подвел Эйлер» рассказывает историю о том, как прусский король Фридрих Великий поручил Леонарду Эйлеру (1707 – 1783) рассчитать гидравлику для гигантского фонтана в

Сан-Суси. Эйлер блестяще справился с задачей, выполнив настоящий «математический тур де форс». Он рассчитал необходимое давление и выяснил главную проблему: трубы, которые король собирался использовать (деревянные с квадратным сечением), просто разорвало бы от колоссального давления. Эйлер однозначно рекомендовал использовать металлические трубы меньшего диаметра. Король, посчитавший Эйлера занудой, пренебрег его расчетами. Результат был предсказуем: деревянные трубы лопнули, а фонтан так и не заработал. Таким образом, проект провалился не из-за ошибки математика, а из-за некачественных деревянных труб и некомпетентных инженеров, но король предпочел винить во всем «своего Циклопа» Эйлера. Этот фонтан можно считать символом неверно истолкованного научного подхода. В сердцах Фридрих воскликнул: «Моя мельница была построена по математическим расчетам, и она не смогла поднять и капли воды на пятьдесят футов! Вот тщета математики!». Печально, что по воле самодурства монарха, блестящий математик получил репутацию неудачника, хотя его расчеты были единственно верными.

Фонтан Штифеля на рыночной площади в Аннабурге, создан в 1996 – 1997 гг. дрезденским скульптором Винценцем Ваничке в память о монахе и математике, одном из изобретателей логарифмов, активном деятеле протестантской Реформации Михаэле Штифеле (около 1487 – 1567), который в 1533 г. вычислил дату конца света. Конечно, предсказание не сбылось, а фонтан служит своеобразным напоминанием о том, как даже самые блестящие умы могут увлекаться своими идеями. Скульптурная композиция фонтана аллегорически изображает ситуацию, связанную с

9 Храмов Ю.А. Герон Александрийский (Heronus Alexandrinus) // Физики: Биографический справочник / Под ред. А.И. Ахиезера. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1983. С. 81; Щетников А.И. Формула Герона: читаем древний математический текст // Математика. 2006. № 20 (610). С. 27-28.

этим предсказанием. Пастор Штифель изображен стоящим на вершине готового разорваться глобуса, из трещины которого вытекает вода. Вокруг – страх и отчаяние, а также напряженное ожидание, но любопытно, что собаку, которая также присутствует в композиции, это не беспокоит – она, как обычно, поднимает ногу, что символизирует надежду на спасение.

Известен также обряд омовения у Кастальского источника. Этот знаменитый источник в Дельфах, связанный с музами, является классическим примером непрямого посвящения. Согласно традиции, именно у этого источника омывались пифии и паломники, и его посещение связывали с Пифагором и его учением о гармонии и очищении.

Открытые пространства позволяют представить фонтаны как дань уважения ученым. Многие из подобных фонтанов расположены в публичных местах, становясь частью городской среды и напоминая прохожим о великих умах. Например, урна-фонтан *Beltrami Urn Fountain* названа в честь итальянского математика Эудженио Бельтрами (1835 – 1900), известного своими работами по неевклидовой геометрии. Фонтан *Ohmbrunnen* (Фонтан Ома) в Эрлангене в Германии был построен в начале XX в. для украшения парка, названного в честь Георга Симона Ома (1878 – 1854), автора знаменитого закона Ома. Правда, сам фонтан не имеет никаких математических отсылок, являясь скорее данью памяти этому выдающемуся ученому.

Все приведенные выше примеры доказывают, что современный фонтан унаследовал глубокую традицию, уходящую корнями не только в эзотерические учения, но и строгие математические модели, раскрывающие гармонию природы и также берущие начало в

древности. Архитектор, закладывая в его основу четыре чаши или восемь колонн, бессознательно или сознательно обращается к числовым архетипам, которые веками служили для человека символами космического порядка и стабильности. И сейчас этот код позволяет не только расшифровывать послания прошлого, но и создавать такие водные объекты, которые смогут прочитывать люди в будущем.

Список литературы

1. Вознесенский И.С., Вражнова М.Н., Миронова Т.А., Терновая Л.О., Шастина А.Е. Социальная экология и кадровая безопасность: Учебное пособие / Под редакцией М.Н. Вражновой и Л.О. Терновой. – М.: Международный издательский центр «Город XXI век», 2022. – 212 с.
2. Грицак Е.Н. Кордова и Гранада. – М.: Вече, 2006. – 222 с.
3. Зацепина Г.Н. Физические свойства и структура воды. – М.: изд. Московского университета, 1987. – 171 с.
4. Лолор Р. Сакральная геометрия. Философия и практика. М.: Варфоломеев А.Д., 2010. – 112 с.
5. Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Сакральная геометрия. – СПб.: Издательство института метафизики, 2004. – 632 с.
6. Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Власть математики: невидимая сила, управляющая миром // Власть истории и история власти. 2026. – Том 12. – Часть 1. (№ 67). – С. 261-271.
7. Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Математика исторического нарратива: порядковая нумерация событий и ее роль в формировании коллективной памяти // Власть истории и история власти. 2026. – Том 12. – Часть 2. (№ 68). – С. 303-313.
8. Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Математика мирового порядка: задачи по геополитике и международным отношениям: учебное пособие. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2026. – 116 с.
9. Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Предметное поле антропологии математики в контексте международных отношений // Культура мира. 2026. – Том 14. – Выпуск 1. (№ 52). – С. 153-161.
10. Фок М.В. Геометрическая форма молекул воды // Краткие сообщения по физике Физического института им. П.Н. Лебедева Российской Академии Наук. 2002. – № 3. – С. 28-32.
11. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / пер. с англ. и предисл. В. Целищева. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 957 с.
12. Храмов Ю.А. Герон Александрийский (Heropus Alexandrinus) // Физики: Биографический справочник / Под ред. А.И. Ахиезера. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1983. – С. 81.
13. Щетников А.И. Формула Герона: читаем древний математический текст // Математика. 2006. – № 20 (610). – С. 27-28.

14. A Fibonacci Fountain [Электронный ресурс].
// URL: <https://www.sciencenews.org/article/fibonacci-fountain>.

15. Caus S. de. Les raisons des forces mouuantes avec diuerses machines tant vtilles que plaisantes: aus quelles sont adioints plusieurs desseings de grotes et fontaines. A Francfort: En la boutique de Jan Norton, 1615. – 182 p.

References

1. Voznesensky I.S., Vrazhnova M.N., Mironova T.A., Ternovaya L.O., Shastina A.E. Social Ecology and Personnel Security: A Textbook / Edited by M.N. Vrazhnova and L.O. Ternova. – Moscow: International Publishing Center “City of the XXI Century”, 2022. – 212 p.
2. Gritsak E.N. Cordoba and Granada. – Moscow: Veche, 2006. – 222 p.
3. Zatsepina G.N. Physical Properties and Structure of Water. – Moscow: Moscow University Press, 1987. – 171 p.
4. Lawlor R. Sacred Geometry. Philosophy and Practice. Moscow: Varfolomeev A.D., 2010. – 112 p.
5. Neapolitansky S.M., Matveev S.A. Sacred Geometry. – St. Petersburg: Publishing House of the Institute of Metaphysics, 2004. – 632 p.
6. Ternovaya L.O., Chapkin N.S. The Power of Mathematics: The Invisible Force Governing the World // The Power of History and the History of Power. 2026. – Volume 12. – Part 1. (№ 67). – P. 261-271.
7. Ternovaya L.O., Chapkin N.S. The Mathematics of Historical Narrative: The Ordinal Numbering of Events and Its Role in the Formation of Collective Memory // The Power of History and the History of Power. 2026. – Volume 12. – Part 2. (№ 68). – P. 303-313.
8. Ternovaya L.O., Chapkin N.S. The Mathematics of World Order: Problems in Geopolitics and International Relations: A Study Guide. Moscow: International Publishing Center “Ethnosocium”, 2026. – 116 p.
9. Ternovaya L.O., Chapkin N.S. Subject Field of the Anthropology of Mathematics in the Context of International Relations // Culture of the World. 2026. – Vol. 14. – Issue 1. (№ 52). – P. 153-161.
10. Fock M.V. The Geometric Shape of Water Molecules // Brief Communications on Physics of the Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences. 2002. – № 3. – P. 28-32.
11. Hall M.P. Encyclopedic Exposition of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian Symbolic Philosophy / translated from English and foreword by V. Tselishchev. – Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003. – 957 p.
12. Khramov, Yu.A. Heron of Alexandria (Heronus Alexandrinus) // Physics: Biographical Handbook / Ed. by A.I. Akhiezer. 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: Nauka, 1983. – P. 81.
13. Shchetnikov A.I. Heron’s Formula: Reading an Ancient Mathematical Text // Mathematics. 2006. – № 20 (610). – P. 27-28.
14. A Fibonacci Fountain [Electronic resource]. // URL: <https://www.sciencenews.org/article/fibonacci-fountain>.
15. Caus S. de. Les raisons des forces mouuantes avec diuerses machines tant vtilles que plaisantes: aus quelles sont adioints plusieurs desseings de grotes et fontaines. A Francfort: En la boutique de Jan Norton, 1615. – 182 p.

Белякова И.Г.

Профессор департамента языковой подготовки Общеакадемического факультета. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Культурная адаптация в многоязычной среде современного высшего учебного заведения*

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к культурной адаптации студентов вузов, коммуникативной адаптации, в частности, в рамках изучения предметов, непосредственно связанных с межкультурной коммуникацией. Опираясь на постулаты теории коммуникативной адаптации, автор выдвигает гипотезу о необходимости применения комбинации различных приемов в рамках методики смешанного обучения иностранных языков, включая цифровые сервисы образовательной платформы СДО Moodle. Рассматриваются тактики дистанционного обучения, обсуждаются способы их реализации и эффективность, включая отдельные сервисы и инструменты платформы для выработки иноязычной межкультурной компетентности в билингвальной и мультилингвальной среде; делается вывод о важности совершенствования применения новых подходов и цифровых инструментов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурная адаптация, коммуникативная адаптация, многоязычие, межкультурная компетентность, смешанное обучение, дистанционное обучение.

Belyakova I.G.

Professor of the Department of Language Training, General Academic Faculty, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Cultural adaptation in the multilingual environment of a modern higher education institution

Abstract. The article discusses modern approaches to cultural adaptation of university students, communicative adaptation, in particular, in the framework of studying subjects directly related to intercultural communication. Based on the postulates of the theory of communicative adaptation, the author hypothesizes the need to use a combination of various techniques within the framework of the methodology of blended learning of foreign languages, including the digital services of the educational platform Moodle. Distance learning tactics are considered, ways of their implementation and effectiveness are discussed, including individual services and platform tools for developing foreign-language intercultural competence in a bilingual and multilingual environment; it is concluded that it is important to improve the use of new approaches and digital tools.

Key words: intercultural communication, cultural adaptation, communicative adaptation, multilingualism, intercultural competence, blended learning, distance learning.

Глобализационные трансформации последних десятилетий, включающие в себя стремительно возрастающий демографический, социокультурный, эконо-

* © Белякова И.Г., 2026.

Культурная адаптация в многоязычной среде современного высшего учебного заведения

мический, и информационный обмен, привели к значительному увеличению межкультурной коммуникационной активности. Эти процессы проявляются в последние десятилетия и в сфере академического образовательного обмена, они привели к интернационализации образовательного процесса. Все больше людей, включая студенческую среду, особенно в крупных городах становятся вовлеченными в самые разнообразные мультикультурные контакты. Это особенно показательно для агломераций с присутствием представителей разных культур и носителей разных языков. Ряд исследователей отмечали, что Нью-Йорк, США является городом, где живут, работают и взаимодействуют носители более 800 языков. Еще в 1994 году Дж. Эдвардс отмечал, что быть двуязычным и многоязычным коммуникантом — это нормальная необходимость для большого количества людей [1, с. 15]. Согласно теории коммуникативной адаптации (Communication Accommodation Theory) в мире постоянно происходят активные процессы языкового приспособления. Как пример, исследователями приводятся ситуации общения двуязычных собеседников, когда один обращается к другому с просьбой на одном из языков. Возможны три типа ответов: на языке обращения полностью, на языке, отличном от языка обращения, и на сочетании двух языков. Если коммуниканты владеют несколькими языками, то помимо этих вариантов возможны комбинации из более, чем двух языков. В рамках этих трех возможных вариантов такие собеседники могут использовать один и тот же язык, при этом они могут разнообразить коммуникацию с помощью других лингвистических (например, акцента, лексики и т.д.), дискурсивных и невербальных особенностей [2, с. 164].

Когда участники общения используют сочетания языков, могут быть варианты использования двух или более языков в одном предложении [3, с. 415].

Считаем важным выделить основные постулаты данной теории для последующего обсуждения их влияния на осмысление практических подходов в работе по обучению иностранному языку, иностранному языку в профессиональной сфере, деловому иностранному языку в группах смешанного социокультурного и языкового состава.

1) На многоязычную коммуникацию влияют не только особенности непосредственной ситуации и первоначальные ориентации участников на нее, но и социально-исторический контекст, в котором происходит взаимодействие. Например, на выбор языка при ситуации обычного бытового общения могут повлиять ситуации конфликтов между другими членами этих двух групп или статьи в средствах массовой информации.

2) Многоязычное общение может напрямую отражать принадлежность коммуникантов к социокультурным группам. Исследователи приводят пример города Монреаля (Канада), где англоязычные жители относятся к франкоязычным гораздо лучше в процессе коммуникации, когда те разговаривают на английском языке [4, с. 45].

3) У участников взаимодействия есть ожидания относительно оптимального уровня их собственной адаптации и собеседника к многоязычию. Эти ожидания могут основываться на стереотипах о членах другого языкового сообщества, способах ведения межгруппового бизнеса и преобладающих социальных и ситуативных нормах. Происходит некая калибровка количества и качества необходимых

приспособлений в межкультурном общении, которая может привести к отказу от взаимодействия или продолжении его только строго определенным образом.

Существует множество причин, по которым билингвы и мультилингвы прибегают к изменению своих языковых привычек, в том числе, невозможность найти нужное слово на своем языке в данный момент, предоставление другим возможности попрактиковаться в своих языках, желание с помощью юмора подчеркнуть свою демократичность и космополитическую идентичность или принадлежность к определенному сообществу. Теория коммуникативной адаптации предполагает моделирование мотивов таких ситуаций с точки зрения баланса социально-психологических процессов, фокусируясь на социальной интеграции и дифференциации.

Опираясь на вышесказанное, отметим важность владения иностранным языком студентами в процессе культурной адаптации, говоря конкретно, для обучения и последующей трудовой деятельности; при этом, необходимость оптимизации подходов к изучению предметов иностранный язык и иностранный язык в профессиональной сфере в высшей школе в условиях интернационализации образовательного процесса трудно переоценить.

Значимость владения иностранным языком трактуется в этой связи не только как необходимый атрибут для повседневной жизни, работы, взаимодействия с людьми, освоения навыков межкультурной коммуникации, но для осознания своей собственной социальной и культурной идентичности и последующего развития [5, с. 65].

Методика смешанного обучения, основной целью которой является

выработка умений и навыков межкультурной компетентности, предполагает набор современных практик, совмещающий задания традиционных методик, коммуникативных подходов и современные интерактивные задания на основе применения цифровых инструментов. Особенно эффективными в группах со смешанным составом студентом, принадлежащим различным культурным группам и владеющими несколькими языками, являются различные проектные задания, отдельные кейсы, ролевые игры разных видов и структурных составов. Такие задания требуют тщательной подготовки со стороны преподавателей и студентов, составление сценария и четкого распределения ролей. Примером таких заданий может быть проведение пресс-конференций, открытых дискуссий, дебатов. Участие в таких проектах помогает не только развивать практические умения и навыки иноязычной межкультурной коммуникации, но и развивает общекультурный и страноведческий кругозор студентов, снижая стрессовую нагрузку от недостаточного владения иностранным языком и знания культурных традиций страны изучаемого языка. На примере учебного проекта «Предвыборные дебаты кандидатов в мэры города» отметим, что студенты сами участвуют в разработке сценария и распределения ролей, причем включаются элементы подготовленных выступлений и вопросов, так и эпизодов спонтанной речи для отработки навыков устной и письменной публичной речи.

По нашим многолетним наблюдениям в учебных группах важно правильно выстраивать алгоритм применения интерактивных методов, в частности, в проекте иностранные студенты должны участвовать на всех этапах – от опре-

деления проблемы, постановки задач, выдвижения гипотезы, обсуждения методов проектирования, анализа полученных результатов до подготовки презентации, подведения итогов, формулировки выводов [6, с. 1070]. Такие занятия, на наш взгляд, особенно эффективны в очном формате при непосредственном взаимодействии студентов и преподавателя с задействованием всех форм коммуникации.

В настоящее время дистанционный формат обучения стал реальностью во всех высших учебных заведениях. Тем не менее, для успешного внедрения электронных образовательных ресурсов в практику высшей школы при обучении иностранному языку нужно обеспечить возможность уникального выбора и сочетания инструментов преподавателями.

При организации дистанционного обучения иностранному языку в группах со смешанным составом с наличием иностранных студентов, а также в группах, состоящих только из иностранных студентов, с использованием образовательной платформы СДО Moodle может быть рекомендовано применение тактик контекстуального перехода, преодоления языковых барьеров, формирования мотивации и погружения в языковую среду. Отдельно отметим, что платформа Moodle помогает преподавателям структурировать обучение по модулям и отдельным темам. Также, в соответствии с каждым из вышеперечисленных тактик или подходов обучающиеся получают доступ в цифровом формате к необходимым материалам для процесса обучения и освоения необходимых умений и навыков в области изучаемого иностранного языка. Тактика контекстуального перехода базируется на цикличном переходе с одного языка

на другой во время учебного занятия. Заметим, что речь идет не о простом механическом переводе, а чередующемся использовании двух языков, учитывая характер изучаемого материала и уровня межкультурной языковой компетентности студентов.

Важно отметить, что основная цель любого акта коммуникации, учебного в том числе, является понимание услышанного, прочитанного материала. На пути полного понимания в группах со смешанным лингвистическим и культурным составом всегда стоят межкультурные барьеры, одной разновидностью которых являются языковые барьеры. Именно метод преодоления языковых барьеров может способствовать доступности учебного материала для студентов, не владеющих изучаемым иностранным языком на требуемом уровне, в билингвальной образовательной среде, в частности. Метод безусловно снижает информационную и когнитивную нагрузку у студентов за счет использования сервиса Яндекс Переводчик и быстрого перевода заданий, важных терминов и других составляющих занятия. Студенты не испытывают стрессовую нагрузку, а усвоении нового материала становится более быстрым и эффективным при снижении возникновения языковых проблем.

Формирование мотивации у иностранных студентов в формате билингвального дистанционного обучения с использованием образовательной платформы Moodle проходит постоянно в рамках интерактивных форм взаимодействия, а именно форумов, чатов, с интеграцией внешних сервисов, таких как МТС Линк, Яндекс. Переводчик в образовательную платформу Moodle. Формирование мотивации происходит за счет поддержания доброжелательной атмосферы обучения; студенты чув-

ствуют себя вовлечённым в процесс обучения, уверенными при любом уровне владения изучаемым языком и языком страны пребывания. Сервисы «Форум» и «Чат» значительно повышают мотивацию студентов, так как предоставляют возможности для свободного общения студентов на любые темы, не только непосредственно по возникающим трудностям в обучении, но и вопросам культуры страны изучаемого языка. При этом, процесс мотивации может быть усилен, если преподаватель модерировать процессы обсуждения и сам активно участвует в дискуссиях, давая уместные комментарии.

Следует особо отметить, что при использовании методики смешанного обучения иностранному языку предполагается широкое использование различных форм и приемов ролевой игры. Эти приемы очень эффективны при очных форматах обучения, так как позволяют пользоваться всей палитрой невербального общения, что может быть крайне необходимо в группах со смешанным лингвистическим и культурным составом студентов. При проведении онлайн-занятий эти практики нельзя игнорировать полностью; напротив, с использованием сервиса МТС Линк можно проводить мини-игры, дискуссии, пресс-конференции. Это способствует вовлечённости студентов в учебный процесс, развивая умения и навыки устной речи, аудирования через непосредственное взаимодействие. Возможности платформы, такие как функция демонстрации экрана обеспечивают наглядность учебного контента для студентов. Значительно повышают мотивацию студентов сервисы «Квиз», «Задание», «Глоссарий», за счет создания интерактивного контента и игровых компонентов.

Если говорить о тактике погруже-

ния в языковую среду, как часть культурной и коммуникативной адаптации, то она является неотъемлемой частью уже обсужденных ранее тактик для билингвального дистанционного обучения. Реконструкция приближенных к реальной жизни эпизодов межкультурной коммуникации, в которых студенты используют иностранный язык в спонтанном и подготовленном заранее дискурсе требует полное или частичное погружение студентов в иноязычную среду, требуя от студента необходимых знаний и навыков общения. Отдельно хочется отметить, что реализация тактики погружения в языковую среду может быть осуществлена посредством видеоконференций МТС Линк. Преподаватель, умело пользуясь этой возможностью, должен вовлекать студентов в подготовленную и спонтанную дискуссию по изучаемой теме. Также, как упоминалось ранее, элементы некоторых видов ролевых игр, например, подготовительный этап некоторых кейсов, разработка проектов могут быть эффективно применены в формате видеоконференций при применении дополнительных опций сервиса МТС Линк, таких как автоматические субтитры, демонстрация экрана, чат, совместное использование доски. Тактика погружения в языковую среду может быть эффективна только при тщательной подготовке и проработки сценариев для синхронных сессий в МТС Линк., поэтому до онлайн-занятия преподавателям рекомендуется использовать дополнительные ресурсы «Книга», «Страница», «Файл».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы, возникающие при культурной адаптации студентов в условиях многоязычных студенческих коллективов, могут быть успешно решены в рамках реализации таких пред-

метов, как иностранный язык и иностранный язык в профессиональной сфере, основной целью которых является формирование межкультурной компетентности. Современные методологические подходы в рамках методики смешанного обучения иностранному языку и цифровые инструменты дистанционного обучения в рамках сервисов образовательной платформы СДО Moodle могут быть успешно интегрированы в учебный процесс в высшей школе в условиях интернационализации; однако, их правильное сочетание для постоянного и эффективного использования требует уточнения и дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. Edwards John. Multilingualism. London: Routledge. 1994. – 286 p.
2. Giles, Howard. Communication accommodation theory: 'When in Rome...' or not! In Leslie A. Baxter and Dawn O. Braithewaite (eds.), *Engaging Theories in Interpersonal Communication*. 2008. – P. 161-173.
3. Sachdev, Itesh and Bourhis, Richard Y. Multilingual communication. In W. Peter Robinson and Howard Giles (eds.), *The New Handbook of Language and Social Psychology*. 2001. – P. 407-428.
4. Johnson Fern. *Speaking Culturally: Language Diversity in the United States*. Thousand Oaks, CA: Sage. 2000. – 425 p.
5. Белякова И.Г. Межкультурная коммуникация и мультикультурализм. Транснациональная компетентность в эпоху глобализации. Общество: философия, история, культура. 2016. – С. 64-65.
6. Белякова И.Г., Беляков Н.В. Совершенствование навыков межкультурной коммуникации в условиях мультикультурной образовательной среды вуза. *Аллея науки*. 2025. – Т. 2. – № 1 (100). – С. 1067-1072.
7. Королёва Э.В., Волынчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2025. – № 9 (207). – С. 62-73.

References

1. Edwards John. Multilingualism. London: Routledge. 1994. – 286 p.
2. Giles, Howard. Communication accommodation theory: 'When in Rome...' or not! In Leslie A. Baxter and Dawn O. Braithewaite (eds.), *Engaging Theories in Interpersonal Communication*. 2008. – P. 161-173.
3. Sachdev, Itesh and Bourhis, Richard Y. Multilingual communication. In W. Peter Robinson and Howard Giles (eds.), *The New Handbook of Language and Social Psychology*. 2001. – P. 407-428.
4. Johnson Fern. *Speaking Culturally: Language Diversity in the United States*. Thousand Oaks, CA: Sage. 2000. – 425 p.

5. Belyakova I.G. Intercultural Communication and Multiculturalism. *Transnational Competence in the Age of Globalization. Society: Philosophy, History, Culture*. 2016. – P. 64-65.
6. Belyakov I.G., Belyakov N.V. Improving Intercultural Communication Skills in a Multicultural University Educational Environment. *Alley of Science*. 2025. – Vol. 2. – № 1 (100). – P. 1067-1072.
7. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a "political person" // *Etnosotsium and international culture*. 2025. – № 9 (207). – P. 62-73.

Сузукей В.Ю.

Доктор культурологии, главный научный сотрудник. Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл.

Специфика звуковой системы тувинской инструментальной музыки*

Аннотация. Статье рассматривается специфика звуковой системы тувинской традиционной инструментальной музыки. Показано, что тувинская музыкальная традиция не может быть адекватно описана только в категориях европейского музыкознания, ориентированного на дискретную высотность, нотную фиксацию и тонально-функциональные связи. Для тувинской инструментальной музыки, а также для хоомея определяющее значение имеет бурдонно-обертоновая организация звука, в которой устойчивый основной тон и подвижные обертоны образуют единый акустический комплекс. В статье уточняется различие между высотно ориентированной и тембро ориентированной системами звукового мышления, анализируется роль бурдона, обертонового спектра, акустической турбулентности, микрохроматики, конструкции инструмента и исполнительских приемов.

Особое внимание уделено хомусу, хоомею, игилу, бызаанчы и другим традиционным инструментам, в которых тембр выступает не внешней окраской уже готовой мелодии, а самостоятельным структурообразующим фактором. На основе полевых наблюдений и анализа традиционной исполнительской практики показано, что настройка тувинского инструмента в традиционной культуре понималась не как соотнесение каждой струны с фиксированной высотой, а как достижение единого звучания бурдонно-обертонового комплекса. Сделан вывод о необходимости изучения тувинской инструментальной музыки не только по нотным расшифровкам, но и с учетом фонических, эргологических, акустических и культурно-семантических параметров звучания.

Ключевые слова: тувинская инструментальная музыка, хоомей, бурдон, обертоны, акустическая турбулентность, тембр, этнический звукоидеал, игил, хомус, этномузыкалогия.

Suzukey V.Yu.

Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socioeconomic Research, Kyzyl.

Specifics of the sound system of Tuvan instrumental music

Abstract. The article examines the specifics of the sound system of traditional Tuvan instrumental music. It is shown that Tuvan musical tradition cannot be adequately described only through the categories of European musicology, which is mainly focused on discrete pitch, notation and tonal-functional relations. In Tuvan instrumental music, as well as in khoomei, the drone-overtone organization of sound is of primary importance: a stable fundamental tone and mobile overtones form a single acoustic complex. The article clarifies the distinction between pitch-oriented and timbre-oriented systems of musical thinking and analyzes the role of drone, overtone spectrum, acoustic turbulence, microchromatics, instrument construction and performing techniques.

Particular attention is paid to the khomus, khoomei, igil, byzaanchy and other traditional in-

* © Сузукей В.Ю., 2026.

Специфика звуковой системы тувинской инструментальной музыки

struments, in which timbre functions not as an external coloring of a melody but as an independent structural factor. Based on field observations and analysis of traditional performance practice, the article shows that tuning a Tuvan instrument in traditional culture was understood not as correlating each string with a fixed pitch, but as achieving a unified sound of the drone-overtone complex. The conclusion is made that Tuvan instrumental music should be studied not only through musical notation, but also through phonic, ergological, acoustic and cultural-semantic parameters of sound.

Key words: Tuvan instrumental music, khoomei, bourdon, overtones, acoustic turbulence, timbre, ethnic sound ideal, igil, khomus, ethnomusicology.

Введение

Традиционная музыка Тувы давно воспринимается как один из наиболее ярких феноменов музыкальной культуры Центральной Азии. Ее узнаваемость связана не только с высоким исполнительским мастерством музыкантов, но и с особой организацией звука. Именно звуковая система обеспечивает устойчивость традиции, ее способность сохранять собственную природу даже в условиях модернизации, профессионализации и активного взаимодействия с мировой сценой.

Изучение тувинской музыки с середины XX века выявило ряд методологических трудностей. Традиционная инструментальная музыка Тувы не всегда поддается описанию в привычных категориях европейского музыкознания. Европейская теория музыки исторически выработала инструментарий для анализа высотной организации, ладотональных отношений, гармонической вертикали, метроритмических структур и нотной фиксации. Однако в тувинской традиции значительная часть музыкального материала организована иначе: не как последовательность отдельных высотных единиц, а как объемный, многослойный звуковой процесс, где решающее значение имеет тембр, бурдон, обертоновый спектр и способ извлечения звука.

Еще А.В. Анохин обращал внимание

на необычность звукового строения тувинского хоомея и предполагал, что за этим явлением скрывается особая музыкальная концепция, не совпадающая с известными европейскими теоретическими моделями. Позднее А.Н. Аксенов показал внутреннюю связь хоомея с инструментальной традицией, указав, что горловое пение и игра на хомусе основаны на близких принципах образования мелодических звуков [1]. Эти наблюдения остаются принципиально важными для дальнейшего понимания тувинской звуковой культуры.

Цель статьи состоит в выявлении специфики бурдонно-обертоновой звуковой системы тувинской инструментальной музыки и в определении ее значения для формирования этнического звукоидеала тувинцев.

Для достижения данной цели необходимо решить несколько задач: разграничить высотно ориентированную и тембро ориентированную системы звуковой организации; рассмотреть бурдонно-обертоновый принцип как основу тувинского инструментального мышления; проанализировать роль акустической турбулентности в возникновении обертонового звучания; показать значение конструкции инструмента, материала струн, резонатора и исполнительских приемов; уточнить традиционное понимание настройки инструмента.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили данные многолетних полевых наблюдений автора, беседы с тувинскими народными исполнителями и мастерами, анализ звучания традиционных инструментов, а также труды по тувинской музыке, этноорганологии, музыкальной акустике и теории тембра.

В качестве теоретической основы используются исследования А.Н. Аксенова, Н.А. Гарбузова, Е.В. Гиппиуса, И.В. Мациевского, Л.Б. Дмитриева, Б.П. Чернова, В.Т. Маслова, В.В. Мазепуса, Т. Левина, К. Фейлс, О.К. Леданга и других авторов. Особое значение имеет теория контонации И.В. Мациевского, поскольку она позволяет рассматривать традиционные музыкальные культуры не только через высотно-интонационные связи, но и через темброво-фонические, эргологические и пространственные параметры звука [11].

Методологическую основу исследования составили сравнительно-типологический, этномузыкологический, акустико-аналитический и культурологический методы. Сравнительно-типологический метод позволил сопоставить бурдонно-обертоновую систему тувинской музыки с европейской высотно ориентированной системой. Этномузыкологический подход использовался при анализе традиционной исполнительской практики и полевых материалов. Акустико-аналитический метод применялся при рассмотрении природы обертонов, турбулентности и тембрового спектра. Культурологический метод позволил связать звуковую систему с этническим звукоидеалом и представлениями носителей традиции.

Результаты и обсуждение

В тувинской традиционной музы-

кальной культуре можно выделить две разные системы звуковой организации. Первая система является высотно ориентированной. К ней относятся короткие песни – кыска ырлар, кожамыктар, детские песни и ряд других вокальных жанров. Их звуковая организация строится на последовательности отдельных высотных единиц, каждая из которых воспринимается как самостоятельный мелодический элемент. Такая музыка относительно легко фиксируется в нотной записи и может анализироваться средствами традиционного музыкознания.

В полевой практике это различие хорошо осознавалось самими носителями традиции. Народный мастер Идамчап Хомушку, объясняя отличие вокальной музыки от инструментальной, говорил, что песню может исполнить любой человек, «который может рот открывать». В этом высказывании не содержится пренебрежения к песенной традиции; оно указывает на то, что песня воспринималась как более доступная форма музыкального выражения, основанная на последовательной смене звуков.

Вторая система – бурдонно-обертоновая. Именно она определяет специфику тувинской инструментальной музыки, всех основных разновидностей хоомея и частично протяжных песен. В этой системе звучание строится не на линейной последовательности отдельных высот, а на одновременном существовании устойчивого бурдона и подвижных обертонов. Здесь мелодическое начало не отделяется от тембрового: оно возникает внутри самого звучащего тона, благодаря изменению резонаторных условий, исполнительских приемов и акустических свойств инструмента.

Идамчап Хомушку точно сформулировал это различие, говоря, что музыку

игила, хомуса или шоора невозможно просто напеть «на ля-ля-ля». В отличие от песни, такую музыку нельзя воспроизвести без соответствующего источника звука. Это не мелодия в обычном смысле, которую можно перенести на любой голос или инструмент, а звучание, возникающее только в конкретной системе взаимодействия бурдона, обертонов, материала инструмента и техники исполнения.

В европейской музыкальной практике бурдон также известен. Он может звучать в органной музыке, фольклорных традициях, хоровом пении, на волейке и других инструментах. Однако в большинстве таких случаев бурдон и мелодия распределены между разными источниками звука. Если убрать бурдон, мелодия продолжит существовать как самостоятельная линия.

В тувинской бурдонно-обертоновой системе ситуация иная. Бурдон и обертоновая мелодия имеют общий источник. Если исчезает бурдон, вместе с ним исчезает и обертоновая линия, поскольку она не существует отдельно от основного тона. Это принципиальное отличие тувинской традиции от бурдонных практик, где основной тон и мелодия функционально разделены.

Такая система характерна для хомуса, игила, бызаанчы, шоора, дошпулуура, чанзы, чадагана, а также для хоомея, сыгыта, каргыраа и других разновидностей горлового звукоизвлечения. Во всех этих случаях музыкальный образ создается не только высотой звука, но и внутренним движением тембра, мерцанием обертонов, изменением плотности и пространственной глубины звучания.

К. Фейлс, анализируя природу тембра, писала о «парадоксе тембра»: тембр часто воспринимается как нечто вторичное по отношению к высоте, хотя в

реальном восприятии именно он может определять узнаваемость и смысл музыкального звучания [13]. В тувинской музыке этот парадокс проявляется особенно ясно: тембр здесь не украшает мелодию, а формирует ее.

Одним из ключевых понятий для описания тувинской бурдонно-обертоновой системы является акустическая турбулентность. Под этим термином в данном контексте понимается особое состояние звукового потока, при котором основной тон не остается замкнутой и неподвижной звуковой единицей, а как бы раскрывается в системе слышимых обертонов.

При игре на хомусе турбулентность возникает за счет взаимодействия вибрирующего язычка, рамки инструмента, полости рта и дыхательного потока исполнителя. В.В. Мазепус отмечал, что при достаточно интенсивном дыхании во время игры на варгане проявляется сложный эффект, связанный с турбулентностью воздушного потока, что способствует поддержанию непрерывного звучания [10]. О.К. Леданг также связывал гармонический спектр варгана с турбулентностью окружающего воздуха, возникающей при движении язычка между гранями рамки инструмента [8].

Сходный принцип действует и в хоомее. Л.Б. Дмитриев, Б.П. Чернов и В.Т. Маслов, исследуя механизм сыгыта, писали о возникновении аэродинамического свиста при определенном давлении воздушного потока и особом сужении резонаторного канала [6]. В этом случае человеческий голосовой аппарат функционирует как сложный музыкальный инструмент, где основной тон и обертоновая линия образуются в результате точного управления дыханием, гортанью, полостью рта и артикуляцией.

А.Н. Аксенов подчеркивал, что хомей и игра на хомусе основаны на общей технике образования мелодических звуков. Различие между ними состоит не в принципе звуковой организации, а в способе получения остигатной опоры: в одном случае ее создает голосовой аппарат, в другом – язычок хомуса [1].

Привычное определение хоомея как «горлового пения» не вполне точно отражает природу этого явления. Разумеется, термин широко закрепился в научной и популярной литературе, однако с точки зрения звуковой организации хоомей ближе к инструментальному искусству, чем к обычному вокальному пению.

В песне голос производит последовательность высотных звуков. В хоомее голосовой аппарат становится инструментом, создающим бурдонно-обертоновую структуру. Исполнитель извлекает устойчивый основной тон, а затем управляет обертоновым спектром, выделяя из него мелодические элементы. Поэтому хоомей можно рассматривать как искусство «игры горлом», где человеческое тело выступает не только источником голоса, но и резонаторным инструментом.

Эта особенность сближает хоомей с хомусом, игилом и другими традиционными инструментами Тувы. Во всех случаях важна не только высота, но и способ возникновения звука, его внутренняя наполненность, обертоновая плотность и тембровая подвижность.

Особый интерес представляет реализация бурдонно-обертоновой системы на струнных инструментах – прежде всего на игиле и бызаанчы. В европейской акустике описание обертонового ряда обычно строится на примере металлической или иной однородной

струны. Такая струна имеет относительно стабильные физические параметры и в поперечном сечении может рассматриваться как единое тело.

Волосяная струна тувинских инструментов устроена иначе. Она состоит из пучка отдельных волосков, каждый из которых обладает собственной микродинамикой колебаний. При игре смычком форма такой струны не остается идеально ровной и однородной. В месте трения смычка и в зоне контакта с пальцами она постоянно изменяется. В результате возникает сложный акустический комплекс, где основной тон сопровождается богатым и подвижным обертоновым спектром.

Эта неоднородность не является дефектом. Напротив, она составляет одно из условий специфического звучания тувинских инструментов. Пучок волос, настроенных в единую звуковую зону, создает множество микроколебаний, которые формируют плотность, мерцание и пространственность тембра. Поэтому замена волосяных струн металлическими в процессе модернизации инструмента неизбежно меняет саму природу звучания.

Именно по этой причине традиционные мастера, даже используя современные материалы, часто выбирают тонкую леску, а не металлическую струну. Пучок лески по своей структуре ближе к пучку волос, чем к единой металлической струне. Такое решение можно рассматривать не просто как бытовую замену материала, а как интуитивное сохранение акустического принципа традиционного инструмента.

Специфика тувинских инструментов проявляется не только в материале струн, но и в общей эргологии инструмента. При игре на игиле струны не прижимаются к грифу так, как это происходит на скрипке или виолонче-

ли. Используется прием суйбап ойнар – «играть, поглаживая». При игре на бызаанчы пальцы левой руки находятся под струнами, что также говорит о принципиально иной логике звукоизвлечения.

Иная и постановка правой руки. У исполнителей на европейских смычковых инструментах натяжение волос смычка фиксировано, и музыкант во время игры не регулирует его пальцами. В тувинской традиции пальцы правой руки активно участвуют в изменении натяжения волос смычка. Тем самым исполнитель управляет не только высотой и ритмом, но и самим качеством звукового потока.

Эти особенности показывают, что игил и скрипка не являются вариантами одного и того же инструмента. Их объединяет только общий смычковый принцип. По способу звукоизвлечения, роли резонатора, характеру работы левой и правой рук, материалу струн и звуковому идеалу они принадлежат к разным системам музыкального мышления.

Настройка инструмента в тувинской традиции также отличается от академической практики. В европейской оркестровой культуре настройка начинается с эталонной высоты, чаще всего ля первой октавы. Затем остальные струны соотносятся с этой высотой через интервалы кварты или квинты. Такая система основана на представлении о фиксированной звуковысотной шкале.

В традиционной тувинской культуре не существовало понятия эталонной высоты настройки в европейском смысле. Исполнитель не стремился привести инструмент к заранее заданной ноте. Две струны игила настраивались относительно друг друга до достижения чистого природного консонанса, чаще

всего квинты. Важно было не совпадение с высотами до, ре, ми, фа, соль, ля, си, а возникновение единого звучащего комплекса.

Показателен полевой эпизод, связанный с исполнителем Салчаком Шомбулом. Когда его попросили отдельно провести смычком по каждой открытой струне, чтобы зафиксировать настройку игила, он несколько раз проводил смычком по двум струнам одновременно. Для него настройка не была звучанием одной струны. Настройка существовала только как соотношение двух струн, как их выравнивание и слияние в едином бурдонно-обертоновом поле.

Этот пример показывает, что традиционное понимание настройки связано не с отдельной высотой, а с качеством совместного звучания. Одна открытая струна сама по себе еще не образует настройки инструмента. Настройка возникает тогда, когда две струны начинают звучать как единый консонантный комплекс.

Высотный уровень настройки мог быть ниже или выше в зависимости от состояния исполнителя, его настроения, физического самочувствия, ситуации исполнения. Народные музыканты различали уровни настройки как кошкак – слабый, низкий; ортумак – средний; дынзыг – напряженный, высокий. Эти категории отражают не абстрактную высотную шкалу, а живую связь инструмента с состоянием исполнителя.

В академической инструментальной культуре размер инструмента строго связан со строем, мензурой, толщиной струн, расстоянием между ладками, акустическим расчетом корпуса. Нарушение этих параметров может привести к фальши или технической непригодности инструмента.

В традиционной тувинской культуре размер инструмента не имел такой жесткой связи с фиксированной высотной системой. Игил мог иметь значительные различия по общей длине, но при этом сохранял свою функцию и звуковую природу. Размер инструмента соотносился скорее с телом конкретного исполнителя, чем с универсальной акустической нормой. Мастер мог измерять части инструмента по длине собственных пальцев – сөөм и карыш. В этом смысле традиционный инструмент был глубоко эргономичен: он создавался не для стандартизированного оркестрового строя, а для индивидуального сольного музицирования.

Необходимость унификации размеров возникла позднее, при попытках создания ансамблей и оркестров национальных инструментов. В советский период модернизация тувинских инструментов включала замену волосных струн металлическими, кожаных дек деревянными, приближение струн к грифу, введение ладков и изменение исполнительской постановки. Такие преобразования фактически переводили инструмент из бурдонно-обертоновой системы в равномерно-темперированную. В результате инструмент становился удобнее для оркестровой практики, но утрачивал значительную часть своего традиционного тембрового своеобразия.

Одной из проблем изучения тувинской инструментальной музыки является чрезмерная опора на нотную расшифровку. Нотная запись фиксирует прежде всего высотную и ритмическую сторону звучания. Однако бурдонно-обертоновая музыка содержит параметры, которые не сводятся к высоте и длительности. Тембр, обертоновая плотность, микрохроматика, пространственность, характер атаки звука и его

внутренняя динамика в обычной нотной записи отражаются лишь частично или не отражаются вовсе.

Если при анализе тувинской музыки учитывать только обертоновую мелодию и игнорировать непрерывно звучащий бурдон, то сама природа явления оказывается искаженной. Бурдон в этой системе не является фоном или аккомпанементом. Он является источником, из которого рождается обертоновая линия. Поэтому анализ только «мелодии» без учета бурдона и тембрового спектра приводит к потере главного.

Музыка существует прежде всего как звучание, а не как графическая запись. Нотная фиксация может быть полезна, но она не должна подменять собой слуховой, акустический и исполнительский анализ. Для тувинской инструментальной традиции особенно важно рассматривать звук в момент его возникновения, поскольку именно там проявляются свойства, недоступные чисто нотному описанию.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что тувинская традиционная инструментальная музыка основана на особой бурдонно-обертоновой системе звуковой организации. Эта система принципиально отличается от европейской высотно ориентированной модели, где основное внимание направлено на дискретные звуки, интервалы, аккорды и тональные связи.

В тувинской инструментальной музыке основным структурообразующим фактором выступает тембр. Бурдон, обертоны, акустическая турбулентность, материал струн, форма резонатора, техника смычка, положение рук исполнителя и традиционная настройка образуют единую систему. В ней звук мыслится не как отдельная

высотная точка, а как объемное акустическое поле.

Хоомей, хомус, игил, бызаанчы и другие формы тувинского музицирования демонстрируют общую логику звукового мышления. В каждом случае мелодическое начало возникает внутри бурдонно-обертонового комплекса, а не накладывается на него извне. Поэтому тувинскую инструментальную традицию невозможно полноценно понять только через нотную запись или категории европейской гармонической теории.

Попытки модернизации тувинских инструментов, связанные с заменой материалов, стандартизацией размеров и подчинением равномерно-темперированному строю, во многом изменяли их звуковую природу. Однако устойчивость традиции проявилась в том, что современные исполнители вновь обращаются к фольклорным вариантам инструментов, стремясь сохранить характерный тембровый звукоидеал.

Перспектива дальнейших исследований связана с междисциплинарным изучением тувинской бурдонно-обертоновой музыки. Необходимы совместные исследования этномузыкологов, акустиков, культурологов, лингвистов, физиологов голоса и специалистов по музыкальной психологии. Только такой подход позволит описать тувинскую звуковую систему не как отклонение от европейской нормы, а как самостоятельную и внутренне целостную модель музыкального мышления.

Список литературы

1. Аксенов А.Н. Тувинская народная музыка. – М.: Музыка, 1964. – 255 с.
2. Анохин А.В. Материалы из фондов редких книг и рукописей Краеведческого музея г. Томска. Извлечение из описи № 14. Частный фонд А.В. Анохина // Рукописный фонд ТНИИЯЛИ – ТИГИ – ТИППИ. Д. 864. – С. 19.

3. Гарбузов Н.А. Зонная природа звуковысотного слуха. М.; – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. – 84 с.
4. Гиппиус Е.В. Предисловие редактора // Аксенов А.Н. Тувинская народная музыка. – М.: Музыка, 1964. – С. 5-14.
5. Дмитриев Л.Б., Чернов Б.П., Маслов В.Т. Тайна тувинского «дуэта», или Свойство гортани человека формировать механизм аэродинамического свиста. Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория, 1992. – 88 с.
6. Долженкова О.В. Этническая культура на глобальной орбите: феномен пространственного развития тувинской народной музыки // Новые исследования Тувы. 2019. – № 3. – С. 52-65. // URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/864> – DOI: 10.25178/nit.2019.3.5.
7. Левин Т., Сузукей В.Ю. Музыка новых нomaдов: горловое пение в Туве и за ее пределами. – М.: Классика-XXI, 2012. – 336 с.
8. Мазепус В.В. О физических основах звукообразования при игре на варганах // Музыкальная этнография Северной Азии. Новосибирск, 1989. – С. 158-159.
9. Мациевский И.В. Интонация, контонация и формообразовательные универсалии в музыке европейской и внеевропейской, традиционной и современной // Музыка народов мира: проблемы изучения: материалы международных научных конференций. Вып. 1. – М.: Московская консерватория, 2008. – С. 15-38.
10. Музыкальная акустика / под общ. ред. Н. А. Гарбузова. – М.: Музгиз, 1954. – 236 с.
11. Сузукей В.Ю. Музыкальная культура Тувы в XX столетии. – М.: Композитор, 2007. – 408 с.
12. Сузукей В.Ю. Проблемы научного изучения и практического освоения тувинской музыки: на примере тувинского инструментального искусства // Новые исследования Тувы. 2017. – № 4. – С. 141-159. // URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/705>
13. Fales C. The Paradox of Timbre // Ethnomusicology. 2002. – Vol. 46. – № 1. – P. 56-95. – DOI: 10.2307/852808.
14. Ledang O.K. On the Acoustics and the Systematic Classification of the Jew's Harp // Yearbook of the International Folk Music Council. 1972. – Vol. 6. – P. 95-103.
15. Bergevin C., Bergevin T.A., Migliorini R., et al. Overtone Focusing in Biphonic Tuvan Throat Singing // eLife. 2020. – Vol. 9. – Article e50476. – DOI: 10.7554/eLife.50476.
16. Аджигова А.М. Ингушское общество в период революции и гражданской войны (1917-1920 гг.) // Власть истории и История власти. 2025. – Том 11. – Часть 4. – № 62. – С. 167-175.

References

1. Aksenov A.N. Tuvan folk music. – M.: Muzyka, 1964. – 255 p.
2. Anokhin A.V. Materials from the collections of rare books and manuscripts of the Tomsk Museum of Local Lore. Extract from inventory № 14. Private fund A.V. Anokhina // Manuscript collection TNIYALI – TIGI – TIGPI. D. 864. – P. 19.
3. Garbuzov N.A. Zonal nature of pitch hearing. M.; – L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. – 84 p.
4. Gippius E.V. Editor's Preface // Aksenov A.N. Tuvan folk music. – M.: Muzyka, 1964. – P. 5-14.
5. Dmitriev L.B., Chernov B.P., Maslov V.T. The Secret of the Tuvan "Duet," or the Property of the Human

Larynx to Form the Mechanism of Aerodynamic Whistles. Novosibirsk: Novosibirsk State Conservatory, 1992. – 88 p.

6. Dolzhenkova O.V. Ethnic Culture in Global Orbit: The Phenomenon of Spatial Development of Tuva Folk Music // *New Studies of Tuva*. 2019. – № 3. – P. 52-65. // URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/864> – DOI: 10.25178/nit.2019.3.5.

7. Levin T., Suzukei V.Yu. Music of the New Nomads: Throat Singing in Tuva and Beyond. – Moscow: Klassika-XXI, 2012. – 336 p.

8. Mazepus V.V. On the Physical Foundations of Sound Production When Playing the Jew's Harp // *Musical Ethnography of Northern Asia*. Novosibirsk, 1989. – P. 158-159.

9. Matsievsky I.V. Intonation, Contonation, and Form-Building Universals in European and Non-European, Traditional and Contemporary Music // *Music of the Peoples of the World: Problems of Study: Proceedings of International Scientific Conferences*. Issue 1. – Moscow: Moscow Conservatory, 2008. – P. 15-38.

10. Musical Acoustics / edited by N.A. Garbuzov. – Moscow: Muzgiz, 1954. – 236 p.

11. Suzukei V.Yu. Musical Culture of Tuva in the 20th Century. – Moscow: Kompozitor, 2007. – 408 p.

12. Suzukei V.Yu. Problems of the Scientific Study and Practical Development of Tuva Music: The Case of Tuva Instrumental Art // *New Studies of Tuva*. 2017. – № 4. – P. 141-159. // URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/705>

13. Fales C. The Paradox of Timbre // *Ethnomusicology*. 2002. – Vol. 46. – № 1. – P. 56-95. – DOI: 10.2307/852808.

14. Ledang O.K. On the Acoustics and the Systematic Classification of the Jew's Harp // *Yearbook of the International Folk Music Council*. 1972. – Vol. 6. – P. 95-103.

15. Bergevin C., Bergevin T.A., Migliorini R., et al. Overtone Focusing in Biphonic Tuva Throat Singing // *eLife*. 2020. – Vol. 9. – Article e50476. – DOI: 10.7554/eLife.50476.

16. Ajigova A.M. Ingush society during the revolution and the Civil War (1917-1920) // *The power of history – History of power*. 2025. – Volume 11. – Issue 4. – № 62. – P. 167-175.

Рубанцова Т.А.

Профессор кафедры правовых и социальных наук. Сибирский университет геосистем и технологий, г. Новосибирск.

Сотникова Е.В.

Доцент кафедры правовых и социальных наук. Сибирский университет геосистем и технологий, г. Новосибирск.

Формирование теорий естественного права в древности*

Аннотация. Статья посвящена анализу теорий естественного права в античности. Такой подход обусловлен тем, что даже сегодня концепция естественного права, с одной стороны, является наиболее популярной среди исследователей, а с другой – недостаточно изучена. В современной философии права существует множество теорий относительно происхождения этой теории. При анализе этого явления внимание обращается к эпохе Просвещения, которая является традицией в научных исследованиях при анализе этой концепции. Однако следует отметить, что в античную эпоху первые философские концепции включали категории «естественного права», и эта концепция имела более широкое значение, чем концепции буржуазной эпохи Просвещения. Концепции естественного права в эпоху Просвещения формировались под влиянием философии античности и развивались величайшими философами, такими как Платон и Аристотель.

Ключевые слова: гуманистические ценности, человеческое достоинство, принцип справедливости, милосердие.

Rubantsova T.A.

Professor of the Department of Legal and Social Sciences. Siberian University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk.

Sotnikova E.V.

Associate Professor at the Department of Legal and Social Sciences. Siberian University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk.

The formation of natural law theories in antiquity

Abstract. The article is devoted to the analysis of natural law theories in antiquity. This approach is обусловлен by the fact that, even today, the concept of natural law is, on the one hand, the most popular among researchers, and, on the other hand, it has not been sufficiently studied. There are many theories in modern philosophy of law regarding the origin of this theory. When analyzing this phenomenon, attention is drawn to the Enlightenment era, which is a tradition in scholarly research when analyzing this concept. However, it should be noted that in the era of antiquity, the first philosophical concepts included the categories of “natural law,” and this concept had a broader meaning than the concepts of the bourgeois Enlightenment era. The concepts of natural law in the Enlightenment era were shaped by the philosophy of the ancient era and were developed by the greatest philosophers, such as Plato and Aristotle.

Key words: humanistic values, human dignity, the principle of justice, mercy.

* © Рубанцова Т.А., Сотникова Е.В., 2026.

Формирование теорий естественного права в древности

Many philosophers of the ancient world developed the ideas of natural law. However, to analyze the problem of the formation of natural law views in the philosophy of ancient Greece, one should turn to the philosophy of Heraclitus; his metaphysics was based on the idea of cosmic justice, which prevails in the world. It is precisely cosmic justice that prevents the victory of one of the opposing sides.

Representatives of the Milesian school are credited with pioneering an understanding of the nature of the relationship between law and morality and with forming the concept of cosmic justice as the highest moral and legal law. Anaximander asserted that necessity prevails, or, what amounts to the same thing, coercion, "legality" or "justice," world justice; it determines the place and measure of the distribution of every thing in the Universe. This type of philosophy is characterized by a certain mythological coloring, but this does not diminish the role of Anaximander as one of the first philosophers who attempted to uncover the nature of law and morality.

They argued that the laws of the state are arbitrary and conditional in nature. Protagoras relied on Heraclitus's theory about the variability of things. He maintained that each individual is a separate entity and therefore has every right to defend their own interests, even if this right does not align with the interests of other people. The ancient scholar denied the possibility of scientific knowledge of the objective world and recognized only the present-day sensibility, which is not reflected in either subjective or objective elements.

Protagoras believed that society needs law, since a certain divine justice is inherent in us from the very beginning. However, even though laws are changeable, they must be obeyed, as they are based on the natural right of every member of society. It

is from this premise that his theory about "man as the measure of all things existing, if they exist, and of those that do not exist, if they do not exist, if they do not exist" follows. Protagoras was a proponent of a certain theory of social and state subjectivism. He argued that no one knows for sure what is truly true, so it is necessary to rely on what is useful, and since state and social systems are constantly changing, it is necessary to rely on the natural right of every individual.

The ancient Greeks believed in a higher justice as a certain law of the universe, which is inherent in the gods. Gorgias had a negative attitude towards the law, believing that it contradicted human nature, since "justice" lies in nature, not in laws.

The Middle Ages, as a historical period, are most often viewed in scholarly research as a kind of antithesis to the Renaissance. This understanding in Russian literature has been significantly influenced by the philosophical tradition that examines this period from the perspective of the atheistic Marxist tradition. It should be noted that this approach is ideologically biased, since during the Middle Ages, ideological processes related to political humanism were actively developing, anthropological ideas were being developed within Christian patristics, and the economic aspect can also be considered.

It is possible to identify the processes that had a significant impact on the development of humanism during the Renaissance. The socio-political processes taking place in Europe at that time had a significant impact on the development of the humanistic trend.

This belief is reflected in the medieval legend "William's Vision of Peter and the Peasant," which was written by W. Langland. It should be noted that it was extraordinarily popular in its time. J. Ball, the instigator of the peasant uprising of 1381,

turned to the poet's themes to assert the need for change in society, as the terrible city and the plague were devastating poor settlements, while the ruling elite took no measures to help the starving and dying. The dream of a good king and a humane ruler permeates the entire folk folklore of Western European countries. The value-based message about humanism, justice, kindness, and the humanism of the "good king" is expressed in fairy tales, proverbs, and the people's dreams.

In the Middle Ages, the process of discussing democratic institutions begins, and gradually, society develops an understanding of the need for social reorganization. In their works, prominent figures of the era, such as M. of Padua and W. of Ockham, raise the question of limiting the political power of the ruler and establishing just political governance. These ideas about the people's participation in choosing a ruler, the separation of powers, and the people's approval of laws have not yet found expression in socio-political projects, but they were discussed by medieval thinkers. Scholars note that even at church councils in the 15th century, discussions took place about limiting absolutism and the need to establish new forms of control over royal power.

In the Middle Ages, prominent thinkers such as F. Aquinas condemned acquisitiveness, which was condemned by society. This approach was based on Cicero's idea of common benefit and justice. It was at this time that the principle of justice emerged. This category was considered very broadly, applied to all spheres of society, and extended to the value of goods, services, and wages. The question of a worker's wages arose, which F. wrote about. Aquinas believed that workers should be paid a fair wage, sufficient to ensure a decent life. Excessive profit for a merchant was condemned by Christian

society; it was believed that a large difference between purchase and retail prices was a grave sin.

Consequently, a certain humanistic ideal of the iconic life of society was developed. Usury was condemned; the church was not supposed to engage in it, and in church law it was considered a sin. With Augustine, for the first time, a person becomes an object of analysis from the perspective of anthropology and self-knowledge; it can be said that the theologian elevated a person to the image and likeness of God: only by carefully immersing oneself in one's soul does a person become truly believer and find divine revelation. This is not yet a fully formed personality, but an understanding of the importance of self-knowledge opens up opportunities for the development of a humanistically oriented worldview characteristic of the Renaissance.

During this period, society was built on the ideology of Christian dogma, yet changes were taking place within the religious doctrine itself. During this time, discussions began about man, about how the Almighty created him in His image and likeness, about his free will, dignity, and love. Eriugena and B. Clavius once again turned to Saint Augustine and his concept of free will [1, p. 146]. An active process of discussing the spiritual purpose of man in earthly life, his dignity, creative nature, and special purpose was underway.

It was precisely these Christian discussions that laid the foundation for the formation of one of the most important principles of humanism – the dignity of the human person. The attitude towards the human being changes in the medieval Christian tradition; earthly values begin to play an important role, since a person stands between two worlds, the physical and the divine, and a person's earthly role must correspond to their divine purpose.

F. Aquinas corrects the Christian anthropology of Augustine, for whom a person experiences a complete fusion of the soul and the body. The theologian argued that the soul is the divine essence of a person, and therefore its formation is influenced by a person's worldly life, their mercy, and their good deeds and actions during their lifetime [2, p. 137].

The Christian principle of mercy, which was based on love for God, played a special role in the formation of humanism. This principle found its expression in love for humanity, in helping the sick, the poor, and the homeless. M. Eckart asserted that it is precisely a kind attitude towards people that can stop evil on earth; only good deeds can bring true benefit. This was a humanistic approach: from scholastic theoretical constructs and discussions about goodness, a merciful attitude towards people is formed. Goodness becomes a social force based on Christian faith and help for those in need. It was at this time that the active aspect of a merciful attitude towards people began to take shape, and assistance was provided to the sick, orphans, the disabled, and everyone who needed care and attention. F. Aquinas had a humane attitude towards women and considered them to be God's creation, who needed care and protection. For that time, this view was unique, as it was believed that a woman was inherently sinful in many ways and did not possess. In the Middle Ages, Christianity became more individualized and completely changed the role of the individual and their relationship to the world. The principle of the equality of all people before God, proclaimed by medieval theologians, introduced humanistic motifs into the values and ideals of this period in the spiritual history of society. However, in the late Middle Ages, this trend gradually began to weaken, and increasing importance began to be attached to dogma and the rit-

ual actions of church services [3, p. 137].

E. Erasmus noted the complete incompatibility between church dogma and Christian humanistic morality. It should be noted that the social reality of medieval society itself consisted of a social hierarchy of a class-based society built on ruthless exploitation and legal disenfranchisement, and it was upheld by Christian tradition. This contradiction became one of the foundations for the preparation of the Reformation processes in Western Europe, which called for a return to the roots of Christian humanism and a rejection of the despotism of church authority.

The anthropological humanism of the Renaissance was still a long way off, yet the social and spiritual processes containing humanistic motifs largely influenced the social and spiritual life of subsequent eras, including the Renaissance itself. The spiritual, humanistically inclined roots of the Middle Ages paved the way for a worldview revolution in the culture of the Renaissance; it was during this period that new Christian moral and humanistic ideals emerged, concerning the relationship between man and God, love for Him and for one's neighbour, and the right to free will. It is too early to speak of the formation of a person's personality during this period, but it can be asserted that the concepts of the church fathers of that time are based on the idea that a person is closely and existentially personally connected to God through prayer and service.

Список литературы / References

1. Augustine A. Confessions. / translated from Latin by M.K. Sergienko. – Moscow: Renaissance, 1991. – P. 146.
2. Aquinas F. Summa Theologica. / translated from Latin by S.E. Eremeev, A.A. Yudin. – Kyiv: Elga, Moscow: Nika-Center, 2002. – P. 137.
3. Marrou A.-M. Saint Augustine and Augustinianism – Moscow: Vestkom, 1999. – P. 35.

Афанасьев Н.В.

Кандидат филологических наук. Арктический государственный университет искусств, культуры и креативных индустрий. AuthorID: 797940 / SPIN-код: 2827-2148 / ORCID: 0000-0002-6934-7585

Семиотика небесного медиатора: образ орла в мифологической картине мира эвенков*

Аннотация. Статья посвящена культурологическому анализу образа орла (эвенк. кيران) как ключевого небесного медиатора в мифологической картине мира эвенков. Образ рассматривается не как изолированный «пережиток тотемизма», а как многоуровневый знак, функционирующий одновременно в языковом, обрядовом, изобразительном и нарративном кодах традиционной культуры. На материале классических этнографических описаний (Л.Я. Штернберг, С.М. Широкогоров, А.Ф. Анисимов, Г.М. Василевич, А.И. Мазин, С.В. Иванов) и с опорой на семиотику культуры тартуско-московской школы, структурную антропологию, морфологический анализ обряда и современные антропологические теории агентности и онтологий показано, что орел выполняет в эвенкийской модели мира функцию оператора вертикального перевода: он связывает несоизмеримые сферы семиосферы – верхний мир (*Угу Буга*), средний мир людей (*Дулин Буга*) и нижний мир, – переводя сообщения одного космического «языка» на другой. Предложена трехуровневая интерпретация знака орла (иконическая, индексальная, символическая) и прослежена динамика семиотической ре-функционализации образа в XX–XXI вв. – от обрядового индекса к символу этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: эвенки, орел, семиотика культуры, медиатор, мифологическая картина мира, шаманизм, модель мира, мировое древо, тунгусо-маньчжурские народы, культурная память.

Afanasev N.V.

Candidate of Philological Sciences. Arctic State University of Arts, Culture and Creative Industries. AuthorID: 797940 / SPIN-код: 2827-2148 / ORCID: 0000-0002-6934-7585

Semiotics of the celestial mediator: the image of the eagle in the Evenki mythological worldview

Abstract. This article is devoted to a cultural analysis of the image of the eagle (Evenki: kiran) as a key celestial mediator in the Evenki mythological worldview. The image is viewed not as an isolated “relic of totemism,” but as a multi-layered symbol functioning simultaneously within the linguistic, ritual, pictorial, and narrative codes of traditional culture. Drawing on classical ethnographic descriptions (L.Ya. Sternberg, S.M. Shirokogorov, A.F. Anisimov, G.M. Vasilevich, A.I. Mazin, S.V. Ivanov) and drawing on the semiotics of the Tartu-Moscow school, structural anthropology, morphological analysis of ritual, and contemporary anthropological theories of agency and ontologies, this article demonstrates that the eagle functions as a vertical translation operator in the Evenki worldview: it links the disparate spheres of the semiosphere—the upper world (*Ugu Buga*), the middle world of people (*Dulin Buga*), and the lower world—by translating the messages of one cosmic “language” into another. A three-level interpretation of the eagle sign (iconic, indexical, and symbolic) is proposed, and the dynamics

* © Афанасьев Н.В., 2026.

Семиотика небесного медиатора: образ орла в мифологической картине мира эвенков

of the semiotic refunctionalization of the image in the 20th–21st centuries are traced—from a ritual index to a symbol of ethnocultural identity.

Key words: Evenki, eagle, semiotics of culture, mediator, mythological picture of the world, shamanism, model of the world, world tree, Tungus-Manchu peoples, cultural memory.

Введение

Изучение образов животных в культурах Северной Евразии долгое время развивалось в парадигме, заданной эволюционистской антропологией конца XIX – начала XX в., где почитание – того или иного зверя или птицы описывалось как «культ», а сам культ возводился к тотемизму как ранней стадии религиозного сознания. В этой логике были написаны и первые специальные работы об орле – «Орел по воззрениям якутов» В.М. Ионова [8] и «Культе орла у сибирских народов» Л.Я. Штернберга [20], оказавшая наибольшее влияние на всю последующую традицию. Штернберг собрал внушительный сравнительный материал – якутский, бурятский, тунгусский, нивхский, финно-угорский, а также античный и индоиранский, и сформулировал тезис о существовании единого «орлиного комплекса», в котором птица выступает одновременно солнечным существом, подателем шаманского дара, предком отдельных родов и хозяином неба. Уже в этой работе, при всей ее эволюционистской рамке, была нащупана принципиально важная особенность образа, где орел значим не сам по себе, а как посредник – птица, приносящая дар, и связующее звено между небом и человеком.

Историография проблемы применительно к тунгусскому материалу распадается на несколько слоев. Первый – описательно-этнографический, где, труды С.М. Широкогорова, предложившего понятие «психоментального комплекса» тунгусов и на-

стаивавшего на системном характере тунгусских представлений о духах [23], работы Г.М. Василевич, чьи сборники фольклора и этнографические очерки остаются главным корпусом источников по эвенкийской мифологии [3; 4; 5], материалы А.И. Мазина по верованиям эвенков-орочоных [11] и В.А. Туголукова по западносибирским и среднесибирским группам [17]. Второй слой – историко-генетический и реконструктивный: работы А.Ф. Анисимова, предложившего целостную реконструкцию эвенкийской космологии с ее мировой рекой, мировым деревом и шаманским чумом как моделью Вселенной [1; 2]. Третий слой – искусствоведческий и иконографический: исследования С.В. Иванова по изобразительному искусству и скульптуре народов Сибири, где орнитоморфные изображения впервые были описаны как связанная система [7]. Четвертый – структурно-семиотический: «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме» Е.С. Новик [12], работы В.Н. Топорова о модели мира и мифопоэтическом [16], исследования Т.Ю. Сем, реконструирующей тунгусский пантеон как семантически организованное целое [14; 15].

Несмотря на обилие частных наблюдений, специального культурологического исследования, в котором образ орла у эвенков был бы описан как знаковая система с собственным синтаксисом, семантикой и прагматикой, до сих пор не предпринималось. Настоящая статья ставит целью восполнить этот пробел.

Основное

Эвенкийская модель мира, реконструированная прежде всего А.Ф. Анисимовым и Г.М. Василевич, организована двумя пересекающимися осями – вертикальной и горизонтальной. Вертикаль образована трехчастным делением на верхний, средний и нижний миры. Здесь ключевое понятие – это *Буга* (буа, боа), означающее одновременно небо, мир, местность, погоду и высшее божество [1, с. 33; 5, с. 63]. Эта полисемия сама по себе является семиотическим фактом первостепенной важности, где в языке не разведены пространство, Вселенная и его персонафикация, а значит, космос мыслится как единое одушевленное целое, а не как вместилище для существ. Верхний мир (*Угу Буга*) связывается с солнцем, теплом, светом и истоками жизни. Средний (*Дулин Буга*) – с землей людей, зверей и родовых угодий. Нижний (*Хэргу Буга*) – с холодом, тьмой, умершими и болезнью. Верховное благое божество верхнего мира у большинства групп – *Сэвэки*, податель душ людей и промыслового зверя [4, с. 231].

Горизонталь задана образом мировой реки, вдоль которой разворачивается шаманское путешествие и где верховья соотнесены с верхним миром и рождением, устье – с нижним миром и смертью [1, с. 75-76]. Особую роль в реконструкции А.Ф. Анисимова играет представление о родовой шаманской реке (*Эндекит*), по которой шаман сопровождает души умерших и по которой же прибывают духи-помощники. Точкой пересечения осей служит мировое древо *Туру* – одновременно космический столб, шаманское дерево и опора шаманского чума, а в обрядовой практике оно материализуется в виде вкопанных стволов, соединенных жердями, образуя галерею проходимо-

го шаманом пути.

Именно вершина *Туру* и есть место орла. Мировое древо в сибирских традициях регулярно описывается как имеющее у корней змею или рыбу, а на вершине – большую птицу, чаще всего орла, и эта композиция настолько устойчива, что В.Н. Топоров рассматривал ее как один из инвариантов основного мифа и мифопоэтической модели мира вообще [16, с. 166-167]. Существенно, что орел здесь не просто сидит наверху, но он маркирует верхнюю точку как достижимую. Древо соединяет миры потенциально, орел актуализирует это соединение движением. В терминах Ю.М. Лотмана, древо – это граница, а орел – механизм перевода через нее.

Из этого следует важное уточнение статуса образа. Орел в эвенкийской космологии не тождествен верховному божеству и не является его символом в упрощенном смысле. Он занимает позицию посланника, служителя, «птицы *Сэвэки*», а в шаманской проекции – духа-помощника высшего ранга. Т.Ю. Сем, реконструируя тунгусский пантеон, помещает орнитоморфные образы в промежуточный слой между высшими божествами и рядовыми духами, подчеркивая их посредническую специализацию [14]. Это подтверждает позиционную природу медиации, где значим не «кто», а «между чем».

В семиотическом плане образ орла функционирует в культуре как устойчивый языковой код. Эвенкийское название орла *Киран* само по себе тривиально, но с культурологической стороны, значима работа, которую язык проделывает вокруг него.

Во-первых, имя орла оказывается втянуто в систему промысловых запретов и иносказаний. Как показала

Г.М. Василевич на материале охотничьей терминологии и обрядности, у эвенков существовал развитый пласт обходной лексики, где имя почитаемого или опасного существа заменялось описательным оборотом, эпитетом, термином родства [12]. Механизм этот хорошо известен по медвежьему комплексу, но распространялся и на птиц высокого ранга. С семиотической точки зрения табу на имя – это не суеверие, а операция размыкания знака. Здесь имя понимается не как условная этикетка, а как индексальная связь с носителем, поэтому произнесение имени равносильно вызову.

Во-вторых, орнитоним включен в поле, где различительными оказываются признаки среды (воздух – вода), цвета (светлый – темный), голоса (крик – молчание) и отношения к человеку (помощник – вредитель). Наряду с орлом в это поле входят ворон (*оли*), лебедь (*гаг*), гагара (*укэ ѓ*), кукушка (*кукты*), черный дятел (*пилакты*) и их названия и дистрибуция заметно варьируют по диалектным группам, что требует осторожности при обобщениях и делает необходимой опору на словарные и полевые фиксации, а не на сводные пересказы. Существенно, что в этом поле орел систематически занимает позицию максимума по признакам «верх», «свет», «сила», «право на убийство зверя», то есть является немаркированным образцом хищной небесной птицы, относительно которого определяются остальные.

В-третьих, языковой код связывает орла с солнцем и огнем. Штернберг Л.Я. обращал особое внимание на солярные ассоциации орла у сибирских народов, вплоть до сюжетов о добывании огня птицей [20]. У эвенков солярная линия проявляется мягче, чем у якутов, и опосредуется представлением о верхнем

мире как источнике тепла и жизненной силы, но и здесь орел устойчиво соотносен с летним временем, возвращением перелетных птиц и весенним возобновлением жизни, что прямо выводит нас к обрядовому календарю.

Обрядовая практика превращает статичный образ в действие. Наиболее показателен в этом отношении весенний обрядовый комплекс, известный у ряда групп эвенков под названием *Икэнипкэ* – многодневный (по данным Г.М. Василевич, до восьми дней) праздник возобновления жизни, включающий круговой танец-хоровод и коллективное символическое преследование космического зверя, чаще всего лося, с последующим обретением жизненной силы для рода на предстоящий год [3, с. 151-163]. Обряд соотносен с возвращением перелетных птиц и началом нового промыслового цикла и в его структуре встречаются мотивы полета, восхождения по ярусам и получения душ-зародышей от верхнего божества.

Морфологически камлание описывается Е.С. Новик как последовательность, изоморфная сказочной (недостача (болезнь, неудача, смерть) – снаряжение – призывание помощников – путь – встреча с противником – борьба или обмен – возвращение с искомым) [12, с. 103-106]. Орел занимает в этой синтагме строго определенные позиции, и он призывается на этапе снаряжения, ведет стаю духов-птиц на этапе пути, охраняет душу шамана от враждебных духов на этапе конфликта и обеспечивает возвращение. В описаниях эвенкийских камланий орел нередко фигурирует как вожак и защитник птичьей свиты шамана – единственный, кто способен отогнать нападающих духов [15].

Здесь проступает принципиальное различие между парадигматикой и син-

тагматикой образа. Парадигматически орел – это птица верхнего мира, солярная, сильная, чистая. Синтагматически он оператор, чье появление в тексте обряда переключает регистр действия с горизонтального на вертикальный. Именно поэтому образ орла не может быть исчерпан перечислением атрибутов и его смысл определяется позицией в последовательности.

Ключевым узлом, в котором образ орла максимально полно реализует свою медиативную функцию, выступает мифология шаманского становления. В сибирских традициях широко распространены комплекс мотивов, который можно назвать «орлиной биографией шамана», т.е. птица-прародительница уносит душу будущего шамана, помещает ее в гнездо на ветвях мирового дерева, выращивает, после чего душа возвращается в тело, а сам избранник проходит через расщепление и пересборку тела духами. Наиболее детально этот комплекс описан на якутском материале – В.М. Ионовым [8], Г.В. Ксенофоновым [9], А.А. Поповым [13], сравнительный обзор дал Л.Я. Штернберг [20], а типологическую интерпретацию – М. Элиаде, для которого мотив «выращивания в гнезде» служит одним из свидетельств универсальности инициационной схемы смерти и возрождения [21, с. 43-45].

У эвенков комплекс представлен в несколько иной конфигурации. Здесь на первый план выходит не столько идея птицы-прародительницы шаманов как таковой, сколько представление о родовом шаманском дереве и родовой реке, где хранятся души-зародыши (*Оми*) членов рода. Души людей, по данным А.Ф. Анисимова и Г.М. Василевич, мыслятся как птички, обитающие на ветвях родового дерева верхнего мира либо в мире *Сэвэки*, откуда

они спускаются к женщинам рода [2, с. 203; 4, с. 226]. Эта деталь чрезвычайно важна. Орнитоморфность здесь приписана не только медиатору, но и самой человеческой душе. Тем самым между человеком и орлом устанавливается не отношение человек почитает птицу, а отношение частичной единственности, где душа человека уже птица, но птица малая и слабая, тогда как орел – птица максимальной силы, способная преодолеть весь путь до верхнего мира и вернуться.

Отсюда вытекает и функциональное определение шамана в эвенкийской традиции, где шаман есть тот, чья душа обладает орлиными свойствами, то есть тот, кто способен к вертикальному перемещению без гибели. С.М. Широкогоров, описывая тунгусский психоментальный комплекс, подчеркивал, что шаман – это прежде всего «вместилище духов», человек с измененной структурой личности, чья способность к транскультурно санкционирована и социально контролируется [23, р. 269-276]. Соединяя это наблюдение с семиотическим анализом, можно сказать, что шаман – это человек, в чьем теле медиатор получает временную материальную реализацию.

Наконец, орел соотношен с болезнью посвящения. Мучительное шаманское становление, в семиотическом плане представляет собой переход субъекта из одной категории в другую, а следовательно, обязано проходить через фазу лиминальности – «ни то ни се», по формуле В. Тэрнера [18, с. 168-170], опирающейся на классическую схему А. ван Геннепа [6]. Орел, забирающий душу и удерживающий ее в гнезде на границе миров, есть персонифицированная лиминальность и он делает с душой ровно то, что обряд перехода делает с человеком.

Если мифологический нарратив объясняет, откуда берется способность к полету, то материальная культура обеспечивает ее техническую реализацию. Шаманский костюм эвенков и соседних народов последовательно строится как птичье тело. Металлические подвески воспроизводят кости скелета, бахрому и ленты – маховые и рулевые перья, наплечные конструкции – крылья, головной убор – птичью голову с клювом или рогами [2, с. 170-178]. Тогда, орнитоморфные и скелетные элементы образуют не случайный набор, а связную иконографическую программу, воспроизводящую тело медиатора [24].

Здесь особенно продуктивна теория агентности А. Гелла. Костюм не «изображает» птицу и не «символизирует» полет, а является техническим устройством, посредством которого агентность духа-помощника распределяется в материальном мире и становится доступной для восприятия участниками обряда. Зритель камлания видит не человека, переодетого птицей, а место, в котором присутствие птицы стало ощутимым – через звук подвесок, тяжесть металла, ритм движения. В терминах Пирса это одновременная работа иконы (подобие формы), индекса (реальные перья, кости, следы износа) и символа (конвенциональные родовые знаки).

Аналогично устроен бубен. В сибирских традициях он регулярно осмысливается как средство передвижения – конь, олень или лодка, а рисунки на его поверхности воспроизводят модель мира с ее ярусами, светилами, деревом и птицами. Тем самым обрядовая техника дублирует космологическую карту, где шаман не отправляется куда-то, а перемещается по изображенной структуре, что делает путешествие проверяемым для рода – присутствующие способны

следить за маршрутом по репликам камлающего и по знакомой им карте мира.

XX век радикально изменил условия существования эвенкийской традиции. Коллективизация, перевод кочевых групп на оседлость, интернатная система образования, промышленное освоение территорий и прямое подавление обрядовой практики разрушили институциональную основу шаманизма как социального института. Однако разрушение системы не означало исчезновения знаков, а произошла их ре-функционализация.

Схематически этот процесс можно описать в терминах уже введенной пирсовской триады. Первым распался индексальный слой, где перестали изготавливаться костюмы, вышли из употребления атрибуты, оборвалась цепь физической смежности между вещью и духом. Иконический слой сохранился дольше – в танце, в подражательных играх, в изобразительных мотивах, в декоративно-прикладном искусстве, где птичьи формы продолжали воспроизводиться как узнаваемые. Наиболее устойчивым оказался символический слой, тут орел превратился в конвенциональный знак эвенкийского, используемый в фольклорных ансамблях, книжной графике, национальных праздниках, эмблематике культурных организаций и в литературе на эвенкийском и русском языках, включая прозу и эссеистику самих эвенкийских авторов.

Одновременно с этим с 1990-х гг. разворачиваются процессы, описываемые в литературе как неотрадиционализм и возрождение шаманства. В.И. Харитоновна показала, что современные формы сакральных практик в Сибири нельзя описывать ни как прямое продолжение традиции, ни как

чистую имитацию, а возникает новая конфигурация, в которой этнографическая литература сама становится источником для практиков, а исследователь оказывается участником процесса [19]. Некоторые исследователи на сравнительном материале описывают сходную динамику – превращение шаманизма из локальной практики в ресурс идентичности и в элемент глобального культурного оборота.

Для семиотики культуры это чрезвычайно показательный случай. Знак, лишенный исходного синтагматического окружения (обряд), не умирает, а перемещается на иной уровень семиосферы, где начинает работать в новой синтагме – уже не камлание, а репрезентация культуры. Прежняя медиация между мирами замещается медиацией между сообществом и внешним миром т.е. орел продолжает быть переводчиком, но переводит теперь не с языка духов на язык людей, а с языка локальной традиции на язык межкультурной коммуникации. Смена функции при сохранении структурной позиции – типичный механизм культурной памяти, описанный Ю.М. Лотманом – культура сохраняет тексты, переопределяя их прочтение [10].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что орел в эвенкийской мифологической картине мира не описывается корректно ни в терминах тотемизма, ни в терминах «культы птицы», т.к. обе рамки, унаследованные от эволюционистской этнографии, выводят значение образа из приписываемых существу качеств (сила, высота полета, зоркость) и из отношения родства или почитания. Материал обнаруживает иную логику – значимость орла определяется не свойствами птицы, а позицией в структуре

космологической модели. Орел есть семиотический оператор, функция которого состоит в переводе между несоизмеримыми зонами мира, а не в репрезентации их содержания.

Второй результат – установление многокодности образа. Орел реализуется одновременно в языковом коде (запрет на прямое называние, замещаемое описательными обозначениями), социально-родовом (предок и знак клана), нарративном (выращивание души шамана в гнезде на мировом древе как легитимация избранничества), обрядовом (оператор вертикального перемещения в синтагматике камлания) и изобразительном (орнитоморфная программа костюма и бубна). Критерием ключевого статуса образа служит именно совпадение кодов, а не частота упоминаний, где культура опознает свои базовые элементы по способности выражаться во всех доступных ей знаковых субстанциях одновременно.

Третий результат получен применением пирсовской триадической типологии. Орел функционирует как икона (подобие полета восхождению, гнезда –местилищу душ), как индекс (перо, коготь, звук выступают не изображением полета, а его инструментом) и как символ (конвенциональная связь с родом и статусом). Совмещение трех модусов объясняет прагматическую эффективность образа в обряде, где индексальный слой делает знак средством перехода, а не сообщением о нем, и его устойчивость при разрушении обрядового контекста: слои знака деградируют с неодинаковой скоростью.

Отсюда четвертый, диахронический результат, в XX–XXI вв. образ прошел не угасание, а ре-функционализацию. Разрушение институциональной базы шаманства лишило знак индексального измерения, однако символический

слой усилился, переместившись в эмблематику этнокультурных объединений, оформление праздников, декоративное искусство, музейное и школьное представление традиции. Медиативная функция сохранена при замене полюсов, где, прежде образ опосредовал отношение между уровнями космоса, теперь – между локальным сообществом и внешним культурным пространством, работая как инструмент саморепрезентации и мнемотоп коллективной памяти. Это не пережиток и не изобретенная традиция, а закономерное следствие многослойности знака, допускающей смену доминирующего модуса при сохранении структурной позиции.

Таким образом, орел в эвенкийской традиции есть не объект верования, а элемент моделирующего механизма культуры – фигура, посредством которой картина мира обеспечивает собственную связность, а сообщество – преемственность идентичности при смене исторических условий.

Список литературы

1. Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера / А.Ф. Анисимов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. – 106 с.
2. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований / А.Ф. Анисимов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. – 235 с.
3. Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков / Г.М. Василевич // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 17. – С. 151-185.
4. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г.М. Василевич. – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с. 231.
5. Василевич Г.М. Эвенкиско-русский словарь / Г.М. Василевич. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 802 с. 63.
6. Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп; пер. с фр. – Москва: Восточная литература, 1999. – 198 с.
7. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. / С.В. Иванов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954. – 838 с. – (Труды Института этнографии; т. 22).
8. Ионов В.М. Орёл по воззрениям якутов / В.М. Ионов. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1913. – 28 с. – (Сборник МАЭ; т. 1, вып. 16).
9. Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о ша-

манах у якутов, бурят и тунгусов / Г.В. Ксенофонтов. – 2-е изд. – Москва: Изд-во Безбожник, 1930. – 123 с.

10. Лотман Ю.М. Семиясфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.

11. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.) / А.И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.

12. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур / Е.С. Новик. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Восточная литература, 2004. – 304 с.

13. Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа / А.А. Попов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 11. – С. 255-323.

14. Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов, этнокультурные связи) / Т.Ю. Сем. – Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2012. – 632 с.

15. Сем Т.Ю. Шаманизм эвенков (по материалам Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого) / Т.Ю. Сем. – Санкт-Петербург: Наука, 2017. – 396 с.

16. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1 / В.Н. Топоров. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 488 с. 166-167

17. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В.А. Туголуков. – Москва: Наука, 1985. – 284 с.

18. Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер; пер. с англ.; сост. и авт. предисл. В.А. Бейлис. – Москва: Наука, 1983. – 277 с.

19. Харитонов В.И. Феникс из пепла? Сакральное искусство врачевания: от шаманизма к неошаманизму / В.И. Харитонов. – Москва: Наука, 2006. – 372 с.

20. Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов: этюд по сравнительному фольклору / Л.Я. Штернберг // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1925. – Т. 5, вып. 2. – С. 717-740.

21. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза / М. Элиаде; пер. с фр. К. Богущкого, В. Трилиса. – Киев: София, 2000. – 480 с.

22. Gell A. Art and Agency: An Anthropological Theory / A. Gell. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 271 p.

23. Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus / S.M. Shirokogoroff. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1935. – 469 p.

References

1. Anisimov A.F. Cosmological ideas of the peoples of the North / A.F. Anisimov. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. – 106 p.
2. Anisimov A.F. Evenki religion in historical and genetic studies and problems of the origin of primitive beliefs / A.F. Anisimov. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. – 235 p.
3. Vasilevich G.M. Ancient hunting and reindeer herding rituals of the Evenks / G.M. Vasilevich // Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. – Vol. 17. – P. 151-185.
4. Vasilevich G.M. Evenki: Historical and Ethnographic Essays (18th – Early 20th Centuries) / G.M. Vasilevich. – Leningrad: Nauka, 1969. – 304 p. 231.
5. Vasilevich G.M. Evenki-Russian Dictionary / G.M. Vasilevich. – Moscow: State Publishing House of For-

eign and National Dictionaries, 1958. – 802 p. 63.

6. Gennep A. van. Rites of Passage: A Systematic Study of Rites / A. van Gennep; translated from French. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. – 198 p.

7. Ivanov S.V. Materials on the Fine Arts of the Peoples of Siberia in the 19th – Early 20th Centuries / S.V. Ivanov. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. – 838 p. – (Proceedings of the Institute of Ethnography; vol. 22).

8. Ionov V.M. Eagle according to the views of the Yakuts / V.M. Ionov. – St. Petersburg: Type. Imp. Academician Sciences, 1913. – 28 p. – (Collection of MAE; vol. 1, issue 16).

9. Ksenofontov G.V. Legends and stories about shamans among the Yakuts, Buryats and Tungus / G.V. Xenophon. – 2nd ed. – Moscow: Bezbozhnik Publishing House, 1930. – 123 p.

10. Lotman Yu.M. Semiosphere: culture and explosion. Inside thinking worlds. Articles. Research. Notes / Yu.M. Lotman. – St. Petersburg: Art-SPB, 2000. – 704 p.

11. Mazin A.I. Traditional Beliefs and Rituals of the Evenks-Oroqen (Late 19th – Early 20th Century) / A.I. Mazin. – Novosibirsk: Nauka, 1984. – 201 p.

12. Novik E.S. Ritual and Folklore in Siberian Shamanism: An Attempt to Compare Structures / E.S. Novik. – 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. – 304 p.

13. Popov A.A. Materials on the History of Religion of the Yakuts of the Former Vilyui Okrug / A.A. Popov // Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. – Vol. 11. – P. 255-323.

14. Sem T.Yu. The Tungus Worldview: Pantheon (Semantics of Images, Ethnocultural Ties) / T.Yu. Sem. – Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2012. – 632 p.

15. Sem T.Yu. Evenki Shamanism (Based on Materials from the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography) / T.Yu. Sem. – Saint Petersburg: Nauka, 2017. – 396 p.

16. Toporov V.N. The World Tree: Universal Sign Complexes. Vol. 1 / V.N. Toporov. – Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus, 2010. – 488 p. 166-167

17. Tugolukov V.A. Tungus (Evenki and Evens) of Central and Western Siberia / V. A. Tugolukov. – Moscow: Nauka, 1985. – 284 p.

18. Turner V. Symbol and Ritual / V. Turner; translated from English; compiled and authored by V.A. Beilis. – Moscow: Nauka, 1983. – 277 p.

19. Kharitonova V.I. Phoenix from the Ashes? The Sacred Art of Healing: From Shamanism to Neoshamanism / V. I. Kharitonova. – Moscow: Nauka, 2006. – 372 p.

20. Sternberg L.Ya. The Cult of the Eagle Among the Siberian Peoples: A Study in Comparative Folklore / L. Ya. Sternberg // Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. – Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1925. – Vol. 5. – Issue 2. – P. 717-740.

21. Eliade M. Shamanism: archaic techniques of ecstasy / M. Eliade; lane from fr. K. Bogutsky, V. Trilis. – Kyiv: Sofia, 2000. – 480 p.

22. Gell A. Art and Agency: An Anthropological Theory / A. Gell. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 271 p.

23. Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus / S.M. Shirokogoroff. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1935. – 469 p.

Рябчун Н.П.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина».

Онтологическое измерение этнической культуры: сотворение мира в творчестве Лейлы Изабакаровой*

Аннотация. В статье на примере творчества дагестанской художницы Лейлы Изабакаровой рассматривается онтологическое измерение народного искусства, лежащего в основе этнической культуры. Художественный образ трактуется как микромодель гармоничной Вселенной. Раскрывается символика круга, значение различных сочетаний цвета, ритмическая структура в произведениях прикладного искусства Лейлы Изабакаровой как яркой представительницы традиционного прикладного искусства Кавказа.

Ключевые слова: этническая культура, прикладное искусство, онтологическое измерение, космос и хаос, экзистенциальное высказывание, Кубачи.

Ryabchun N.P.

Associate Professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas National Research University) Russian Federation.

The ontological dimension of ethnic culture: the creation of the world of Leyla Izabakarova

Abstract. This article examines the ontological dimension of folk art—which forms the foundation of ethnic culture—through the work of Dagestani artist Leila Izabakarova. The artistic image is interpreted as a micromodel of a harmonious Universe. The study explores the symbolism of the circle, the significance of various color combinations, and the rhythmic structure found in the applied art of Leila Izabakarova, a prominent representative of traditional Caucasian applied art.

Key words: ethnic culture, applied art, ontological dimension, cosmos and chaos, existential statement, Kubachi.

Современная этническая культура народов России все чаще становится предметом изучения в отечественной гуманитаристике; исследователи ви-

дят в ней альтернативу глобализму и технологизму как общим тенденциям развития цивилизации. Художники, работающие в традиционном жанре, соз-

* © Рябчун Н.П., 2026.

Онтологическое измерение этнической культуры: сотворение мира в творчестве Лейлы Изабакаровой

дают в своем творчестве мир, полный гармонии, красоты, порядка и смысла, чего так не хватает в эпоху высоких технологий, когда «информация убивает смысл» (Герберт Маклюэн), «абсурд рождается из столкновения человеческого разума и безрассудно молчащего мира» (Альбер Камю), а «ад - это другие» (Жан-Поль Сартр).

Об онтологическом измерении народного искусства, лежащего в основе этнической культуры, носящего жизнеутверждающий характер, есть немало исследований [например: 2,4,7].

Задача художника в народном искусстве - претворение хаоса в космос. Любой артефакт - расписная прялка, костюм, украшение, посуда, изба с ее декором - это не просто отдельный объект, а «мир в целом». Поэтому образный строй произведений народного искусства носит космологический характер, каждое создание - это микрокосм, малая модель Вселенной, отражающая ее основные качества и принципы.

Вселенная, созданная народным искусством, - яркая, жизнеутверждающая, радостная, мажорная, ей свойственны декоративность и орнаментальность. Народные художники создают искусственную среду, отражая извечный порядок и гармонию в природе, повторяя идеальные композиционные принципы, заложенные в природе, выражая неразрывную физическую и духовную связь человека с природой. Это проявляется в отражении в нем природных форм и использовании природных материалов - работа над глиной, деревом, льном, шерстью, обработка природных камней и металлов.

Связь с природой - источник мощного оптимизма, исходящего из предметов народного искусства. В отличие от народной, деревенской, городская профессиональная культура создает

искусственную среду, формы которой ближе к идеальным машинно-математическим представлениям о целесообразности и красоте; это холодное, абстрактное, логическое изящество. Поэтому искусство, порожденное городской цивилизацией, часто носит минорный, драматический характер, выражает антагонизм человека по отношению к обществу и миру в целом.

В последнее время в нашей стране наблюдается возрождение интереса к национальной культуре. Одним из ярких представителей этого направления является Лейла Изабакарова - наша современница, заслуженный художник Дагестана, живописец, миниатюрист, эмальер, график, мастер по металлу и дизайнер женских украшений. Лейла Изабакарова выросла и сформировалась как творческая личность на стыке двух культур - дагестанской и грузинской, впитала в себя лучшие традиции этих двух народов и смогла их выразить в разных техниках и жанрах. Это эмаль, чеканка, филигрань, гравировка, работа с металлом, живопись и графика. Художница создает ювелирные украшения, настенные миниатюры, работает в жанре книжной иллюстрации, портрета и пейзажа. Но преобладает ювелирное искусство; и в этом решающую роль сыграло влияние матери - народного художника Грузии и Дагестана, уроженки знаменитого аула Кубачи, в одиннадцатом поколении продолжившей дело своих предков Манабы Магомедовой (1928 - 2013).

Лейла Изабакарова окончила художественную школу в Тбилиси, потом факультет декоративно-прикладного искусства отделения промышленной графики Тбилисской академии художеств. Однако склонность к декоративности и орнаментальности привела ее к технике эмали. Для техники перегород-

чатой эмали характерны глубокий прозрачный цвет, разнообразие оттенков (существует более двухсот). В Кабачи доминирует кобальтовый цвет - синий. Он издревле полюбился горцам: именно синим цветом красят в горных аулах балконы, стены кунацких комнат.

Искусство эмалиров очень трудоемко. Мастера выкладывают на металлических пластинах (в основном это золото и серебро, с другими металлами эмаль «не дружит», не смотрится), закрепляют эти нити на поверхности согласно древней традиции с помощью клея из айвовых косточек; образовавшиеся ячейки заполняют эмалью разных цветов. Затем изделие обжигают в печи, добиваясь нужного оттенка - цвет приобретает блеск, подобный драгоценным камням, и не теряет своей насыщенности уже никогда.

Для эмали характерна прозрачность и пространственность, ее палитра музыкальна; посредством нее художник может выразить гармонию космоса: краски, орнаменты, ритмы создают космическую музыку, через которую ощущаются необъятные просторы Вселенной. Техника эмали позволяет мастеру выразить нежность, радость души человеческой через грациозно гибкие линии, изящные лепестки и розетки, заросли, вьющиеся ветви и бесконечное переплетение растительных мотивов. Стилизованный растительный узор сочетается с геометрическими формами, что создает определенную лаконичность и архитектурную отточенность каждого изображения.

В произведениях прикладного искусства Лейлы Изабакаровой звучит эта космическая музыка, порядок, гармония и чистота. Ювелирные украшения из ее серий «Цветы», «Знаки зодиака», «Насекомые» - это миниатюрные модели Вселенной, микрокосмос. Например,

брошь «Черепаша» (1993). Здесь присутствует сложное композиционное решение, основанное на разнообразном изобразительном материале, живописности и тонком письме на эмалевых вставках, четкость и выразительность металлических форм. Композиция - структура артефакта - выполнена из серебра. Серебро у народов Кавказа всегда наделялось особой магической силой и защитной функцией; с этим культом была связана традиция нашивать различные украшения на женский костюм [3]. В серебряной рамке помещен панцирь черепахи - вставка расписной эмали, покрытая абстрактными узорами с изысканным колоритом коричневого-голубого-жемчужного-золотого. Узор создает ощущение вращательной воронки, некой круговой динамики, напоминающей вращение планет вокруг солнца. Этот эффект вращения, а также цветовые круглые пятна по периметру - жемчужины лапок черепахи и два круглых глаза - создают особый ритм, придавая всей миниатюре размером 5х5 см музыкальное звучание.

И здесь вспоминаются философские концепции о взаимообратимости цвета и звука: от Пифагора, который соотносил музыкальные октавы с цветами, до Осипа Манделштама, утверждавшего, что звук и краски взаимообратимы: цвет воспринимается как музыкальная гамма, а звуки - как цветовые оттенки (стихотворение «Импрессионизм»), и Василия Кандинского, проводившего аналогии между оттенками красок и звучанием музыкальных инструментов: желтый - труба, синий - флейта, зеленый - скрипка и т.д. [6].

В итоге черепаха у Лейлы Изабакаровой становится образом Вселенной с мерно вращающимися вокруг центра космическими телами - звездами, галактиками, планетами. А можно ви-

деть в этом и атом (микрокосм) - шар, в центре которого ядро, окруженное облаком, и вращающиеся вокруг него по орбитам электроны. Черепаха - «мир в целом», космос, модель Вселенной.

Вселенские гармония, симметрия, порядок, ритм проявляются и в других произведениях художницы: например, броши «Цветок» (2011), «Лягушка» (1998), «Пчела» (2009), кулон «Паук» (2009). В каждом конкретном изображении - гармония, симметрия, равновесие, пропорциональность, красочность и декоративность, что повторяет принципы устройства природы и космоса.

Рассмотреть творческий образ как микромодель гармоничной Вселенной можно также на примере броши «Птица» (1992): живопиская миниатюра на эмали, где в серебряный круг с филигранной окантовкой вписано изображение райской птицы, взмахивающей крыльями; круг прикреплен внизу к веточке с узорами и полудрагоценными камнями. Палитра желто-фиолетово-голубая с черными прожилками. Символ птицы в кубачинском искусстве встречается часто; для его изображения характерна орнаментально-декоративная трактовка деталей - крыльев, туловища, хвоста. Стилизованные изображения птиц несут символику силы, свободы, защиты, духовности; также птица символизирует тепло, урожай, богатство [1] - т.е. все то, что связано с жизненной энергией и ее источником. Поэтому птицу обычно изображают вместе с растительными мотивами, в основе которых лежит образ мифологического древа жизни.

На броши Лейлы Изабакаровой мы также видим изящную веточку (отсылка к символу древа жизни), украшенную лазуритом и гранатом: сочетание красного и синего в грузинском искус-

стве часто используется для создания композиционного равновесия и эмоциональной выразительности. Красный цвет в мифологических представлениях многих народов является символом жизненных сил.

Композиционно изображение птицы заключено в круг. Окружность, сфера с античных времен считалась совершенной фигурой, воплощающей идеи гармонии, единства, вечности и цикличности. Равномерное, ритмичное, музыкальное движение планет моделировалось как наложение вращений по окружности. Теории окружностей посвящали свои исследования Евклид и Архимед. Пифагор считал круг воплощением бесконечного времени и пространства, символом всего сущего. Круг как графический образ сферы представляет космос, окруженный неорганизованным хаосом.

Круг, имеющий центральную точку (в композиции броши «Птица» центральная точка - крылья сказочной птицы), воспринимается как воплощение проявления жизненного потенциала, развитие и расширение - циклическое повторение времен года, жизни, смерти, дня, ночи и т.д. [8].

На основе приведенных нескольких работ Лейлы Изабакаровой можно сделать вывод, что художница обладает способностью превращать этнографический материал в экзистенциальное высказывание. Ее творчество можно назвать не просто изображением, а духовным жестом - состоянием внутреннего мира, гармонии, равновесия. Истоки такого мироощущения можно найти в автобиографической книге ее матери, Манабы Магомедовой, где она пишет о родном ауле Кубачи, где выросла и была воспитана и она, и ее дочь Лейла [5].

Кубачинцы умеют ценить и исполь-

зывать в декоративных целях практически всё. В быту и повседневности присутствует искусство, и оно связывает человека с космосом, благодаря чему каждый постоянно воспринимает свою жизнь с точки зрения вечности. Это выражается, например, в традиции покрывать орнаментом одежду, домашнюю утварь, стены домов; а ведь орнамент - это философия в народной культуре, это информация об устройстве мира. Манаба Магомедова, рассказывая в своей книге о детстве, пишет, в частности, о красивых детских валенках, вышитых золотом и цветной ниткой, о не менее красивых вязаных многоцветных носках, об украшенных женских головных уборах - казах; взрослые учили детей создавать такие предметы, объясняли смысл орнаментов, учили технике вышивки, вязания и т.п. (Узоры жизни, с. 19-20). Свои дома горцы украшали коврами. Ковровые изделия сопровождали человека в течение всей жизни: специальными накидками покрывали люльку с младенцем, их давали в приданое невесте, в погребальном обряде ковры также являлись необходимым атрибутом. В горское жилище они приносили цвет, тепло и красоту, закрывая серый камень стен и земляной пол, придавали яркость тускло мерцавшей медной посуде и подчеркивали выразительную орнаментацию резного дерева и расписной керамики [5, с. 73-75].

Искусство присутствовало в свадебных обрядах, в которых участвовали все жители селения. Через создание свадебных костюмов, подготовку особых свадебных угощений, песни, танцы и обряды, продолжавшиеся по традиции до 40 дней, кубачинцы приобщались к национальной культуре [5, с. 11-16].

Манаба Магомедова пишет о том,

что в детстве на нее огромное впечатление произвело то, что поразившие ее красотой бытовые предметы прикладного искусства создали не просто незнакомые люди, а ее близкие: например, серебряный портсигар, который выгравировал отец в честь рождения своего первенца; или вышивка, которой научил ее, шестилетнюю девочку, дядя - большой знаток кубачинского орнамента (Узоры жизни, с. 20). А бабушка знала много песен и преданий, которые рассказывала своей внучке - будущей художнице. Таким образом, среда сформировала художественное мышление Манабы Магомедовой и ее дочери Лейлы Изабакаровой. Кубачинские ювелиры передают свое мастерство в десятом и более поколении, создают специфическую среду, в которой воспитывается талант - и это гораздо эффективнее любых художественных училищ.

В заключение следует сказать, что современная этническая культура - это кладёзь концептов и смыслов; она развивается, в ней переплетаются традиции и инновации - и это заслуживает пристального изучения.

Список литературы

1. Гамзатова П. Образ птицы в ювелирных украшениях // Путь Патимат: Женский мир в традиционном и современном искусстве Дагестана. - М.: Государственный музей-заповедник «Царицыно», 2023. - С. 211.
2. Демяшева Л.С., Рязанов А.В Социально-онтологические характеристики народных традиций. Мanuscript. 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 759-763.
3. Кавказский словарь: земля и люди. Каталог выставки. Государственный музей-заповедник «Царицыно». - М., 2012.
4. Ломако О.М., Сердешнов Е.М. Мифология танца: природное - социальное - экзистенциальное // Человек. История. Культура: исторический и философский альманах. 2012. - № 11. - С. 38-43.
5. Магомедова М. Узоры жизни. - М.: Советская Россия, 1974.
6. Сколкова П. «Синий - виолончель, зелёный - скрипка». 150 лет Василию Кандинскому. Информационный портал фонда «Русский мир». 16.12.2016. // URL: <https://russkiymir.ru/publications/218521/>
7. Чеснов Я.В. Народная культура: философ-

ско-антропологический подход. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014.

8. Юнг К.Г. Человек и его символы. Глава «Символ круга» – М.: Astrobook, 2022. – С. 245-255.

References

1. Gamzatova P. The Image of a Bird in Jewelry // The Path of Patimat: The Women's World in Traditional and Contemporary Art of Dagestan. Moscow: Tsaritsyno State Museum-Reserve, 2023. – P. 211.
2. Demyasheva L.S., Ryazanov A.V. Social and Ontological Characteristics of Folk Traditions. Manuscript. 2021. – Vol. 14. – № 4. – P. 759-763.
3. Caucasian Dictionary: Land and People. Exhibition Catalogue. Tsaritsyno State Museum-Reserve. Moscow, 2012.
4. Lomako O.M., Serdeshnov E.M. Mythology of Dance: Natural - Social - Existential // Man. History. Culture: Historical and Philosophical Almanac. 2012. – № 11. – P. 38-43.
5. Magomedova M., Patterns of Life. – Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1974.
6. Skolkova P. "Blue – Cello, Green – Violin." 150th Anniversary of Wassily Kandinsky. Information Portal of the Russkiy Mir Foundation. December 16, 2016. // URL: <https://russkiymir.ru/publications/218521/>
7. Chesnov Ya.V., Folk Culture: A Philosophical and Anthropological Approach. – Moscow: Kanon+; ROOI "Rehabilitation", 2014.
8. Jung K.G., Man and His Symbols. Chapter "The Symbol of the Circle" – Moscow: Astrobook, 2022. – P. 245-255.

Миронов А.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Садриева А.Н.

Кандидат культурологии, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Кузнецова Н.С.

Кандидат педагогических наук, декан факультета художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Теньковских Е.М.

Студент. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Партиципаторные практики в региональном художественном музее (на материале проектов Нижнетагильского музея изобразительных искусств, посвященных Павлу Голубятникову)*

Аннотация. Партиципаторные практики, вовлекающие посетителей в коммуникацию с искусством, активно внедряются в деятельность российских художественных музеев в XXI веке. Переход от пассивной демонстрации экспонатов к моделям соучастия актуален как для столичных, так и для региональных институций. В статье рассматривается опыт реализации исследовательских проектов «Исконный свет Салафиила. Светоживопись Павла Голубятникова» и «Фестиваль светоживописи “Исконный свет Салафиила”» в Нижнетагильском музее изобразительных искусств. Цель статьи – выявить партиципаторные методики взаимодействия музея и аудитории в процессе работы с наследием П.К. Голубятникова. На основе включенного наблюдения и рефлексивных сессий авторами представлена специфика вовлечения в процесс партиципации не только посетителей музея, но и экспертного сообщества (художников, ученых, педагогов). В результате исследования определены эффективные форматы сотворчества на стыке науки и искусства, а также показана роль партиципации в раскрытии художественных идей П.К. Голубятникова.

Ключевые слова: партиципаторные практики, культурная медиация, анализ художественного произведения, Нижнетагильский музей изобразительных искусств, П.К. Голубятников, К.С. Петров-Водкин, «Исконный свет Салафиила. Светоживопись Павла Голубятникова», «Фестиваль светоживописи “Исконный свет Салафиила”».

Mironov A.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Art Education. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

* © Миронов А.В., Садриева А.Н., Кузнецова Н.С., Теньковских Е.М., 2026.

Партиципаторные практики в региональном художественном музее (на материале проектов Нижнетагильского музея изобразительных искусств, посвященных Павлу Голубятникову)

Sadrieva A.N.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Art Education. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Kuznetsova N.S.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Art Education. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Tenkovskikh E.M.

Student. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Participatory practices in a regional art museum (based on projects by the Nizhny Tagil museum of fine arts dedicated to Pavel Golubyatnikov)

Abstract. Participatory practices that engage visitors in a dialogue with art are being actively implemented in Russian art museums during the 21st century. The shift from the passive display of exhibits to participatory models is relevant for both metropolitan and regional institutions. This article examines the implementation of the research projects “Salaphiel’s Primordial Light: Pavel Golubyatnikov’s Light-Painting” and the “Salaphiel’s Primordial Light” Light-Painting Festival” at the Nizhny Tagil Museum of Fine Arts. The article aims to identify participatory methods of interaction between the museum and its audience while engaging with the legacy of P.K. Golubyatnikov. Drawing on participant observation and reflexive sessions, the authors outline the specifics of engaging not only museum visitors but also the expert community (artists, scholars, and educators) in the participatory process. The study identifies effective formats for co-creation at the intersection of science and art and demonstrates the role of participation in revealing the artistic ideas of P.K. Golubyatnikov.

Key words: participatory practices, cultural mediation, analysis of a work of art, Nizhny Tagil Museum of Fine Arts, P.K. Golubyatnikov, K.S. Petrov-Vodkin, “The Primordial Light of Salathiel. Light Painting by Pavel Golubyatnikov”, “Light Painting Festival “The Primordial Light of Salathiel”.

В художественных музеях России на смену классической парадигме пассивного восприятия произведений искусства сегодня приходят практики активного участия посетителей в создании выставочных проектов, иначе говоря, практики партиципации (соучастия). Потенциал развития художественного музея как социокультурного института зависит от активного применения таких практик – использования новых форм коммуникации, умения создавать общности.

В широком смысле слова партиципация означает культуру сотрудничества посетителей и работников музея в процессе реализации общих проектов [8, с. 105]. В музейной практике явление партиципации начало подвергаться рефлексии после появления книги «Партиципаторный музей» [6] куратора, эксперта по работе с публикой Музея искусств и истории в Санта-Круз (Калифорния, США) Н. Саймон, которая рассматривает музей как место для активного социального взаимодей-

ствия, сотворчества и открытого диалога с посетителями. Исследователь выделяет три основные модели соучастия музея и посетителей в зависимости от степени вовлеченности публики в создание музейного продукта.

1. Собирательство: посетители передают музею личные вещи, фотографии, фиксируют свои жизненные истории, которые становятся частью фондов или временных выставок.

2. Сотрудничество: посетители выступают в качестве полноправных партнеров или консультантов музея. Они помогают сотрудникам отбирать экспонаты, проектировать темы выставок, оценивать концепции и влиять на содержательную сторону программ музея.

3. Сотворчество: посетители становятся авторами, художниками и со-авторами выставок или экспонатов [6, с. 230–231].

С 2000-х гг. participation начинает внедряться в практику российских художественных музеев – как в Москве и Санкт-Петербурге, так и в регионах. Анализ региональной специфики партиципаторных проектов, в том числе в музеях Уральского региона, осуществлен в диссертации М.Н. Стародубцевой «Партиципаторные практики в современном региональном музее» [7].

Партиципаторные практики активно использует в своей деятельности один из крупных региональных художественных центров Урала, Нижнетагильский музей изобразительных искусств (НТМИИ). В качестве примеров можно привести международный проект «Солдаты. Soldaten. Soldiers. Всем солдатам Второй мировой посвящается» (2011 г.), Фестиваль молодежных культур «Вверх по вертикали» (2019 г.), тактильные выставки скульптуры «Трогать разрешается!» (2020 г.),

«Трогать разрешается – 2. Сила духа» (2022 г.) и др.

На основе participation были разработаны два выставочных проекта, посвященных П.К. Голубятникову, в «возвращении» имени и творческого наследия которого Нижнетагильский музей сыграл важнейшую роль.

Павел Голубятников, обучаясь в Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских, с 1918 г. становится учеником К.С. Петрова-Водкина, а позже и его ассистентом во ВХУТЕМАСе. Будучи ярким представителем планетарной концепции К.С. Петрова-Водкина, Голубятников активно участвует в художественных выставках Петрограда и Москвы, при этом не оставляя педагогическую деятельность. В 1925 г. он успешно преподает цветоведение, рисунок и живопись в Киевском художественном институте, разрабатывая авторские методические программы для этих дисциплин. Его художественные работы становятся известны не только в Советской России, но и за рубежом. В 1932 г. Голубятников с семьей переезжает в Ленинград, где продолжает педагогическую деятельность в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры и Ленинградском институте народной культуры. Однако вскоре художник попадает под компанию борьбы с формализмом: его работы становятся не востребованы, как и готовые к публикации два тома «Атласа цвета», а преподавать приходится в изостудии при Доме учителя.

В последние годы жизни Голубятников настойчиво разрабатывает идею светоживописи, основанную на работе спектральных отражений стеклянных призм, а также по мере сил продолжает работу над эскизами к произведению «Архангел Салафиил». 29 января 1942 г.

в блокадном Ленинграде Голубятников умирает от истощения. Его «Атлас цвета» и некоторые живописные работы погибают при бомбежках. При эвакуации из осажденного Ленинграда жена и дочь художника вывозят уцелевшие холсты, а также наброски и рисунки в Нижний Тагил. Лишь в 1970–1980-е гг. работы Голубятникова, а также уцелевшая часть архива были поэтапно переданы в НТМИИ.

В 2011–2012 гг. в Нижнетагильском музее при поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина (номинация «Меняющийся музей в меняющемся мире») был реализован проект «Исконный свет Салафиила. Светоживопись Павла Голубятникова» [5]. Проектная группа под руководством заместителя директора по научной работе Е.В. Ильиной и главного хранителя Л.Л. Смирных решила исследовать выдвинутую П.К. Голубятниковым гипотезу получения художественного изображения с помощью проекции спектрального преломления света, в основе – эскиз картины для перевода в светоживопись «Архангел Салафиил – молящий за людей» (1940, холст, масло). Музей привлек к сотрудничеству кандидата физико-математических наук, специалиста в области оптики Е.Ю. Яблочкова, который расшифровал чертежи Голубятникова и сконструировал опытную установку, позволившую создать лучами, полученными при расщеплении света через призму, изображение чаши. Студент факультета художественного образования Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (НТГСПИ) А. Хабаров (руководитель Н.А. Гундырева) создал в программе AutoDesk 3Dsmax анимационный фильм, иллюстрирующий работу оптически выстроенных призм для создания

изображения Архангела Салафиила. На примере этих проектов мы видим реализацию двух моделей партиципации – сотрудничества и сотворчества.

Музей привлек к созданию экспозиции профессиональное сообщество художников, которые создали проекты-вариации на тему светоживописи в различных материалах и техниках: инсталляция Т. Баданиной «Генератор радуги», цикл художественных фотографий В. Наседкина «Тени Тибета», серия живописных абстракций С. Брюханова «Спектр», работа В. Селезнева «Два лика, две ипостаси. Архангел Салафиил», выполненная с использованием светонакапливающих красок, фигура Архангела Салафиила в технике фьюзинг Н. Наумовой. В выставочном пространстве были представлены и исследовательские работы студентов факультета художественного образования (руководитель И.П. Кузьмина): визуализация образа Архангела Салафиила в технике фризлайт и серия натюрмортов с использованием сближенных и взаимодополнительных цветов по программе П.К. Голубятникова, разработанной некогда для студентов педагогического факультета Киевского художественного института.

В рамках проекта «Исконный свет Салафиила. Светоживопись Павла Голубятникова» было выполнено еще одно исследование – по материалам архива художника подготовлена к печати и издана книга его стихов «Шелест тихих слов» [2]. Для анализа художественных текстов и работы над предисловием к сборнику музей привлек к сотрудничеству кандидата филологических наук А.В. Миронова, а студенты факультета художественного образования под кураторством Е.В. Старченко создали серию анимационных абстракций по стихотворениям. При жизни

Голубятникову так и не удалось издать свои поэтические тексты, которые стали для участников проекта своеобразным лирическим путеводителем по его художественным и живописным замыслам, а также позволили уточнить и прояснить вектор его внутреннего творческого развития.

В пространстве выставочной экспозиции был реализован партиципаторный образовательный проект для младших школьников «Архангел Салафиил» (руководитель Н.С. Кузнецова), представляющий детскую интерактивную зону для проведения игровых занятий. Проект был направлен на практическое усвоение понятий «цвет», «форма», «композиция» и создание творческого продукта – конструирование из объемных геометрических форм (кубов) интерпретации картины П.К. Голубятникова «Архангел Салафиил – молящий за людей».

В 2024–2025 гг. фонд В. Потанина поддержал перезапуск и расширение инициативы НТМИИ по изучению творческого наследия П.К. Голубятникова до формата «Фестиваля светоживописи “Исконный свет Салафиила”» (руководитель проекта Н.А. Гундырева) [3; 4]. Практики партиципации использовались для реализации выделенных сотрудниками музея «идейных линий» фестиваля – выставочной, научно-просветительской, поэтической гостиной и образовательной.

Музей организовал открытый прием конкурсных заявок для художников, работающих со светом и новыми форматами медиа. Выставочная экспозиция включала произведения живописи, графики, ДПИ, светомузыки, компьютерного искусства, инсталляции, видео более 40 профессиональных художников, которые представили современное прочтение идей Голубятни-

кова. Творческой группой студентов (руководитель Р.Р. Мамутов) был создан триптих «Облако», исследующий природу цветного света в художественной фотографии. Серию живописных и графических натюрмортов и композиций с фигурой натурщика в системе трехцветия К.С. Петрова-Водкина создали студенты факультета художественного образования под руководством И.П. Кузьминой.

Приглашенные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и Нижнего Тагила в рамках фестиваля читали лекции об экспериментах со светом и цветом в современном искусстве: дизайне, видеоарте, медиаинсталляциях и т. д.

Поэтическое сообщество Нижнего Тагила представило свои аллюзии на живописное и поэтическое творчество П.К. Голубятникова. Студенты факультета художественного образования под руководством А.А. Миронова создали видеоролики, совмещающие в себе поэтические и визуальные рецепции творческого наследия художника. Выбранные из поэтического сборника «Шелест тихих слов» тексты были вплетены в ассоциативно собранные сюжетные истории, отснятые как в сценических и студийных форматах, так и в ландшафтных локациях. Самые трепетные моменты для участников такого вида партиципаторной практики были связаны с возможностью задействовать в съемках подлинные работы П.К. Голубятникова, предоставленные музеем.

Более подробно остановимся на одной из партиципаторных методик – культурной медиации «Искусство восприятия» – на примере реализации образовательного проекта «Фестиваль одной картины: “Гроза” Павла Голубятникова» (кураторы А.Н. Садриева, А.В. Миронов; студенты-волонтеры под руководством Е.М. Теньковских).

Культурная медиация – процесс приобретения и передачи знаний об искусстве, социальных или научных явлениях через обмен, реакцию и творческий отклик [1].

Сценарий «Фестиваля одной картины» выглядел следующим образом. Посетителям музея предлагалось рассмотреть картину «Гроза» и письменно ответить на несколько вопросов, выстроенных с использованием методики анализа художественного произведения А.А. Мелик-Пашаева [9, с. 48]. Ответы на вопросы («Как бы вы назвали картину?»; «Нравится вам эта картина или нет?»; «Расскажи о картине человеку, который ее не знает, чтобы он мог составить о ней представление»; «Какие чувства, настроение вызывает у вас это произведение? Почему?» и др.) дают возможность зрителю сконцентрировать внимание на впечатлении от произведения и обобщить его, помогают переключить внимание от картины (объекта восприятия) на себя (свои переживания, ощущения). Вопросы, направленные на выяснение отношения-оценки, сложившегося при первом знакомстве с произведением, помогают зрителю конкретизировать свое переживание смысла картины.

На следующем этапе культурной медиации студенты-волонтеры кратко рассказывали о жизни П.К. Голубятникова, постепенно переходя на историю зарождения замысла и историю создания картины «Гроза». При этом использовались стихи самого художника, где ярко прослеживается мотив грозы, связанный с духовными борениями творческой личности.

Практический этап был связан с созданием участниками проекта авторского коллажа, который должен стать собственной ассоциативной версией-отражением картины «Гроза»

или вариациями на ее тему. Посетители, используя заранее подготовленные материалы (цветная бумага, яркие журнальные иллюстрации, ножницы, клей), имели возможность технической поддержки со стороны студентов-волонтеров.

В данном случае посетители музея не просто получили опыт работы в технике коллажа, они сами участвовали в создании образной композиции на заданную тему, став реальными интерпретаторами художественного произведения. В завершение проекта участники презентовали свои коллажи, комментируя собственные образные и композиционные решения. Здесь каждый из них отвечал на вопрос: «Осталась ли ваша оценка картины такой же, как в начале акции, или изменилась?»

Подобный опыт творческой сопричастности зрителя к осмыслению художественного объекта через сотворчество вырабатывает у посетителя музея особый спектр эмоционального восприятия не только музейного пространства, но и тех культурных смыслов произведения искусства, перцепция которых принимает совершенно иной, субъективно-личностный формат.

Таким образом, при работе над данными проектами музеев привлечен к сотрудничеству целый ряд представителей как профессиональных сообществ (художников, ученых, педагогов, которые приняли участие в создании выставочной экспозиции, изучении и актуализации живописного, поэтического, научного, педагогического наследия художника), так и студентов и неподготовленных зрителей – обычных посетителей. Для всех участников проектов П.К. Голубятников предстал не просто как «возвращенный художник», а как живописец-новатор, педагог,

поэт, ставший актуальным отражением переломной культурной эпохи в жизни нашей страны.

Список литературы

Время культурной медиации / Мерш К. и соавт. Про Гельвеция, 2012. УИБСИ – Гараж, 2021.pdf [Электронный ресурс]. // URL: https://drive.google.com/file/d/1KlkCJsx-uRZWLR-_b4VZSG0RCQDXc1/view.

Голубятников П.К. Шелест тихих слов. Стихи. Нижний Тагил: Нижнетагильский музей изобразительных искусств, 2012. – 92 с.

Исконный свет Салафиила. Фестиваль светоживописи. Каталог / сост. Н.А. Гундырева. Нижний Тагил: Репринт, 2025. 50 с.

Павел Голубятников. Возвращенное имя / Исконный свет Салафиила. Светоживопись. Проект 2012 / Тихий шелест слов. Стихи художника / текст М.В. Агеева и др. Нижний Тагил: Репринт, 2025. – 316 с.

Проект «Исконный свет Салафиила. Светоживопись П. Голубятникова». Проект-победитель конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина [Электронный ресурс]. // URL: <https://artmnt.ru/projects.php?id=9>.

Саймон Н. Партиципаторный музей / пер. с англ. А. Глебовской. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 368 с.

Стародубцева М.Н. Партиципаторные практики в современном региональном музее: дис. ... канд. культурологии: 5.10.1. Тюмень, 2024. – 207 с.

Стародубцева М.Н., Чистякова М.Г. Партиципаторный музей в контексте искусства соучастия // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. 2019. – № 12 (434). – Вып. 54. – С. 105-110.

Эстетическое воспитание и экология культуры: [Сб. ст.] / [сост. Генисаретский О.И., Мелик-Пашаев А.А.]. – М.: Советский художник, 1988. – 432 с.

Гаева А.В. Опыт эмпирического исследования эффективности деятельности региональной политической элиты // Культура Мира. 2026. – Том 14. – Вып. 1. (№ 52). – С. 204-218.

Contemporary Regional Museum: Cand. of Cultural Studies Dissertation: 5.10.1. Tyumen, 2024. – 207 p.

8. Starodubtseva M.N., Chistyakova, M.G. Participatory Museum in the Context of Participatory Art // Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophical Sciences. 2019. – № 12 (434). – Issue. 54. – P. 105-110.

9. Aesthetic Education and the Ecology of Culture: [Collection of Articles] / [compiled by Genisaretsky O.I., Melik-Pashayev A.A.]. – Moscow: Sovetsky Khudozhnik, 1988. – 432 p.

10. Gaeva A.V. Theoretical analysis of the effectiveness of the regional political elite // Culture of World. 2026. – Vol. 14. – Issue 1. (№ 52). – P. 204-218.

References

1. Time of Cultural Mediation / Merzh K. et al. About Helvetia, 2012. UIBSI – Garage, 2021.pdf [Electronic resource]. // URL: https://drive.google.com/file/d/1KlkCJsx-uRZWLR-_b4VZSG0RCQDXc1/view.

2. Golubyatnikov P.K. Rustle of Quiet Words. Poems. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil Museum of Fine Arts, 2012. – 92 p.

3. The Primordial Light of Salathiel. Light Painting Festival. Catalog / compiled by N.A. Gundyeva. Nizhny Tagil: Reprint, 2025. – 50 p.

4. Pavel Golubyatnikov. The Returned Name / The Primordial Light of Salathiel. Light Painting. Project 2012 / Quiet Rustle of Words. The artist's poems / text by M.V. Ageev et al. Nizhny Tagil: Reprint, 2025. – 316 p.

5. Project "The Primordial Light of Salathiel. Light Painting by P. Golubyatnikov". The winning project of the "Changing Museum in a Changing World" competition of the Vladimir Potanin Charitable Foundation [Electronic resource]. // URL: <https://artmnt.ru/projects.php?id=9>.

6. Simon, N. Participatory Museum / translated from English by A. Glebovskaya. – Moscow: Ad Marginem Press, 2017. – 368 p.

7. Starodubtseva M.N. Participatory Practices in a

Сунь Маньнин

Магистрант. Казанская государственная консерватория имени Н.Г. Жиганова, г. Казань.

Гоптарев В.Н.

Кандидат педагогических наук, доцент. Казанская государственная консерватория имени Н.Г. Жиганова, г. Казань.

«Harvest fisherman's song» композитора Ли Зили как один из шедевров китайского скрипичного искусства: особенности создания, композиции и исполнения*

Аннотация. В статье исследуется скрипичная пьеса Ли Зили «Harvest Fisherman's Song» («Песнь рыбака об улове»), созданная в 1972 г. и вошедшая в число классических произведений китайского скрипичного репертуара. Анализ проведён на основе клавира произведения, аудиозаписей исполнений и материалов творческой биографии композитора. Установлено, что пьеса длительностью около шести минут написана в трёхчастной форме с динамической репризой и опирается на мелодический материал рыбацкой песни «Улов должен быть», популярной в прибрежных районах провинции Гуандун. В музыкальной ткани сочетаются мажорная пентатоника, имитация приёмов игры на гуцине и элементы импрессионистской звукописи. Выделены четыре ключевых средства национальной идентификации музыкального языка: ладовая опора на пентатонику, интонационное цитирование рыбацкой песни, тембровое подражание народным инструментам, ритмическая передача трудовых процессов рыболовства. Определены пять исполнительских задач для скрипача: удержание тембровой полноты при работе штрихами *spiccato*, *flying staccato*, *sautillé* и *portato*; координация левой и правой рук в переменных размерах 2/4 и 3/4; передача образной драматургии трёх разделов формы; воспроизведение подражательных инструментальных приёмов; выстраивание ансамблевого баланса с партией фортепиано.

Ключевые слова: Ли Зили, китайское скрипичное искусство, «Harvest Fisherman's Song», пентатоника, национальный стиль, рыбацкая песня, штриховая техника, скрипичный репертуар.

Sun Mannin

Master Student. Kazanskaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni N.G. Zhiganova, Kazan.

Goptarev V.N.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganov, Kazan.

«Harvest fisherman's song» by composer Li Zili as one of the masterpieces of Chinese violin art: features of creation, composition, and performance

Abstract. The article examines Li Zili's violin piece «Harvest Fisherman's Song» (1972), which

* © Сунь Маньнин, Гоптарев В.Н., 2026.

«Harvest fisherman's song» композитора Ли Зили как один из шедевров китайского скрипичного искусства: особенности создания, композиции и исполнения

has become part of the classical Chinese violin repertoire. The analysis is based on the piano score, audio recordings of performances, and materials from the composer's creative biography. It is established that the piece, lasting approximately six minutes, is written in a three-part form with a dynamic reprise and draws on the melodic material of the fishing song «The Catch Must Come», popular in the coastal areas of Guangdong Province. The musical fabric combines major pentatonicism, imitation of guqin playing techniques, and elements of impressionist tone painting. Four key means of national identification of the musical language are identified: modal reliance on pentatonicism, intonational quoting of the fishing song, timbral imitation of folk instruments, and rhythmic rendering of the labor processes of fishing. Five performing tasks for the violinist are defined: maintaining the fullness of timbre when working with the strokes spiccato, flying staccato, sautillé, and portato; coordination of the left and right hands in variable meters 2/4 and 3/4; conveying the imagery of the three sections of the form; reproducing imitative instrumental techniques; and building an ensemble balance with the piano part.

Key words: Li Zili, Chinese violin art, «Harvest Fisherman's Song», pentatonicism, national style, fishing song, bow stroke technique, violin repertoire.

Введение

В музыкальной культуре современного Китая скрипичное исполнительство занимает всё более заметное место, развиваясь в двух взаимодополняющих направлениях – академическом, ориентированном на европейский концертный репертуар, и национальном, связанном с созданием и интерпретацией произведений на основе китайского фольклора и профессиональных традиций страны. История утверждения скрипки в отечественной для Китая музыкальной практике сравнительно коротка: инструмент, пришедший в страну в 1920-е гг. вместе с деятельностью первых консерваторий и педагогов, длительное время воспринимался как носитель европейской культуры, чуждой национальному менталитету. Проблема адаптации западного инструмента к художественному языку китайской традиции остаётся одной из центральных для отечественных композиторов на протяжении всего XX столетия.

Особое место в решении этой задачи принадлежит поколению композиторов 1970-х гг., работавших в условиях культурной революции и связанного с

ней требования отражать национальные черты народа. Среди них Ли Зили выделяется как автор произведений, органично соединяющих европейскую техническую основу скрипичного письма с интонационной, ладовой и тембровой спецификой китайской традиции. Наиболее известным его сочинением является пьеса «Harvest Fisherman's Song», созданная в 1972 г. и вошедшая в учебный, концертный и конкурсный репертуар китайских скрипачей.

Актуальность обращения к «Harvest Fisherman's Song» обусловлена сочетанием нескольких обстоятельств. Пьеса представляет собой законченный образец решения проблемы национализации скрипичного языка и допускает системный анализ применяемых для этого средств. При устойчивом присутствии в исполнительской практике произведение сравнительно редко становилось предметом отдельного научного исследования на русском языке. Наконец, интерес к китайскому скрипичному репертуару в мировом концертном пространстве последних лет требует уточнения представлений о характерных для него композиционных и исполнительских решениях.

Цель работы состоит в выявлении художественных, композиционно-драматургических и исполнительских особенностей пьесы Ли Зили «Harvest Fisherman's Song». Задачи исследования охватывают уточнение историко-культурного контекста создания произведения; анализ структуры формы и средств национальной идентификации музыкального языка; характеристику исполнительских задач, стоящих перед скрипачом; определение места пьесы в системе китайского скрипичного репертуара.

Теоретическую основу исследования составили работы, посвящённые становлению скрипичного искусства в Китае и его национальной специфике. Т. Итин рассматривает историю появления и распространения скрипки в Китае через призму культурного обмена между Востоком и Западом. Му Цюаньжи в диссертационном исследовании впервые целостно охарактеризовал становление китайской скрипичной школы, включая её образовательную и исполнительскую составляющие. Ли Хуэй анализирует жанрово-стилистические особенности китайской национальной скрипичной школы. Ю.П. Медведева рассматривает концерт Хэ Чжаньхао и Чэнь Гана «Лян Чжу» как отправную точку для формирования национальной ветви китайского скрипичного репертуара. С. Син и В. Кэчао раскрывают творческий путь и наследие Ма Сыцзуня – фигуры, во многом определившей траекторию китайской скрипичной музыки первой половины XX в. Ц. Жэньпин в фундаментальном труде обобщает историю китайской скрипичной музыки, а В.Ф. Володько анализирует пути интеграции пентатоники и европейской гармонии в китайской академической музыке XX–XXI вв.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили клавиш пьесы Ли Зили «Harvest Fisherman's Song», аудиозаписи её исполнений различных скрипачей, а также опубликованные материалы творческой биографии композитора, включая сведения о его педагогических изданиях («Скрипичный альбом Ли Зили», «Китайский скрипичный альбом для детей», «Детский скрипичный репертуар», учебник «Скрипка для детей»). Дополнительно привлечены аналитические материалы отечественной и китайской музыковедческой литературы, касающиеся истории китайского скрипичного искусства и приёмов адаптации западного инструмента к национальной традиции.

Методология работы базируется на сочетании нескольких взаимодополняющих подходов. Историко-культурный метод обеспечивает соотнесение произведения с эпохой его создания и общими тенденциями развития китайской академической музыки 1970-х гг. Целостный музыкально-теоретический анализ применяется при рассмотрении формы, ладовой основы, интонационного строя и фактуры пьесы. Сравнительно-стилистический подход используется для соотнесения приёмов Ли Зили с решениями других авторов национального направления, прежде всего Ма Сыцзуня, Хэ Чжаньхао и Чэнь Гана. Исполнительский анализ позволяет охарактеризовать штриховую и артикуляционную специфику пьесы, а также задачи, стоящие перед скрипачом при её интерпретации. Систематизация исполнительских трудностей опирается на многолетний педагогический и концертный опыт автора статьи.

Результаты и обсуждение

Появление «Harvest Fisherman's

Song» вписано в широкий контекст утверждения скрипки в китайской музыкальной культуре. Как показывает Т. Итин, скрипичное исполнительство появилось в Китае в результате культурного обмена с Западом и на протяжении XX в. прошло путь от эпизодических практик к формированию собственной национальной школы. В этом процессе принципиальную роль сыграли фигуры Ма Сыцуня и последовавших за ним композиторов: как отмечает С. Син, творческое наследие Ма Сыцуня во многом задавало направление национализации скрипичного языка. Формирование национальной ветви скрипичного репертуара получило дополнительный импульс благодаря концерту Чэнь Гана и Хэ Чжаньхао «Лян Чжу» (1959), который в оценке Ю. П. Медведевой определил пути дальнейшего развития жанра скрипичного концерта в Китае и стал моделью синтеза восточного мировосприятия и западной композиторской техники.

1970-е гг. – эпоха, в которую создаётся «Harvest Fisherman's Song», – ознаменованы условиями культурной революции, ставившей перед художниками задачу отражения жизни и труда народа. Ли Зили весной 1972 г. участвовал в путине в рыболовной зоне Шаньвэй – Гуандун, где непосредственно познакомился с укладом жизни, обычаями и песенной практикой местных рыбаков. Полученные впечатления и материал рыбацких песен провинций Южного моря – Чжухай, Тайшань, Дунгуань, района Фошань – легли в основу пьесы. В её звучании узнаётся мелодия рыбацкой песни «Улов должен быть», популярной в этой местности.

Пьеса написана в трёхчастной форме с динамической репризой и общей длительностью около шести минут. Открывает произведение фортепианное

вступление, в котором мажорная пентатоника и быстрые арпеджиообразные последовательности, воспроизводящие приёмы игры на гуцине, формируют образ летнего утра, света и струящейся воды. Такой инструментально-подражательный характер вступления связывает партию фортепиано с национальной инструментальной традицией и подготавливает вход скрипки.

Первое проведение скрипки происходит мягко, певуче, на струне Е и представляет собой не тему в её законченном виде, а её мотивный зачаток. На его основе разворачивается совместная импровизация скрипки и фортепиано, завершающаяся арпеджиообразными пассажами. Собственно тема, представляющая начальный раздел трёхчастной формы, звучит позже – на фоне красочных фигураций фортепиано, ассоциирующихся с плеском воды. Она изложена насыщенно, благородно и передаёт мелодическое обаяние китайской традиции.

Средний раздел первой части является вариацией темы, в которой реализуется характерный для китайской музыки принцип непрерывного тематического развития: мелодия излагается в импровизационной манере, обогащается новыми фигурами, сохраняя при этом узнаваемость. В репризе первой части восстанавливается состояние восторга, постепенно уступающее место образу удаляющейся лодки, что композитор передаёт восходящими пассажами скрипки в высокой тесситуре.

Вторая часть отражает рабочий ритм процесса добычи рыбы. Она носит оживлённый, действенный характер, в основе которого – переменные размеры 2/4 и 3/4 в быстром темпе. Такое метрическое решение соответствует нерегулярной пульсации трудового процесса и одновременно ставит перед исполнителями задачу тонкой ансам-

блевой координации. Развитие среднего раздела подводит к динамической репризе, в которой тема первой части возвращается в изменённом виде, передавая состояние радости от богатого улова. Небольшая кодетта завершает пьесу образом умиротворения: восходящие пассажи скрипки, чередующиеся с интонационными вкраплениями темы, растворяются в верхнем регистре.

Систематизация композиторских средств, обеспечивающих узнаваемо национальный характер пьесы, позволяет выделить четыре основных приёма.

Первый – ладовая опора на мажорную пентатонику, характерную для музыкального языка провинции Гуандун. Как показывает В. Ф. Володько, пентатоника в китайской академической музыке XX–XXI вв. не просто сохраняется в виде архаического элемента, а активно интегрируется с европейской гармонией, порождая новые способы синтеза. В пьесе Ли Зили пентатонический материал излагается в условиях фортепианной фактуры, гармония которой корректно сопрягается с ладовой природой мелодии, не разрушая её этнического облика.

Второй приём – цитирование интонационного материала рыбацкой песни. Обращение к жанру трудовой песни, характерному для прибрежных провинций Южного Китая, обеспечивает пьесе непосредственную связь с фольклорной традицией. При этом Ли Зили не ограничивается прямым цитированием, а превращает песенный материал в развёрнутую инструментальную композицию, сохраняя его образно-эмоциональное содержание.

Третий приём – тембровое подражание китайским народным инструментам. Наиболее очевидное решение – арпеджиообразные пассажи, воспроизводящие манеру игры на гуцине, что

придаёт фортепианной партии национальный колорит. Ли Хуэй в анализе жанрово-стилистических особенностей китайской национальной скрипичной школы подчёркивает, что подобное «инструментоведческое двоемирие» – сочетание западной инструментальной основы с имитацией народных тембров – стало устойчивой чертой отечественного репертуара.

Четвёртый приём – ритмическая передача трудового процесса. Переменные размеры и штриховая насыщенность средней части пьесы соответствуют физической пульсации рыбацкого труда, обеспечивая жанровую конкретизацию образа. Подобное «прикрепление» музыкальной ткани к трудовому сюжету расширяет спектр национальной идентификации: она осуществляется не только через ладовые и тембровые средства, но и через жанрово-ритмическую логику.

Партия скрипки в «Harvest Fisherman's Song» ставит перед исполнителем ряд взаимосвязанных задач. Первая связана с удержанием тембровой полноты и звуковой наполненности при работе разными штрихами: *spiccato*, *flying staccato*, *sautillé*, *portato*. В быстром темпе средней части эти штрихи легко смещают внимание в сторону технической беглости в ущерб красоте тона; композиторская логика требует сохранения ровного и певучего звука независимо от типа штриха.

Вторая задача – координация движений левой и правой рук в условиях переменных размеров. Чередование 2/4 и 3/4 при высоком темпе требует от скрипача точной внутренней пульсации и синхронизации с фортепианной партией. Отсутствие такой координации быстро приводит к разрушению ансамбля и потере характера пьесы.

Третья задача – передача образной

драматургии трёх разделов формы. Мягкое, певучее вступление первой части, действенный характер средней, кульминационное возвращение темы в репризе и растворяющаяся в верхнем регистре кодетта требуют от исполнителя выстроенной звуковой перспективы и последовательного развития образа.

Четвёртая задача – воспроизведение подражательных инструментальных приёмов. Хотя основные тембровые аллюзии на гуцзинь сосредоточены в партии фортепиано, скрипичная линия также содержит фрагменты, интонационно ориентированные на манеру народных струнных, прежде всего эрху. Исполнитель должен быть знаком с этой манерой, чтобы соответствующим образом окрасить артикуляцию и вибрато.

Пятая задача – ансамблевый баланс с партией фортепиано. Фортепианная фактура насыщена, содержит фигурации, гармонические поддержки и подражательные пассажи; при этом ведущая роль в изложении тематического материала принадлежит скрипке. Соблюдение динамической иерархии требует чуткости обоих исполнителей и точной работы концертмейстера.

«Harvest Fisherman's Song» является одним из наиболее устойчивых образов национальной ветви китайского скрипичного репертуара. Наряду с концертом «Лян Чжу» Хэ Чжаньхао и Чэнь Гана, произведениями Ма Сыцуна и рядом сочинений последующих десятилетий пьеса Ли Зили формирует ядро корпуса произведений, обеспечивающих преемственность национальной традиции. Ц. Жэньпин в фундаментальном труде «Китайская скрипичная музыка» относит творчество Ли Зили к числу опорных явлений отечественной скрипичной композиции второй половины XX в. В настоящее время пьеса входит в учебный, концертный и конкурсный

репертуар китайских скрипачей, а благодаря записям молодых исполнителей приобретает известность и за пределами страны.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих положений. Пьеса Ли Зили «Harvest Fisherman's Song» представляет собой законченный образец национального прочтения скрипичного жанра, в котором художественное содержание, композиционная структура и исполнительские средства подчинены единой задаче – раскрытию образа рыбацкого труда и жизни прибрежных районов Южного Китая.

Композитор опирается на трёхчастную форму с динамической репризой и жанровой характеристикой средней части, обеспечивая последовательное развитие образа от лирического созерцания через действенный труд к кульминационной радости и умиротворению. Национальная идентификация музыкального языка достигается за счёт мажорной пентатоники, цитирования интонационного материала рыбацкой песни «Улов должен быть», тембрового подражания приёмам игры на гуцине и ритмической передачи трудового процесса.

Партия скрипки предъявляет исполнителю комплекс требований: тембровая полнота при работе разнообразными штрихами; координация в условиях переменных размеров; выстроенная драматургия формы; владение приёмами, стилистически связанными с манерой китайских народных струнных; ансамблевый баланс с фортепиано. Комплексное решение этих задач превращает исполнение пьесы в специфический тип художественной работы, требующий от скрипача одновременно европейской технической

школы и глубокого знания китайской традиции.

Практическая значимость полученных результатов состоит в том, что систематизированная характеристика произведения может использоваться в педагогической работе со скрипачами, осваивающими китайский национальный репертуар, а также в концертной подготовке. «Harvest Fisherman's Song» заслуженно занимает место в числе символов китайского скрипичного искусства и представляет отечественную композиторскую школу Китая в мировом концертном пространстве.

Список литературы

1. Итин Т. Становление и развитие скрипичного искусства в Китае // Манускрипт. 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 214-219.
2. Му Цюаньчжи. Становление и развитие скрипичного искусства в Китае: образование, исполнительство, национальный репертуар: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Му Цюаньчжи; Нижегородская государственная консерватория имени М.И. Глинки. – Нижний Новгород, 2018. – 26 с.
3. Ли Хуэй. Анализ жанрово-стилистических особенностей китайской национальной скрипичной школы // Культура и цивилизация. 2023. – Т. 13. – № 8-А. – С. 5-13.
4. Медведева Ю.П. Между Востоком и Западом: скрипичный концерт Хэ Чжаньхао и Чэнь Гана «Влюблённые бабочки» («Лян Чжу») // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2018. – № 3 (49). – С. 40-46.
5. Син С. Творческий путь и скрипичное наследие Ма Сычуна // Общество: философия, история, культура. 2020. – № 5 (73). – С. 141-145.
6. Кэчао В. Элементы китайской музыкальной традиции в скрипичной сонате «Ностальгия» Ма Сычуна // Общество. Среда. Развитие. 2020. – № 4 (57). – С. 24-29.
7. Володько В.Ф. Интеграция пентатоники и европейской гармонии: поиски синтеза в китайской академической музыке XX–XXI вв. // Манускрипт. 2023. – Т. 16, № 12. – С. 1247-1252.
8. Нань В. Западноевропейское и национальное в струнной музыке Китая: пути взаимодействия // Общество: философия, история, культура. 2024. – № 2 (118). – С. 224-229.
9. Лэй Т. Становление скрипичного искусства в Китае // Педагогика и просвещение. 2021. – № 3. – С. 79-92.
10. Яньвэнь Б. Творческий путь и композиторское наследие Ма Сычуна // Культурная жизнь Юга России. 2022. – № 1 (84). – С. 119-125.
11. Чаньцзы Ч. Эволюция музыкального искусства Китая: о развитии диалога музыки Востока и Запада // Вестник Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки. 2023. – Т. 11, № 1. – С. 164-175.
12. Цзо Чжэньгуань. Русские музыканты в Китае. – Санкт-Петербург: Композитор, 2014. – 336 с.
13. Цань Жэньпин. Китайская скрипичная му-

зыка. – Чанша: Хунаньское художественное издательство, 2001. – 234 с.

14. Верб Н.И. Мифологема воды в русской вокальной музыке XIX–XX веков: диссертация на соискание учёной степени доктора искусствоведения: 17.00.02 / Верб Наталия Ивановна; Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова. – Санкт-Петербург, 2020. – Том 1. – 456 с.

15. Лукашенко Д.В. Интеграция технологий искусственного интеллекта в педагогический процесс: влияние на развитие критического мышления обучающихся в условиях цифровой трансформации образования // Альманах Казачество. 2026. – № 93 (4). – С. 13-20.

References

1. Itin T. The Formation and Development of Violin Art in China // Manuscript. 2023. – Vol. 16. – № 2. – P. 214-219.
2. Mu Quanzhi. The Formation and Development of Violin Art in China: Education, Performance, National Repertoire: Abstract of a Candidate of Arts Dissertation: 17.00.02 / Mu Quanzhi; Nizhny Novgorod State Conservatory named after M. I. Glinka. – Nizhny Novgorod, 2018. – 26 p.
3. Li Hui. Analysis of Genre and Stylistic Features of the Chinese National Violin School // Culture and Civilization. 2023. – Vol. 13. – № 8-A. – P. 5-13.
4. Medvedeva Yu.P. Between East and West: He Zhanhao and Chen Gang's Violin Concerto "Butterflies in Love" ("Liang Zhu") // Current Issues in Higher Music Education. 2018. – № 3 (49). – P. 40-46.
5. Xing S. The Creative Path and Violin Legacy of Ma Sicong // Society: Philosophy, History, Culture. 2020. – № 5 (73). – P. 141-145.
6. Kechao V. Elements of Chinese Musical Tradition in Ma Sicong's Violin Sonata "Nostalgia" // Society. Environment. Development. 2020. – № 4 (57). – P. 24-29.
7. Volodko V.F. Integration of the Pentatonic Scale and European Harmony: The Search for Synthesis in Chinese Academic Music of the 20th-21st Centuries // Manuscript. 2023. – Vol. 16. – № 12. – P. 1247-1252.
8. Nan W. Western European and National Elements in Chinese String Music: Paths of Mutual Influence // Society: Philosophy, History, Culture. 2024. – № 2 (118). – P. 224-229.
9. Lei T. The Development of Violin Art in China // Pedagogy and Education. 2021. – № 3. – P. 79-92.
10. Yanwen B. The Creative Path and Composer's Legacy of Ma Sicong // Cultural Life of the South of Russia. 2022. – № 1 (84). – P. 119-125.
11. Chenzi Ch. The Evolution of Chinese Musical Art: On the Development of Dialogue between the Music of the East and the West // Bulletin of the Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka. 2023. – Vol. 11, № 1. – P. 164-175.
12. Zuo Zhenguan. Russian Musicians in China. – St. Petersburg: Kompozitor, 2014. – 336 p.
13. Qian Renping. Chinese Violin Music. – Changsha: Hunan Art Publishing House, 2001. – 234 p.
14. Verba N.I. The Mythologema of Water in Russian Vocal Music of the 19th–20th Centuries: Dissertation for the Degree of Doctor of Art History: 17.00.02 / Verba Natalia Ivanovna; St. Petersburg State Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov. – Saint Petersburg, 2020. – Volume 1. – 456 p.
15. Lukashenko D.V. Integration of artificial intelligence technologies into the pedagogical process: impact on the development of critical thinking in students in the context of digital transformation of education // Almanac Cosacks. 2026. – № 93 (4). – P. 13-20.

Аннотации

Цыбенков Д.Ю.

Катехизация как социальный институт православия в современной России

В статье рассматривается катехизация как социальный институт православия в современной России. Социологические данные фиксируют разрыв между номинальной и осознанной религиозностью. Катехизация рассматривается как институт, способный сыграть ключевую роль в его преодолении. Анализируются нормативные документы Русской Православной Церкви и выделяются институциональные элементы катехизации, а также автором выделяются её функции: регулятивная, социализирующая, транслирующая, адаптационная и интегративна. Показана историческая трансформация института от подготовки язычников к Крещению в ранней Церкви к современной гибридной модели, где приходские формы дополняются цифровыми каналами коммуникации. Делается вывод, что катехизация является социальным институтом, формирующим коммуникативную основу для преодоления разрыва между формальной принадлежностью к православию и подлинной воцерковленностью. В заключение предлагаются направления для дальнейших эмпирических исследований.

Ключевые слова: религия, православие, катехизация, социальный институт, трансформация.

Крюков В.В.

Философия искусственного интеллекта

Статья посвящена анализу ключевых философских проблем, возникающих в связи с развитием систем искусственного интеллекта. Рассматриваются вопросы определения интеллекта, возможности машинного сознания, соотношения синтаксической обработки информации и семантического понимания, морального статуса автономных систем, распределения ответственности за алгоритмические решения, а также социальные последствия внедрения ИИ. Делается вывод, что философия искусственного интеллекта не сводится к обсуждению технической эффективности алгоритмов: она затрагивает основания человеческой субъектности, свободы воли, познания, морали и права.

Искусственный интеллект представляет собой ценность не сам по себе, а как продукт нормального человеческого интеллекта, который не возникает естественным образом, а формируется в искусственной социальной среде в системе знаковой коммуникации, в общении как информационном дубликате практической деятельности. Ценностное отношение определяется сущностью человека и способом его существования, творчески-преобразующим окружающую природную и социальную действительность. Личность выявляет себя в качестве субъекта постольку, поскольку она «выступает от имени» социальной системы – микросообщества или же макрообщества, то есть ценностное отношение должно быть охарактеризовано как исключительно общественное отношение». Искусственный интеллект поэтому есть лишь внешнее подобие субъекта, его симулякр.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сознание, агентность, интенциональность, сильный ИИ, машинное обучение, алгоритмическая ответственность, цифровая этика, философия техники.

Лукманова Л.Ф.

Эволюция концепта виртуальной реальности: от онтологического статуса к гносеологическому измерению

В статье осуществляется комплексный философский анализ генезиса и трансформации концепта «виртуальная реальность» в контексте его взаимодействия с технологиями искусственного интеллекта. Автором прослеживается концептуальная преемственность идеи виртуальности от схоластической традиции (Н. Кузанский) до постмодернистских теорий симуляции (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз). Основной акцент сделан на выявлении гносеологического сдвига: переходе от осмысления виртуальной среды как онтологически неполноценной копии к пониманию её как активного пространства конструирования нового знания. В работе обосновывается статус искусственного интеллекта не просто как технического инструмента, а как когнитивного агента, выступающего медиатором в субъект-объектных отношениях. Статья закладывает методологическую базу для дальнейших исследований гибридных когнитивных систем, вводя категории «алгоритмического посредничества» и «динамического конструктивизма» в эпистемологический дискурс.

Для реализации цели исследования был использован комплексный методологический инструментарий. Согласно проведенному в статье историко-философскому и теоретическому анализу, можно констатировать, что концептуальное поле виртуальной реальности и искусственного интеллекта

претерпело значительную эволюцию, подготовив почву для новой эпистемологической парадигмы. Теоретический фундамент, заложенный в статье, позволяет утверждать: виртуальная реальность под управлением ИИ превращается в фундаментальную гносеологическую структуру. Она не заменяет физический мир, но создает пространство «расширенной рациональности», где истинность знания начинает определяться не только соответствием объекту, но и операциональной эффективностью внутри адаптивной цифровой модели. Это открывает путь к дальнейшему исследованию трансформации субъекта и объекта познания, а также анализу тех этических вызовов, которые неизбежно возникают при столкновении человеческого сознания с автономным алгоритмическим разумом.

Ключевые слова: виртуальная реальность, искусственный интеллект, гносеология, онтология, Николай Кузанский, бытие-возможность, симулякр, когнитивный агент, цифровая эпистемология, методология познания.

Обухова Л.А.

Матющенко А.В.

Государственно-частное партнерство: институциональное доверие как фактор снижения трансакционных издержек (на примере Приморского края)

В статье приведены результаты социологического осмысления проблемы государственно-частного партнерства (ГЧП) сквозь призму теории институционального доверия. В условиях геоэкономического разворота России на Восток и реализации масштабных инфраструктурных проектов на Дальнем Востоке, критическим барьером выступает не дефицит капитала, а дисфункция социального взаимодействия между властью и бизнесом. На основе результатов комплексного социологического исследования, проведенного в Приморском крае в 2024-2025 гг. (N=300: опрос 200 представителей бизнеса и 100 государственных и муниципальных служащих; 20 глубинных интервью), выявлен глубокий «институциональный разрыв». Установлено, что доминирование межличностного доверия над институциональным обуславливает рост оппортунистического поведения и трансакционных издержек. Разработана социолого-управленческая модель формирования «экосистемы доверия», основанная на снижении информационной асимметрии и переходе от парадигмы субординации к парадигме паритетного партнерства.

Ключевые слова: социология управления, государственно-частное партнерство, институциональное доверие, трансакционные издержки, социальный капитал, Приморский край, власть и бизнес.

Ананченкова П.И.

Аксиологические основы долголетия

В статье рассматриваются аксиологические основы долголетия как совокупность ценностных принципов, определяющих отношение общества, государства и самого человека к увеличению продолжительности жизни. Обосновано, что долголетие не может рассматриваться исключительно как биомедицинский или демографический показатель, выраженный числом прожитых лет. Его содержание включает качество жизни, функциональную способность, автономию, социальное участие, межпоколенческую солидарность, достоинство личности, доступ к заботе и возможность самореализации в старшем возрасте. Показано, что современные международные подходы к проблеме старения смещают акцент от модели пассивного дожития к модели активного и здорового долголетия, основанной на правах человека, социальной включенности и уважении к старшему поколению. Особое внимание уделено документам ВОЗ и ООН, в которых долголетие связывается с функциональной способностью, участием в жизни общества, защитой от эйджизма и созданием возрасто-дружественной среды. Сделан вывод о том, что аксиологическое понимание долголетия требует согласования медицинской, социальной, образовательной, трудовой и культурной политики, направленной не только на продление жизни, но и на сохранение ее смысла, достоинства и социальной полноценности.

Ключевые слова: долголетие, аксиология, здоровое старение, активное долголетие, человеческое достоинство, функциональная способность, социальное участие, эйджизм, межпоколенческая солидарность, качество жизни.

Газалов А.Т.

Коммуникативные стратегии органов публичной власти в цифровой среде: региональный опыт взаимодействия с молодежью

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии органов публичной власти в цифровой среде на примере взаимодействия с молодежью в Республике Северная Осетия – Алания. Цель ис-

следования состоит в выявлении институциональных и содержательных особенностей региональной цифровой коммуникации в сфере молодежной политики. Эмпирическую базу составили действующие нормативные правовые акты, материалы официального портала республики, официального сайта Комитета Республики Северная Осетия – Алания по делам молодежи, а также социальные сети, проанализированные как кейс региональной публичной коммуникации. Установлено, что в исследуемом случае сформирована базовая цифровая инфраструктура взаимодействия, однако доминирует информационная модель коммуникации. Сделан вывод о необходимости перехода от преимущественно новостного и отчетного формата к устойчивой модели обратной связи и вовлечения молодежи в обсуждение и реализацию региональной повестки.

Ключевые слова: публичная власть, цифровая среда, молодежь, молодежная политика, Северная Осетия, цифровая коммуникация.

Коваленко Т.Н.

Серёда В.М.

Карпова Е.Е.

Социальная картография бездомности в Санкт-Петербурге: маршруты выживания, точки помощи и барьеры городской навигации

В статье рассматривается социальная картография бездомности в Санкт-Петербурге как способ анализа повседневных маршрутов выживания, точек помощи и барьеров городской навигации. В центре внимания находится не только официальная инфраструктура поддержки бездомных, но и то, как сами люди, находящиеся в ситуации открытой или скрытой бездомности, воспринимают городское пространство, различают безопасные и небезопасные места, запоминают адреса, ориентируются по станциям метро, вокзалам, районам кормлений, пунктам обогрева, местам медицинской и гигиенической помощи. Эмпирической основой выступают материалы полуструктурированных интервью со 107 респондентами (бездомными), проведённых в Санкт-Петербурге в 2025 году. Показано, что городская навигация бездомного человека часто строится не по административной карте учреждений, а по карте практического доступа: где можно поесть, переночевать, помыться, получить перевязку, не столкнуться с унижением или отказом. Особое внимание уделяется роли добровольцев и волонтерских инициатив, которые нередко становятся посредниками между уличной средой и институциональной системой помощи. Делается вывод о необходимости развивать не только сами сервисы помощи, но и понятную низкопороговую навигацию, соединяющую срочную поддержку, добровольческое сопровождение и долгосрочные маршруты ресоциализации.

Ключевые слова: бездомность, социальная картография, городская навигация, добровольчество, волонтерство, низкопороговая помощь, социальная работа, НКО, ресоциализация.

Лобанов М.А.

Мирошниченко Н.В.

Социальные установки пользователей рекламы в социальных сетях

В статье рассматриваются социальные установки пользователей по отношению к рекламе в социальных сетях как важный фактор эффективности цифровых рекламных коммуникаций. Обосновано, что в условиях развития социальных сетей реклама воспринимается не изолированно, а в контексте платформенной среды, алгоритмического отбора контента, пользовательских комментариев, отзывов и прошлого опыта взаимодействия с рекламными сообщениями. Показано, что социальная установка к рекламе включает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты: понимание содержания сообщения, оценку его полезности и достоверности, уровень доверия или раздражения, а также готовность пользователя к конкретным действиям – клику, репосту, покупке, игнорированию, скрытию или блокировке рекламы. Особое внимание уделено типологии пользовательских установок, среди которых выделены позитивно-прагматическая, нейтрально-избирательная, критически-отталкивающая и вовлеченно-коммуникативная модели отношения к рекламе. Рассмотрены основные факторы формирования установок: доверие к платформе, воспринимаемая релевантность рекламного контента, социальное влияние, сетевые оценки и предыдущий опыт взаимодействия. Сделан вывод о том, что эффективность рекламы в социальных сетях определяется не только качеством креатива и точностью таргетинга, но и способностью рекламного сообщения восприниматься как уместный, полезный и ненавязчивый элемент цифровой коммуникации.

Ключевые слова: социальные сети, реклама, социальные установки, цифровая коммуникация, таргетированная реклама, поведение пользователей, доверие к платформе, релевантность контента.

Пархоменко А.А.**Социологический анализ социальной инфраструктуры в контексте регионального развития (теоретический аспект)**

Статья посвящена концептуализации социологических подходов к аналитике регионального развития. Научная проблема заключается в поиске социологических показателей формирования и развития региональной инфраструктуры на основе соответствующей концептуализации. Рассмотрены социальный, экономический, институциональный аспекты управленческих решений относительно регионального развития в целом и развития социальной инфраструктуры региона, в частности. Региональное развитие трактуется как многоаспектный процесс, ключевой целью и критерием успешности которого выступает повышение качества жизни населения, что неразрывно связано с состоянием, доступностью и качеством социальных благ, предоставляемых через систему региональной социальной инфраструктуры. Под социальной инфраструктурой предлагается понимать гибридную, многоуровневую систему материально-вещественных объектов и цифровых платформ, обеспечивающую производство и распределение социальных благ с целью повышения качества жизни населения. Автором показано, что функционирование этой системы определяется диалектическим единством процессов экстенсивного роста, физического износа и цифровой трансформации, порождающей как новые возможности, так и риски социального неравенства. Концептуализация социологических подходов реализована автором с позиции методологического плюрализма. Показана эвристическая ценность функционализма, конфликтологии, теории социального капитала, институционального и системного анализа в плане социологического понимания регионального развития и социальной инфраструктуры в частности. Предложена многомерная исследовательская рамка, где каждый подход компенсирует «слепые зоны» предыдущего. Доказано, что в современных условиях, характеризующихся ускорением социальных изменений и цифровизацией, управление региональным развитием требует дальнейшего теоретического осмысления и эмпирического исследования.

Ключевые слова: региональное развитие, социальная инфраструктура региона, социология управления.

Разгуляева Т.А.**Клиентоцентричность и цифровизация в системе кадрового обеспечения государственной службы**

В статье исследуется взаимосвязь клиентоцентричности и цифровизации как одних из ключевых факторов повышения эффективности кадрового обеспечения государственной службы. Автор обосновывает, что клиентоцентричный подход в отношении внутренних клиентов – государственных служащих – выступает не только стратегическим ориентиром, но и действенным механизмом решения актуальных кадровых проблем: удержания персонала, повышения мотивации и лояльности, преодоления кадрового дефицита. Цифровизация кадровых процессов рассматривается как инструментальная основа реализации клиентоцентричного подхода.

Ключевые слова: государственная служба, кадровое обеспечение, клиентоцентричность, цифровизация, управление персоналом, внутренний клиент, цифровая трансформация, компетенции государственных служащих.

Токарев А.М.**Способы и особенности влияния новых общественных движений в Японии на внутреннюю политику страны**

В статье исследуется влияние новых японских общественных движений на политическую динамику в стране с учетом классификации этих движений по разным типам, выявлены факты конкретных влияний движений и их организаций, анализируется их воздействие на политический и социокультурный ландшафт Японии. Актуальность темы обусловлена мощными структурными изменениям и как во внутренней политике Японии, так и в регионе Восточная Азия. В данном контексте важно исследовать специфику новых общественных движений (НОД) Японии для дальнейшего прогноза их влияния на внутреннюю политику руководства страны, а также понимания политической динамики японского общества. Правящая Либерально-демократическая партия Японии пытается удержать свое положение через коалиционные союзы с небольшими партиями, такими как Комэйто, используя неформальные политические институты и общественные движения для сохранения своего политического влияния, однако убийство бывшего премьер-министра Синдзо Абэ (8 июля 2022 г.) на фоне растущих проблем японского общества (дефицит лидерства, «слабые» премьер-министры, дефицит гражданских прав) означает политический

конфликт на местном уровне по вопросу расширения полномочий префектур страны, несогласных с внутривнутриполитическим курсом Токио. Анализируются неправительственные организации и объединения, являющиеся частью новых общественных движений Японии с последующей оценкой их влияния на внутреннюю политику страны. Выборочная совокупность состоит из более 30 неправительственных организаций и объединений с определением отдельных акторов как части НОД и их классификаций на этнические, социальные и движения за равноправие мужчин и женщин. Анализ показал, что японские НОД являются значимым актором политической жизни Японии, адаптируются к новым условиям и оказывают влияние на формирование внутренней политики. Этнические движения и движения по решению социальных проблем путем проведения публичных акций протеста и использования популистских методов способствует изменению японского законодательства на локальном и глобальном уровнях. Движения за равноправие мужчин и женщин добились значительных успехов в эмансипации женщин во второй половине XX в. и в первой четверти XXI в., однако потенциал системных изменений ограничен ввиду сохраняющейся традиционной конфуцианской модели в японской социокультурной среде.

Ключевые слова: общественные движения, Япония, общественные организации, этнос, ксенофобия, бездомные, внутренняя политика.

Земцова О.А.

Целевое обучение как механизм профессиональной социализации и закрепления молодежи в системе ОАО «РЖД»

Статья рассматривает целевое обучение в ОАО «РЖД» как канал привлечения и этап профессиональной социализации молодежи. Анализ основан на нормативных актах, отчетности за 2025 г. и опросах студентов ($n = 353$), работников ($n = 190$), экспертов ($n = 21$), дополненных данными 2026 г. Отчетность отражает масштаб подготовки и молодежных мероприятий, но не связывает договоры с трудоустройством и удержанием выпускников. В независимых выборках ожидания студентов расходятся с оценкой карьерной ясности работников; наставничество и ясность карьеры связаны с намерением остаться. Гипотеза подтверждена частично: причинный эффект и связь мотивов целевиков с адаптацией и удержанием не установлены.

Ключевые слова: целевое обучение, целевой набор, профессиональная социализация, организационная адаптация, молодые работники, наставничество, удержание персонала, корпоративная молодежная политика, ОАО «РЖД».

Терновая Л.О.

Рябова Е.И.

Чистый код бытия: числовая символика фонтана

В статье исследуется связь фонтанов с математикой – от сакральной геометрии и числовой символики до современных технологических решений. Показывается, как математические принципы (золотое сечение, числа Фибоначчи, платоновы тела, фракталы) воплощаются в архитектуре и дизайне фонтанов, формируя их эстетику и символическое значение. Особое внимание уделено числовой символике (числа 4, 8, 12), которая отражает представления о космическом порядке, цикличности и гармонии. Прослеживается историческая связь фонтанов с трудами известных математиков – от Герона Александрийского до Г.В. Лейбница. Отдельно рассмотрены современные арт-объекты на стыке математики, воды и технологий – например, фонтан Datafountain, визуализирующий динамику финансовых рынков. Статья демонстрирует, как фонтан становится не просто инженерным сооружением, а «языком богов», соединяющим абстрактные математические идеи с материальной формой и культурными смыслами.

Ключевые слова: фонтан, математика, сакральная геометрия, золотое сечение, числа Фибоначчи, числовая символика, платоновы тела, фракталы, гидравлика, арт-объект.

Белякова И.Г.

Культурная адаптация в многоязычной среде современного высшего учебного заведения

В статье рассматриваются современные подходы к культурной адаптации студентов вузов, коммуникативной адаптации, в частности, в рамках изучения предметов, непосредственно связанных с межкультурной коммуникацией. Опираясь на постулаты теории коммуникативной адаптации, автор выдвигает гипотезу о необходимости применения комбинации различных приемов в рамках методики смешанного обучения иностранных языков, включая цифровые сервисы образовательной платформы СДО Moodle. Рассматриваются тактики дистанционного обучения, обсуждаются способы их реализации и эффективность, включая отдельные сервисы и инструменты платформы для выработки иноязычных навыков.

зычной межкультурной компетентности в билингвальной и мультилингвальной среде; делается вывод о важности совершенствования применения новых подходов и цифровых инструментов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурная адаптация, коммуникативная адаптация, многоязычие, межкультурная компетентность, смешанное обучение, дистанционное обучение.

Сузукей В.Ю.

Специфика звуковой системы тувинской инструментальной музыки

Статья рассматривается специфика звуковой системы тувинской традиционной инструментальной музыки. Показано, что тувинская музыкальная традиция не может быть адекватно описана только в категориях европейского музыкознания, ориентированного на дискретную высотность, нотную фиксацию и тонально-функциональные связи. Для тувинской инструментальной музыки, а также для хомоя определяющее значение имеет бурдонно-обертоновая организация звука, в которой устойчивый основной тон и подвижные обертоны образуют единый акустический комплекс. В статье уточняется различие между высотно ориентированной и тембро ориентированной системами звукового мышления, анализируется роль бурдона, обертонового спектра, акустической турбулентности, микрохроматики, конструкции инструмента и исполнительских приемов.

Особое внимание уделено хомусу, хоомею, игилу, бызаанчы и другим традиционным инструментам, в которых тембр выступает не внешней окраской уже готовой мелодии, а самостоятельным структурообразующим фактором. На основе полевых наблюдений и анализа традиционной исполнительской практики показано, что настройка тувинского инструмента в традиционной культуре понималась не как соотнесение каждой струны с фиксированной высотой, а как достижение единого звучания бурдонно-обертонового комплекса. Сделан вывод о необходимости изучения тувинской инструментальной музыки не только по нотным расшифровкам, но и с учетом фонических, эргологических, акустических и культурно-семантических параметров звучания.

Ключевые слова: тувинская инструментальная музыка, хоомей, бурдон, обертоны, акустическая турбулентность, тембр, этнический звукоидеал, игил, хомус, этномузыкалогия.

Рубанцова Т.А.

Сотникова Е.В.

Формирование теорий естественного права в древности

Статья посвящена анализу теорий естественного права в античности. Такой подход обусловлен тем, что даже сегодня концепция естественного права, с одной стороны, является наиболее популярной среди исследователей, а с другой – недостаточно изучена. В современной философии права существует множество теорий относительно происхождения этой теории. При анализе этого явления внимание обращается к эпохе Просвещения, которая является традицией в научных исследованиях при анализе этой концепции. Однако следует отметить, что в античную эпоху первые философские концепции включали категорию «естественного права», и эта концепция имела более широкое значение, чем концепции буржуазной эпохи Просвещения. Концепции естественного права в эпоху Просвещения формировались под влиянием философии античности и развивались величайшими философами, такими как Платон и Аристотель.

Ключевые слова: гуманистические ценности, человеческое достоинство, принцип справедливости, милосердие.

Афанасьев Н.В.

Семиотика небесного медиатора: образ орла в мифологической картине мира эвенков

Статья посвящена культурологическому анализу образа орла (эвенк. киран) как ключевого небесного медиатора в мифологической картине мира эвенков. Образ рассматривается не как изолированный «пережиток тотемизма», а как многоуровневый знак, функционирующий одновременно в языковом, обрядовом, изобразительном и нарративном кодах традиционной культуры. На материале классических этнографических описаний (Л.Я. Штернберг, С.М. Широкогоров, А.Ф. Анисимов, Г.М. Василевич, А.И. Мазин, С.В. Иванов) и с опорой на семиотику культуры тартуско-московской школы, структурную антропологию, морфологический анализ обряда и современные антропологические теории агентности и онтологий показано, что орел выполняет в эвенкийской модели мира функцию оператора вертикального перевода: он связывает несоизмеримые сферы семиосферы – верхний мир (Угу Буга), средний мир людей (Дулин Буга) и нижний мир, – переводя сообщения одного космического «языка» на другой. Предложена трехуровневая интерпретация знака орла (иконическая, индексальная, символическая) и прослежена динамика семиотической ре-функционализации

образа в XX–XXI вв. – от обрядового индекса к символу этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: эвенки, орел, семиотика культуры, медиатор, мифологическая картина мира, шаманизм, модель мира, мировое древо, тунгусо-маньчжурские народы, культурная память.

Рябчук Н.П.

Онтологическое измерение этнической культуры: сотворение мира в творчестве Лейлы Изабакаровой

В статье на примере творчества дагестанской художницы Лейлы Изабакаровой рассматривается онтологическое измерение народного искусства, лежащего в основе этнической культуры. Художественный образ трактуется как микромодель гармоничной Вселенной. Раскрывается символика круга, значение различных сочетаний цвета, ритмическая структура в произведениях прикладного искусства Лейлы Изабакаровой как яркой представительницы традиционного прикладного искусства Кавказа.

Ключевые слова: этническая культура, прикладное искусство, онтологическое измерение, космос и хаос, экзистенциальное высказывание, Кубачи.

Миронов А.В.

Садриева А.Н.

Кузнецова Н.С.

Теньковских Е.М.

Партиципаторные практики в региональном художественном музее (на материале проектов Нижнетагильского музея изобразительных искусств, посвященных Павлу Голубятникову)

Партиципаторные практики, вовлекающие посетителей в коммуникацию с искусством, активно внедряются в деятельность российских художественных музеев в XXI веке. Переход от пассивной демонстрации экспонатов к моделям соучастия актуален как для столичных, так и для региональных институций. В статье рассматривается опыт реализации исследовательских проектов «Исконный свет Салафиила. Светоживопись Павла Голубятникова» и «Фестиваль светоживописи “Исконный свет Салафиила”» в Нижнетагильском музее изобразительных искусств. Цель статьи – выявить партиципаторные методики взаимодействия музея и аудитории в процессе работы с наследием П.К. Голубятникова. На основе включенного наблюдения и рефлексивных сессий авторами представлена специфика вовлечения в процесс партиципации не только посетителей музея, но и экспертного сообщества (художников, ученых, педагогов). В результате исследования определены эффективные форматы сотворчества на стыке науки и искусства, а также показана роль партиципации в раскрытии художественных идей П.К. Голубятникова.

Ключевые слова: партиципаторные практики, культурная медиация, анализ художественного произведения, Нижнетагильский музей изобразительных искусств, П.К. Голубятников, К.С. Петров-Водкин, «Исконный свет Салафиила. Светоживопись Павла Голубятникова», «Фестиваль светоживописи “Исконный свет Салафиила”».

Сунь Маньнин

Гонтарев В.Н.

«Harvest fisherman's song» композитора Ли Зили как один из шедевров китайского скрипичного искусства: особенности создания, композиции и исполнения

В статье исследуется скрипичная пьеса Ли Зили «Harvest Fisherman's Song» («Песнь рыбака об улове»), созданная в 1972 г. и вошедшая в число классических произведений китайского скрипичного репертуара. Анализ проведен на основе клавира произведения, аудиозаписей исполнений и материалов творческой биографии композитора. Установлено, что пьеса длительностью около шести минут написана в трёхчастной форме с динамической репризой и опирается на мелодический материал рыбацкой песни «Улов должен быть», популярной в прибрежных районах провинции Гуандун. В музыкальной ткани сочетаются мажорная пентатоника, имитация приёмов игры на гуцине и элементы импрессионистской звукописи. Выделены четыре ключевых средства национальной идентификации музыкального языка: ладовая опора на пентатонику, интонационное цитирование рыбацкой песни, тембровое подражание народным инструментам, ритмическая передача трудовых процессов рыболовства. Определены пять исполнительских задач для скрипача: удержание тембровой полноты при работе штрихами *spiccato*, *flying staccato*, *sautillé* и *portato*; координация левой и правой рук в переменных размерах 2/4 и 3/4; передача образной драматургии трёх разделов формы; воспроизведение подражательных инструментальных приёмов; выстраивание ансамблевого баланса с партией фортепиано.

Ключевые слова: Ли Зили, китайское скрипичное искусство, «Harvest Fisherman's Song», пентатоника, национальный стиль, рыбацкая песня, штриховая техника, скрипичный репертуар.

Abstracts

Tsybenov D. Yu.

Catechesis as a social institution of orthodoxy in modern Russia

The article examines catechesis as a social institution of Orthodoxy in contemporary Russia. Sociological data record a gap between nominal and conscious religiosity. Catechesis is examined as an institution capable of playing a key role in overcoming this gap. The analysis covers the regulatory framework of the Russian Orthodox Church, within which the structural components of catechesis are outlined. The author also identifies several functions it performs, namely regulatory, socializing, transmitting, adaptive, and integrative. The paper traces the historical evolution of this institution, moving from the early Church practice of preparing pagans for Baptism to the contemporary hybrid model, in which traditional parish forms now operate alongside digital communication channels. It is concluded that catechesis is a social institution that forms a communicative basis for overcoming the gap between formal affiliation with Orthodoxy and genuine church commitment. In conclusion, directions for further empirical research are proposed.

Key words: religion, Orthodoxy, catechesis, social institution, transformation.

Kryukov V. V.

Philosophy of artificial intelligence

The article is devoted to the analysis of key philosophical problems arising in connection with the development of artificial intelligence systems. The issues of defining intelligence, the possibilities of machine consciousness, the relationship between syntactic information processing and semantic understanding, the moral status of autonomous systems, the distribution of responsibility for algorithmic decisions, as well as the social consequences of the introduction of AI are considered. It is concluded that the philosophy of artificial intelligence is not limited to discussing the technical effectiveness of algorithms: it affects the foundations of human subjectivity, free will, cognition, morality and law.

Artificial intelligence holds value not in and of itself, but as a product of normal human intelligence—an intelligence that does not emerge naturally but is instead shaped within an artificial social environment through a system of symbolic communication and interaction, serving as an informational counterpart to practical activity. A value-based attitude is defined by the essence of the human being and their mode of existence—one that creatively transforms the surrounding natural and social reality. An individual manifests as a subject insofar as they “act on behalf of” a social system—whether a micro-community or a macro-society; thus, a value-based attitude must be characterized as an inherently social relationship. Artificial intelligence is, therefore, merely an external semblance of a subject, its simulacrum.

Key words: artificial intelligence, consciousness, agency, intentionality, strong AI, machine learning, algorithmic accountability, digital ethics, philosophy of technology.

Lukmanova L. F.

The evolution of the concept of virtual reality: from ontological status to epistemological dimension

The article provides a comprehensive philosophical analysis of the genesis and transformation of the «virtual reality» concept within the context of its interaction with artificial intelligence technologies. The author traces the conceptual continuity of the idea of virtuality from the Scholastic tradition (Nicholas of Cusa) to postmodern theories of simulation (J. Baudrillard, G. Deleuze). The primary focus is on identifying a gno-seological shift: the transition from interpreting the virtual environment as an ontologically incomplete copy to understanding it as an active space for the construction of new knowledge. The paper substantiates the status of artificial intelligence not merely as a technical tool, but as a cognitive agent acting as a mediator in subject-object relations. The article establishes a methodological foundation for further research into hybrid cognitive systems by introducing the categories of «algorithmic mediation» and «dynamic constructivism» into the epistemological discourse.

To achieve the research goal, a comprehensive methodological toolkit was used.

Based on the historical, philosophical, and theoretical analysis conducted in this article, it can be concluded that the conceptual field of virtual reality and artificial intelligence has undergone significant evolution, paving the way for a new epistemological paradigm. The theoretical foundation laid in this article allows us to assert that AI-driven virtual reality is evolving into a fundamental epistemological structure. It does not replace the physical world, but creates a space of “extended rationality,” where the truth of knowledge begins to be determined not only by its correspondence to the object, but also by its operational effectiveness within an adaptive digital model. This opens the way to further research into the transformation of the subject and object of knowledge, as well as to the analysis of the ethical challenges that inevitably arise when human consciousness collides with autonomous algorithmic intelligence.

Key words: virtual reality, artificial intelligence, epistemology, ontology, Nicholas of Kusan, being-possibility, simulacrum, cognitive agent, digital epistemology, methodology of cognition.

Obukhova L.A.Matyushchenko A.V.**Public-private partnership: institutional trust as a factor in reducing transaction costs (using the example of Primorsky Region)**

The article presents the results of a sociological analysis of the public-private partnership (PPP) problem through the prism of institutional trust theory. In the context of Russia's geoeconomic pivot to the East and the implementation of large-scale infrastructure projects in the Far East, the critical barrier is not a shortage of capital, but a dysfunction of social interaction between government and business. Based on the results of a comprehensive sociological study conducted in Primorsky Krai in 2024–2025 (N = 300: a survey of 200 business representatives and 100 state and municipal employees; 20 in-depth interviews), a deep “institutional gap” was identified. It was established that the dominance of interpersonal trust over institutional trust leads to an increase in opportunistic behavior and transaction costs. A sociological and managerial model for the formation of an “ecosystem of trust” is developed, based on reducing information asymmetry and the transition from the subordination paradigm to the equal partnership paradigm.

Key words: sociology of management, public-private partnership, institutional trust, transaction costs, social capital, Primorsky Krai, government and business.

Ananchenkova P.I.**The axiological foundations of longevity**

The article examines the axiological foundations of longevity as a set of value principles that determine the attitude of society, the state and the person himself to increasing life expectancy. It is proved that longevity cannot be considered solely as a biomedical or demographic indicator expressed by the number of years lived. Its content includes quality of life, functional ability, autonomy, social participation, intergenerational solidarity, personal dignity, access to care and the possibility of self-realization in old age. It is shown that modern international approaches to the problem of aging are shifting the focus from the model of passive survival to the model of active and healthy longevity based on human rights, social inclusion and respect for the older generation. Special attention is paid to WHO and UN documents, in which longevity is associated with functional ability, participation in society, protection from ageism and the creation of an age-friendly environment. It is concluded that the axiological understanding of longevity requires the coordination of medical, social, educational, labor and cultural policies aimed not only at prolonging life, but also at preserving its meaning, dignity and social usefulness.

Key words: longevity, axiology, healthy aging, active longevity, human dignity, functional ability, social participation, ageism, intergenerational solidarity, quality of life.

Gazalov A.T.**Communication strategies of public authorities in the digital environment: regional experience of engaging with youth**

The article examines the communication strategies of public authorities in the digital environment, using interaction with young people in the Republic of North Ossetia–Alania as a case study. The purpose of the study is to identify the institutional and substantive characteristics of regional digital communication in the field of youth policy. The empirical basis of the study comprises current regulatory legal acts, materials from the official portal of the Republic of North Ossetia–Alania, the official website of the Committee of the Republic of North Ossetia–Alania for Youth Affairs, as well as social media, analyzed as a case of regional public communication. The study finds that a basic digital infrastructure for interaction has been established in the case under examination; however, an information-oriented communication model remains dominant. The article concludes that there is a need to move from a predominantly news- and reporting-based format toward a sustainable model of feedback and youth engagement in the discussion and implementation of the regional agenda.

Key words: public authorities, digital environment, youth, youth policy, North Ossetia, digital communication.

Kovalenko T.N.Sereda V.M.Karpova E.E.**Social cartography of homelessness in Saint-Petersburg: survival routes, points of assistance and barriers to urban navigation**

The article examines the social cartography of homelessness in Saint Petersburg as a way of analyzing everyday survival routes, points of assistance and barriers to urban navigation. The focus is not only on the official infrastructure of support for homeless people, but also on how people experiencing open or hidden homelessness perceive urban space, distinguish between safe and unsafe places, remember addresses, and navigate by metro stations, railway stations, food distribution areas, warming points, and places where medical

and hygiene assistance is available. The empirical basis of the article consists of semi-structured interviews with 107 respondents experiencing homelessness, conducted in Saint Petersburg in 2025. The study shows that the urban navigation of a homeless person is often structured not by the administrative map of institutions, but by a map of practical access: where one can eat, spend the night, wash, receive wound dressing, and avoid humiliation or refusal. Particular attention is paid to the role of volunteers and volunteer initiatives, which often act as intermediaries between the street environment and the institutional assistance system. The article concludes that it is necessary to develop not only assistance services themselves, but also clear low-threshold navigation that connects emergency support, volunteer accompaniment and long-term routes of resocialization.

Key words: homelessness, social cartography, urban navigation, volunteerism, volunteering, low-threshold assistance, social work, NGOs, resocialization.

Lobanov M.A.

Miroshnichenko N.V.

Social settings of users of advertising on social networks

The article examines the social attitudes of users towards advertising on social networks as an important factor in the effectiveness of digital advertising communications. It is proved that in the context of the development of social networks, advertising is perceived not in isolation, but in the context of the platform environment, algorithmic selection of content, user comments, reviews and past experience of interacting with advertising messages. It is shown that the social attitude towards advertising includes cognitive, emotional and behavioral components: understanding the content of the message, assessing its usefulness and reliability, the level of trust or irritation, as well as the user's willingness to take specific actions such as clicking, reposting, buying, ignoring, hiding or blocking ads. Special attention is paid to the typology of user attitudes, among which the positive-pragmatic, neutral-selective, critical-repulsive and involved-communicative models of attitude to advertising are highlighted. The main factors of the formation of attitudes are considered: trust in the platform, perceived relevance of advertising content, social influence, network ratings and previous experience of interaction. It is concluded that the effectiveness of advertising on social networks is determined not only by the quality of creativity and targeting accuracy, but also by the ability of an advertising message to be perceived as an appropriate, useful and unobtrusive element of digital communication.

Key words: social media, advertising, social attitudes, digital communication, targeted advertising, user behavior, platform trust, content relevance.

Parkhomenko A.A.

Sociological analysis of social infrastructure in the context of regional development (theoretical aspect)

The article is devoted to the conceptualization of sociological approaches to regional development. At the same time, the scientific problem is determined by the need to search for new knowledge regarding the sociological indicators of the formation and development of regional infrastructure, as well as the corresponding conceptualization of existing sociological approaches to the analysis of regional development. The social, economic and institutional aspects of management decisions regarding regional development in general and the development of social infrastructure in particular are considered. Regional development is interpreted as a multifaceted process, the key goal and criterion of success of which is improving the quality of life of the population, which is inextricably linked with the condition, availability and quality of social benefits provided through the social infrastructure system. Social infrastructure is proposed to be understood as a hybrid, multi-level system of material objects and digital platforms that ensures the production and distribution of social benefits in order to improve the quality of life of the population.

The author shows that the functioning of this system is determined by the dialectical unity of the processes of extensive growth, physical deterioration and digital transformation, which generates both new opportunities and risks of social inequality. The conceptualization of sociological approaches is implemented by the author from the position of methodological pluralism. The heuristic value of functionalism, conflictology, social capital theory, institutional and systemic analysis in terms of sociological understanding of regional development and social infrastructure in particular is shown. A multidimensional research framework is proposed, where each approach compensates for the "blind spots" of the previous one. It has been proven that in modern conditions, characterized by the acceleration of social change and digitalization, the management of regional development requires further theoretical understanding and empirical research.

Key words: regional development, regional social infrastructure, sociology of management.

Razguliaeva T.A.

Client-centricity and digitalization in the civil service human resource management

The article examines the relationship between customer-centricity and digitalization as one of key factors in improving the efficiency of human resource management in the civil service. The author argues that a cus-

customer-centric approach towards internal clients – civil servants – serves not only as a strategic guideline but also as an effective mechanism for addressing current personnel challenges: staff retention, increasing motivation and loyalty, and overcoming personnel shortages. Digitalization of HR processes is considered as the instrumental basis for implementing the customer-centric approach.

Key words: civil service, human resource management, customer-centricity, digitalization, personnel management, internal client, digital transformation, competencies of civil servants.

Tokarev A.M.

Methods and characteristics of the influence of new social movements in Japan on domestic policy

This article examines the influence of new Japanese social movements on the country's political dynamics, taking into account the classification of these movements into different types; it identifies instances of the specific influence exerted by these movements and their organisations, and analyses their impact on Japan's political and socio-cultural landscape. The relevance of the topic stems from significant structural changes in both Japan's domestic politics and the East Asian region. In this context, it is important to examine the specific characteristics of Japan's new social movements (NSMs) in order to forecast their future influence on the country's domestic policy and to understand the political dynamics of Japanese society. Japan's ruling Liberal Democratic Party is attempting to maintain its position through coalition alliances with smaller parties such as Komeito, utilising informal political institutions and social movements to preserve its political influence; however, the assassination of former Prime Minister Shinzo Abe (8 July 2022), against a backdrop of growing problems in Japanese society (a leadership deficit, 'weak' prime ministers, a deficit in civil rights), has sparked political conflict at the local level over the expansion of powers for the country's prefectures, which disagree with Tokyo's domestic policy course. Non-governmental organisations and associations that form part of Japan's new social movements are analysed, followed by an assessment of their influence on the country's domestic policy. The sample comprises more than 30 non-governmental organisations and associations, with individual actors identified as part of civil society organisations and classified into ethnic, social and gender equality movements. The analysis has shown that Japanese civil society organisations are significant actors in Japan's political life, adapting to new conditions and influencing the formation of domestic policy. Ethnic movements and movements addressing social issues, through public protests and the use of populist methods, contribute to changes in Japanese legislation at both local and global levels. Movements for gender equality achieved significant successes in the emancipation of women in the second half of the 20th century and the first quarter of the 21st century; however, the potential for systemic change is limited due to the persistence of the traditional Confucian model within Japan's socio-cultural environment.

Key words: social movements, Japan, public organizations, ethnicity, xenophobia, homeless, domestic policy.

Zemtsova O.A.

Targeted education as a mechanism for the professional socialization and retention of young people in Russian railways

The article assesses targeted education at Russian Railways as a recruitment channel and an initial stage of young employees' professional socialization. The analysis draws on current regulations, 2025 corporate reports, surveys of railway-university students (n = 353), employees (n = 190) and experts (n = 21), and separate field data from 2026. Reports show the scale of recruitment, placements and youth activities but do not link target contracts to the employment and retention of a specific graduate cohort. Independent samples show a descriptive gap between students' expectations and employees' assessment of career clarity; mentoring and career clarity are associated with employees' intention to stay. The hypothesis receives partial support: guarantees and placements shape organizational entry, but the data cannot trace an individual target student's motives through adjustment and retention. No causal effect is established.

Key words: targeted training, targeted recruitment, professional socialization, organizational adaptation, young workers, mentoring, staff retention, corporate youth policy, Russian Railways.

Ternovaya L.O.

Ryabova E.I.

The pure code of being: the numerical symbolism of a fountain

This article explores the relationship between fountains and mathematics, from sacred geometry and numerical symbolism to modern technological solutions. It demonstrates how mathematical principles (the golden ratio, Fibonacci numbers, Platonic solids, and fractals) are embodied in the architecture and design of fountains, shaping their aesthetics and symbolic meaning. Particular attention is paid to numerical symbolism (the numbers 4, 8, and 12), which reflects ideas about cosmic order, cyclicity, and harmony. The historical connection between fountains and the works of famous mathematicians is traced, from Heron of Alexandria to G.W. Leibniz. Contemporary art objects at the intersection of mathematics, water, and technology are also ex-

amined, such as the Datafountain, which visualizes the dynamics of financial markets. The article demonstrates how a fountain becomes not just an engineering structure, but a “language of the gods,” connecting abstract mathematical ideas with material form and cultural meanings.

Key words: fountain, mathematics, sacred geometry, golden ratio, Fibonacci numbers, numerical symbolism, Platonic solids, fractals, hydraulics, art object.

Belyakova I.G.

Cultural adaptation in the multilingual environment of a modern higher education institution

The article discusses modern approaches to cultural adaptation of university students, communicative adaptation, in particular, in the framework of studying subjects directly related to intercultural communication. Based on the postulates of the theory of communicative adaptation, the author hypothesizes the need to use a combination of various techniques within the framework of the methodology of blended learning of foreign languages, including the digital services of the educational platform Moodle. Distance learning tactics are considered, ways of their implementation and effectiveness are discussed, including individual services and platform tools for developing foreign-language intercultural competence in a bilingual and multilingual environment; it is concluded that it is important to improve the use of new approaches and digital tools.

Key words: intercultural communication, cultural adaptation, communicative adaptation, multilingualism, intercultural competence, blended learning, distance learning.

Suzukey V.Yu.

Specifics of the sound system of Tuvan instrumental music

The article examines the specifics of the sound system of traditional Tuvan instrumental music. It is shown that Tuvan musical tradition cannot be adequately described only through the categories of European musicology, which is mainly focused on discrete pitch, notation and tonal-functional relations. In Tuvan instrumental music, as well as in khoomei, the drone-overtone organization of sound is of primary importance: a stable fundamental tone and mobile overtones form a single acoustic complex. The article clarifies the distinction between pitch-oriented and timbre-oriented systems of musical thinking and analyzes the role of drone, overtone spectrum, acoustic turbulence, microchromatics, instrument construction and performing techniques.

Particular attention is paid to the khomus, khoomei, igil, byzaanchy and other traditional instruments, in which timbre functions not as an external coloring of a melody but as an independent structural factor. Based on field observations and analysis of traditional performance practice, the article shows that tuning a Tuvan instrument in traditional culture was understood not as correlating each string with a fixed pitch, but as achieving a unified sound of the drone-overtone complex. The conclusion is made that Tuvan instrumental music should be studied not only through musical notation, but also through phonic, ergological, acoustic and cultural-semantic parameters of sound.

Key words: Tuvan instrumental music, khoomei, bourdon, overtones, acoustic turbulence, timbre, ethnic sound ideal, igil, khomus, ethnomusicology.

Rubantsova T.A.

Sotnikova E.V.

The formation of natural law theories in antiquity

The article is devoted to the analysis of natural law theories in antiquity. This approach is обусловлен by the fact that, even today, the concept of natural law is, on the one hand, the most popular among researchers, and, on the other hand, it has not been sufficiently studied. There are many theories in modern philosophy of law regarding the origin of this theory. When analyzing this phenomenon, attention is drawn to the Enlightenment era, which is a tradition in scholarly research when analyzing this concept. However, it should be noted that in the era of antiquity, the first philosophical concepts included the categories of “natural law,” and this concept had a broader meaning than the concepts of the bourgeois Enlightenment era. The concepts of natural law in the Enlightenment era were shaped by the philosophy of the ancient era and were developed by the greatest philosophers, such as Plato and Aristotle.

Key words: humanistic values, human dignity, the principle of justice, mercy.

Afanasev N.V.

Semiotics of the celestial mediator: the image of the eagle in the Evenki mythological worldview

This article is devoted to a cultural analysis of the image of the eagle (Evenki: kiran) as a key celestial mediator in the Evenki mythological worldview. The image is viewed not as an isolated “relic of totemism,” but as a multi-layered symbol functioning simultaneously within the linguistic, ritual, pictorial, and narrative codes of traditional culture. Drawing on classical ethnographic descriptions (L.Ya. Sternberg, S.M. Shirokogorov, A.F. Anisimov, G.M. Vasilevich, A.I. Mazin, S.V. Ivanov) and drawing on the semiotics of the Tartu-Moscow school, structural anthropology, morphological analysis of ritual, and contemporary anthropological theories

of agency and ontologies, this article demonstrates that the eagle functions as a vertical translation operator in the Evenki worldview: it links the disparate spheres of the semiosphere—the upper world (Ugu Buga), the middle world of people (Dulin Buga), and the lower world—by translating the messages of one cosmic “language” into another. A three-level interpretation of the eagle sign (iconic, indexical, and symbolic) is proposed, and the dynamics of the semiotic refunctionalization of the image in the 20th–21st centuries are traced—from a ritual index to a symbol of ethnocultural identity.

Key words: Evenki, eagle, semiotics of culture, mediator, mythological picture of the world, shamanism, model of the world, world tree, Tungus-Manchu peoples, cultural memory.

Ryabchun N.P.

The ontological dimension of ethnic culture: the creation of the world of Leyla Izabakarova

This article examines the ontological dimension of folk art—which forms the foundation of ethnic culture—through the work of Dagestani artist Leila Izabakarova. The artistic image is interpreted as a micromodel of a harmonious Universe. The study explores the symbolism of the circle, the significance of various color combinations, and the rhythmic structure found in the applied art of Leila Izabakarova, a prominent representative of traditional Caucasian applied art.

Key words: ethnic culture, applied art, ontological dimension, cosmos and chaos, existential statement, Kubachi.

Mironov A.V.

Sadrieva A.N.

Kuznetsova N.S.

Tenkovskikh E.M.

Participatory practices in a regional art museum (based on projects by the Nizhny Tagil museum of fine arts dedicated to Pavel Golubyatnikov)

Participatory practices that engage visitors in a dialogue with art are being actively implemented in Russian art museums during the 21st century. The shift from the passive display of exhibits to participatory models is relevant for both metropolitan and regional institutions. This article examines the implementation of the research projects “Salaphiel’s Primordial Light: Pavel Golubyatnikov’s Light-Painting” and the “Salaphiel’s Primordial Light” Light-Painting Festival” at the Nizhny Tagil Museum of Fine Arts. The article aims to identify participatory methods of interaction between the museum and its audience while engaging with the legacy of P.K. Golubyatnikov. Drawing on participant observation and reflexive sessions, the authors outline the specifics of engaging not only museum visitors but also the expert community (artists, scholars, and educators) in the participatory process. The study identifies effective formats for co-creation at the intersection of science and art and demonstrates the role of participation in revealing the artistic ideas of P.K. Golubyatnikov.

Key words: participatory practices, cultural mediation, analysis of a work of art, Nizhny Tagil Museum of Fine Arts, P.K. Golubyatnikov, K.S. Petrov-Vodkin, “The Primordial Light of Salathiel. Light Painting by Pavel Golubyatnikov”, “Light Painting Festival “The Primordial Light of Salathiel”.

Sun Mannin

Goptarev V.N.

«Harvest fisherman’s song» by composer Li Zili as one of the masterpieces of Chinese violin art: features of creation, composition, and performance

The article examines Li Zili’s violin piece «Harvest Fisherman’s Song» (1972), which has become part of the classical Chinese violin repertoire. The analysis is based on the piano score, audio recordings of performances, and materials from the composer’s creative biography. It is established that the piece, lasting approximately six minutes, is written in a three-part form with a dynamic reprise and draws on the melodic material of the fishing song «The Catch Must Come», popular in the coastal areas of Guangdong Province. The musical fabric combines major pentatonicism, imitation of guqin playing techniques, and elements of impressionist tone painting. Four key means of national identification of the musical language are identified: modal reliance on pentatonicism, intonational quoting of the fishing song, timbral imitation of folk instruments, and rhythmic rendering of the labor processes of fishing. Five performing tasks for the violinist are defined: maintaining the fullness of timbre when working with the strokes spiccato, flying staccato, sautillé, and portato; coordination of the left and right hands in variable meters 2/4 and 3/4; conveying the imagery of the three sections of the form; reproducing imitative instrumental techniques; and building an ensemble balance with the piano part.

Key words: Li Zili, Chinese violin art, «Harvest Fisherman’s Song», pentatonicism, national style, fishing song, bow stroke technique, violin repertoire.

Авторы

Ананченкова П.И. - кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент, завкафедрой экономики и социологии здравоохранения. Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко.

Афанасьев Н.В. - кандидат филологических наук. Арктический государственный университет искусств, культуры и креативных индустрий. AuthorID: 797940 / SPIN-код: 2827-2148 / ORCID: 0000-0002-6934-7585

Белякова И.Г. - профессор департамента языковой подготовки Общеакадемического факультета. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Газалов А.Т. - аспирант 1 курса научной специальности 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, кафедра общественных связей и медиаполитики, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Гоптарев В.Н. - кандидат педагогических наук, доцент. Казанская государственная консерватория имени Н.Г. Жиганова, г. Казань.

Земцова О.А. - аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. АНО ВО Академия «РЖД-Медицина. ORCID: 0009-0004-2109-279X

Карпова Е.Е. - специалист по социальной работе, Благотворительный фонд «Детский и взрослый хоспис «Бумажная птица», г. Санкт-Петербург.

Коваленко Т.Н. - кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет. AuthorID: 720845.

Крюков В.В. - доктор философских наук, профессор кафедры правовых и социальных наук. Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск.

Кузнецова Н.С. - кандидат педагогических наук, декан факультета художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Лобанов М.А. - аспирант кафедры психологии, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, г. Москва.

Лукманова Л.Ф. - аспирант кафедры философии. Казанский (Федерального) Приволжский университет, г. Казань.

Матющенко А.В. - магистр управления, аспирант кафедры управления персоналом. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Мионов А.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Мирошниченко Н.В. - кандидат экономических наук, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, г. Москва.

Обухова Л.А. - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пархоменко А.А. - аспирант кафедры социологии. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. ResearcherID: OVZ-9863-2025

Разгуляева Т.А. - аспирант. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, преподаватель Академии.

Рубанцова Т.А. - профессор кафедры правовых и социальных наук. Сибирский университет геосистем и технологий, г. Новосибирск.

Рябова Е.И. - кандидат политических наук. Юрист, Главный редактор журнала «Альманах Крым». Ученый секретарь Учёного совета Севастопольского филиала АТиСО.

Рябчун Н.П. - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина».

Садриева А.Н. - кандидат культурологии, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Серёда В.М. - доктор медицинских наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет. AuthorID: 434059

Сотникова Е.В. - доцент кафедры правовых и социальных наук. Сибирский университет геосистем и технологий, г. Новосибирск.

Сузукей В.Ю. - доктор культурологии главный научный сотрудник. Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл.

Сунь Маньнин - магистрант. Казанская государственная консерватория имени Н.Г. Жиганова, г. Казань.

Теньковских Е.М. - студент. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти», руководитель проекта.

Токарев А.М. - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Цыбенков Д.Ю. - аспирант. Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального Университета.

Authors

Afanasev N.V., Candidate of Philological Sciences. Arctic State University of Arts, Culture and Creative Industries. AuthorID: 797940 / SPIN-код: 2827-2148 / ORCID: 0000-0002-6934-7585

Ananchenkova P.I., Candidate of Economics, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Sociology of Healthcare at the National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko.

Belyakova I.G., Professor of the Department of Language Training, General Academic Faculty, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Gazalov A.T., First-year postgraduate student, specializing in 5.4.4. Social Structure, Social Institutions and Processes, Department of Public Relations and Media Policy, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Goptarev V.N., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganov, Kazan.

Karpova E.E., Social Work Specialist, Children's and Adult Hospice "Paper Bird" Charitable Foundation, St. Petersburg.

Kovalenko T.N., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University. Author ID: 720845.

Kryukov V.V., Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Legal and Social Sciences, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk.

Kuznetsova N.S., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Art Education. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Lobanov M.A., Postgraduate Student, Department of Psychology, A.N. Kosygin Russian State University, Moscow.

Lukmanova L.F., Postgraduate student of the Department of Philosophy. Kazan (Federal) Volga University, Kazan.

Matyushchenko A.V., Master of Management, PhD student, Department of Human Resources Management. Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mironov A.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Art Education. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Miroshnichenko N.V., Candidate of Sciences (Economics), A.N. Kosygin Russian State University, Moscow.

Obukhova L.A., Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Human Resources Management. Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Parkhomenko A.A., Postgraduate student in the Department of Sociology. Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba. ResearcherID: OVZ-9863-2025

Razguliaeva T.A., Postgraduate student. Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, lecturer at the Academy.

Rubantsova T.A., Professor of the Department of Legal and Social Sciences. Siberian University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk.

Ryabchun N.P., Associate Professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas National Research University) Russian Federation.

Ryabova E.I., Candidate of Political Sciences, Lawyer, Editor-in-Chief of the journal "Almanac of Crimea". Academic Secretary of the Academic Council of the Sevastopol Branch of the Academy of Historical and Cultural Studies.

Sadrieva A.N., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Art Education. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Sereda V.M., Doctor of Medical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University. Author ID: 434059

Sotnikova E.V., Associate Professor at the Department of Legal and Social Sciences. Siberian University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk.

Sun Mannin, Master Student. Kazanskaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni N.G. Zhiganova, Kazan.

Suzukey V.Yu., Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socioeconomic Research, Kyzyl.

Tenkovskikh E.M., Student. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "The Power of History and the History of Power", and Project Manager.

Tokarev A.M., Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Tsybenov D.Yu., Graduate student of the School of Education, Psychology and Sociology, of Siberian Federal University.

Zemtsova O.A., Postgraduate student. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. ANO VO Academy "RZhD-Medicine". ORCID: 0009-0004-2109-279X